
А. М. ДЬЯКОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ВОПРОС
И
АНГЛИЙСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ
В ИНДИИ

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ·1948

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
Т И Х О О К Е А Н С К И Й   И Н С Т И Т У Т

А. М. ДЬЯКОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
И
АНГЛИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
В ИНДИИ

ОГИЗ
*Государственное издательство
политической литературы*
1948

ВВЕДЕНИЕ

Обострение кризиса колониальной системы является одним из проявлений усилившегося после второй мировой войны общего кризиса капитализма.

В докладе на информационном совещании некоторых компартий в конце сентября 1947 г. А. А. Жданов дал следующую характеристику обострения кризиса колониальной системы: «Обострение в итоге второй мировой войны кризиса колониальной системы выразилось в мощном подъёме национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Тем самым были поставлены под угрозу тылы капиталистической системы. Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополии не могут больше по-старому управлять колониями»¹.

Кризис английского господства в Индии есть одно из наиболее ярких проявлений кризиса колониальной системы после второй мировой войны.

Индия — важнейшее из всех британских владений. 400-миллионное население Индии составляет более трёх четвертей населения всей Британской империи и более половины всего населения колониального мира.

Судьбы Британской империи теснейшим образом были связаны с господством Англии в Индии. Индия являлась вплоть до второй мировой войны важнейшим рынком

---

¹ «Информационное совещание представителей некоторых компартий», Госполитиздат, 1948, стр. 17.

сбыта английских товаров, важнейшей сферой вывоза английского капитала.

Опираясь на своё политическое господство и командные высоты в экономике, английские правящие классы извлекали и извлекают из Индии огромную колониальную дань, составлявшую накануне второй мировой войны 130—140 млн. фунтов стерлингов в год.

Индия сыграла огромную роль во всей истории развития английского капитализма и Британской империи. В эпоху первоначального накопления капитала Остиндская компания выкачивала из Индии огромные богатства, ускорив этим развитие капитализма в Англии. На протяжении веков Индия была страной, вывозившей промышленные изделия, но с начала XIX столетия она начала быстро превращаться в рынок сбыта для товаров английских фабрик и источник сырья для них.

Индия служила английским господствующим классам не только источником экономического обогащения, но и базой для новых империалистических захватов. Овладев Индией, опираясь на её огромные материальные и людские ресурсы, Англия захватила Цейлон, остров Маврикия, Малайю, Бирму, Кению и другие владения по берегам Индийского океана и утвердила своё господство в Юго-Восточной Азии и Восточной Африке. Известный английский консервативный политический деятель конца XIX и начала XX века лорд Керзон говорил в своей речи «О месте Индии в Британской империи»:

«Центральное положение Индии, её огромные ресурсы, её постоянно увеличивающееся население, её большие торговые гавани, её запасы и военные силы, составляющие армию, которая постоянно находится в состоянии высокой боевой готовности и которая в один момент может быть переброшена в любой пункт Азии или Африки, — всё это говорит о чрезвычайно большом значении Индии». «Индийцы доставляют нам рабочую силу, чтобы эксплуатировать наши колонии, разбросанные по всему земному шару».

Индия обладает значительными запасами ископаемых: железной и марганцевой руды, угля, некоторых редких

металлов. Её водные ресурсы очень велики. Но двухвековая колониальная зависимость сковала развитие производительных сил Индии, и она превратилась в одну из наиболее бедных стран мира.

Индия — типичная аграрная страна. По данным переписи 1941 г., из 389 млн. населения 339,3 млн. приходится на деревенских жителей и всего 49,7 млн., около 13%, — на горожан.

Индийская промышленность, если принять во внимание численность населения, развита слабо. На крупных фабриках и заводах, на рудниках и шахтах, железных дорогах, в портах и на плантациях занято около 7 млн. рабочих. Промышленная продукция по стоимости составляла лишь 20% всей продукции Индии. Структура индийской промышленности характерна для отсталых колониальных и зависимых стран. Лёгкая промышленность преобладает над тяжёлой; основными отраслями являются текстильная, пищевкусовая и горная; машиностроение как особая отрасль промышленности почти отсутствует. Из 3 млн. (1936 г.) рабочих обрабатывающей промышленности свыше 55% было занято в хлопчатобумажном и джутовом производстве, 14% — в пищевкусовых предприятиях, а на всю металлообрабатывающую промышленность (включая и железнодорожные мастерские) приходилось лишь 15% общего числа рабочих. Чёрная металлургия производила около 2 млн. тонн чугуна и 1,2 млн. тонн стали.

Сельское хозяйство Индии находится в состоянии глубокого упадка. Сильнейшие пережитки феодальных отношений, господствующие в индийской деревне, привели сельское хозяйство в состояние деградации. Индия, бывшая до английского господства одной из житниц мира, Индия, в которой могут культивироваться почти все сельскохозяйственные растения, в результате длительного колониального порабощения её населения английскими империалистами не в состоянии обеспечить даже голодного пайка своим жителям.

Господство в Индии дало колоссальные богатства английской буржуазии и превратило в нищих сотни миллионов трудящихся Индии.

Кризис английского господства в Индии является наиболее важным проявлением кризиса всей британской колониальной системы.

Длительный процесс завоевания Индии Англией был закончен в конце первой половины XIX века. В 1849 г. пало последнее независимое государство Индии — империя сикхов в Пенджабе. Индия стала английской колонией.

Английская Остиндская компания грабила Индию и вывозила из неё огромные богатства. Она разрушала традиционные основы индийского общества, но новые производственные отношения в нём не развивались. Из страны, вывозившей готовые продукты, Индия превратилась в поставщика сырья для английской промышленности и рынок сбыта английских товаров. Стремясь извлечь из эксплуатации Индии как можно больше прибылей, английская буржуазия должна была начать строительство железных дорог и угольных копей. Этим помимо её воли она способствовала развитию в Индии национальной промышленности, появлению индийского промышленного пролетариата, индийской буржуазии и интеллигенции.

К развитию железнодорожной сети побуждали английские правящие круги также и военно-стратегические соображения. В 1853 г. была построена первая железная дорога в Индии: от города Бомбея до города Тхана. Первая хлопчаткацкая фабрика была построена в Бомбее в 1854 г.; в том же году в Бенгалии была построена первая джутовая фабрика; в 1820 г. была построена первая шахта в Бенгалии.

По мере расширения своих владений и роста капиталистических предприятий в Индии английские завоеватели почувствовали необходимость иметь грамотных чиновников из местного населения. В 1835 г. в Индии была проведена реформа просвещения и развёрнута сеть правительственных школ, которые подготовляли чиновников для аппарата Остиндской компании.

Постройка фабрик, железных дорог, угольных шахт, обучение хотя и небольшой части индийцев основам новой науки и техники означали, что Индия начала развиваться по пути капитализма.

Объединение Индии под английской властью и развитие капитализма изменили и характер борьбы индийцев против англичан. В период завоевания англичане встречали разрозненное сопротивление со стороны отдельных народов и государств. В некоторых местах это сопротивление носило особенно упорный характер, например в стране маратхов — Махараштре, в Майсуре и пенджабском государстве сикхов, но всё же это было разрозненное сопротивление. Ни в XVII, ни в XVIII веке борьба против Англии не носила всеиндийского характера. Закончившееся в 1849 г. подчинение всей Индии, превращение князей в вассалов Англии создали базу для объединения отдельных областей Индии в общей борьбе всего индийского народа против иноземных завоевателей.

Действительно всенародным движением было восстание, именуемое в английской литературе Сипайским, которое охватило всю равнину Ганга и Центральную Индию и в котором принимали участие и индусы, и мусульмане. Это восстание носило ещё многие черты прошлого периода. Феодалные элементы играли значительную роль в руководстве восстанием, лозунгом его являлось: восстановление империи Великих Моголов. Но, несмотря на это, ряд новых характерных черт был присущ этому восстанию. Движение 1857 г. было первым восстанием против англичан, носившим всеиндийский характер. Карл Маркс характеризовал его следующим образом: «Мятежи бывали и до этого в индийской армии, но нынешнее восстание отличается от предшествующих характерными и особо-опасными чертами. Это первый случай в истории, что сипайские полки перебили своих европейских офицеров; что мусульмане и индусы, забыв взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ; что «волнения, начавшись среди индусов, привели к возведению на трон в Дели магометанского императора»; что восстание не ограничилось небольшим количеством местностей и что, наконец, восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением общего недовольства против английского господства со стороны великих азиатских народов, ибо восстание бенгальской

армии, вне всякого сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами»¹.

Эту особенность восстания 1857 г. подчёркивают также и авторы книги «Национализм»: «Англичане силой навязали им (индийцам. — А. Д.) своё господство и нарушали многие их обычаи. Всем известно, что последнее обстоятельство послужило причиной сипайского восстания...»²

Непосредственно после подавления восстания в Индии начался период жестокого террора. Это был период политической реакции, когда в значительной мере была подавлена не только политическая, но и культурная активность индийцев. Однако уже в 70-х годах XIX столетия начинают появляться признаки оживления политической и культурной активности индийской буржуазии и интеллигенции, усиливается крестьянское движение.

Проникновение капиталистических отношений в деревню разрушало в ней традиционный уклад жизни, усиливало торгово-ростовщическую эксплуатацию крестьянства. Росли налоги, увеличенные англо-индийским правительством для покрытия военных расходов. Голод стал постоянным явлением в Индии. Недовольство крестьян во многих местах (Махараштра, округ Годавери) перерастало в восстания.

В 1885 г. был основан Национальный конгресс, который представлял умеренную организацию индийских капиталистов, помещиков и интеллигентов, созданию которой содействовали сами английские правители Индии. Основоположники Национального конгресса — Махадев Говинд Ранаде, судья, историк и экономист; Дадабхай Наороджи, писатель, экономист, выходец из семьи богатых купцов — парсов; Ферузешах Мехта, богатейший бомбейский адвокат; Сурендра Натх Баннерджи, крупный чиновник, и другие — были тесно связаны с «деловыми» кругами индийской буржуазии и с английским правительственным аппаратом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 214.

² «Nationalism. Report by a group of the Royal Institute of International Affairs», Oxf. 1939, p. 153.

В первый период своей деятельности Конгресс ставил перед собой узкие задачи: включение индийцев в законодательные советы при вице-короле и губернаторах провинций, большее вовлечение индийцев в государственный аппарат, содействие развитию индийской промышленности, сокращение военных расходов и т. п.

Ограниченность политического движения буржуазии этого периода сказывалась в том, что оно охватывало часть индусской буржуазии и интеллигенции и очень слабо мусульман.

К началу XX века промышленность Индии шагнула вперёд по пути капиталистического развития. Несмотря на то, что английское правительство проводило политику торможения развития тех отраслей промышленности, которые могли конкурировать с промышленностью метрополии, эти отрасли развивались и сделались оплотом национальной промышленной буржуазии. В первую очередь это относится к хлопчатобумажной промышленности. В 1907 г. в Индии было уже свыше 200 хлопчатобумажных фабрик и на них работало более 225 тыс. рабочих. Большинство этих фабрик принадлежало индийским капиталистам.

Росли также и те отрасли промышленности, которые были монополией британского капитала: угольная, джутовая, чайная. Их рост усиливал экономические позиции английского капитала, но в то же время он расширял ряды индийского пролетариата и интеллигенции. Выросла и усилилась индийская буржуазия, вырос и стал проявлять активность пролетариат Индии. Противоречия между империалистической метрополией и колонией стали выступать резче.

Дадабхай Наороджи писал: «Может быть принято за аксиому, что с материальным богатством из страны уходят знание и опыт. Теперь европейцы в Индии занимают почти все высшие должности во всех департаментах правительства. Будучи в Индии, они забирают индийские деньги, опыт и знания и, когда уезжают, оставляют Индию более бедной морально и материально»¹.

¹ *Naoraji, Poverty and Un-British rule in India, p. 325.*

Ранаде указывал (в «Очерках по экономике») на медленный темп развития индийской фабрично-заводской промышленности при быстрых темпах разорения индийского ремесла. Подводя итоги переписи населения, он констатировал, что удельный вес населения Индии, занятого ремесленным производством, падает систематически от десятилетия к десятилетию.

Даже эти умеренные лидеры буржуазного национализма видели, что английский империализм управляет Индией не в интересах Индии и даже не в интересах индийской буржуазии, а в интересах английского капитала, прямо противоположных интересам Индии. Один из наиболее умеренных лидеров Конгресса, Гокхале, говорил в 1906 г.: «Народ Индии, будучи под английской властью трижды или четырежды сорок лет, продолжает оставаться в своей собственной стране дровоколами и водноносами и не имеет никакого значения нигде более»¹.

Но если недовольство правлением английских империалистов стало расти даже в среде индийской буржуазии и верхушки индийской буржуазной интеллигенции, то среди рабочих, крестьян, учащейся молодежи, среди низших прослоек индийской интеллигенции, связанной с мелкобуржуазными элементами, это недовольство превратилось в жгучую ненависть.

Выразителем настроений демократической прослойки индийской интеллигенции выступил Бал Гангадхар Тилак. Тилак, так же как Ранаде и Гокхале, происходил из маратхских браминов².

В отличие от умеренных лидеров Конгресса Тилак не ограничивался в своей деятельности только сугубо конституционными речами и робкими, униженными петициями о реформах. Он с презрением относился к низкопоклонству лидеров Национального конгресса, восхвалявших «блага» английского господства. Тилак понял, что только полная независимость Индии даст ей возможность развиваться более быстрыми темпами. Тилак выдвинул лозунг независимости Индии. Он писал:

---

¹ «Modern Review», VIII, 1938.

² Брамины, или, правильнее, «брахманы», — высшая каста жрецов.

«Есть маратхская пословица: «Почему лошадь застаивается? Почему листья бетеля¹ загнивают? Почему хлеб прееет? На это только один ответ: от недостатка движения. Листья надо переворачивать и хлеб надо ворошить. Если выводить лошадь, она не застоится». Здесь мы имеем корень недовольства, ибо мы не имеем никакой власти, не имеем свараджа»².

Тилак не остался, однако, верен своим взглядам до конца. Во время войны 1914—1918 гг. он поддерживал соглашательскую тактику Национального конгресса. Антимусульманские взгляды Тилака впоследствии легли в основу идеологии реакционной организации индусских помещиков и компрадорских слоёв буржуазии — Хинду махасабхи.

Огромное влияние на развитие национального движения в Индии оказала революция 1905 г. в России.

В. И. Ленин писал в статье «Пробуждение Азии»: «Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай. Растет брожение в английской Индии».

И далее:

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»³.

Период между 1905 и 1908 гг. ознаменовался подъёмом национально-освободительного движения, выразившимся в мощных антиправительственных демонстрациях, проводившихся под лозунгом «Сварадж», который умеренные элементы толковали как самоуправление, а более радикальные как полную независимость. Проводилась кампания бойкота английских товаров и развития индийской промышленности — «свадеша»⁴. Особенное возму-

¹ Бетель — особый вид перца, листья которого в Индии жуют вместе с орехом пальмы арека.

² *Pradhan*, *India's struggle for Swaraj*, p. 81. «Сварадж» — своя власть.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, изд. 3, стр. 383—384.

⁴ «Свадеша» — отечественный.

щение во всей стране вызвал проведенный в 1905 г. генерал-губернатором Керзоном раздел Бенгалии на две провинции.

Подъем антиимпериалистического движения в 1905—1908 гг. заставил английское правительство пойти на некоторые уступки. Лорд Минто, сменивший Керзона на посту вице-короля, вынужден был отменить закон о разделе Бенгалии. Было обещано проведение реформы управления Индией и введение в состав законодательных советов при генерал-губернаторе Индии и губернаторах провинций представителей, избираемых индийцами. Несмотря на то, что избирательные права получили всего несколько тысяч человек и право голоса в выборах было ограничено очень высоким имущественным, образовательным и служебным цензами, всё же в предвидении этой реформы часть индийской буржуазии пошла на компромисс с английским правительством. На сессии Национального конгресса в 1906 г. из его состава были исключены так называемые «экстремисты», т. е. более радикальные элементы, поддерживавшие Тилака. В Конгрессе победили умеренные, которые выражали свою готовность сотрудничать с правительством в проведении обещанной реформы.

Вместе с обещанием реформы, которое преследовало цель отрыва от антиимпериалистического движения крупной индийской буржуазии, либеральных помещиков и выражающей их интересы части интеллигенции, лорд Минто обещал мусульманской феодально-помещичьей знати резервирование за мусульманами третьей части мест в законодательных советах и создание специальных мусульманских избирательных курий для выбора их представителей. Эта мера преследовала цель раскола национального движения по религиозно-общинной линии. В то же время английское правительство обрушило жестокие репрессии против сторонников Тилака и против массового антиимпериалистического движения. В 1909 г. был опубликован «Акт об индийских советах», именуемый обычно реформой Морли — Минто, по имени министра по делам Индии либерала Морли и вице-короля консерватора лорда Минто.

Путём разгрома массового движения, отрыва от него буржуазии и раскола его по линии религиозно-общинной английским правящим кругам удалось в 1908 г. подавить антиимпериалистическое движение, отделавшись лишь незначительной уступкой требованиям имущих классов Индии.

Но никакими формальными уступками и реформами нельзя было уничтожить реальные противоречия между огромным большинством населения Индии и правящими классами Англии. Несмотря на проводившуюся английским правительством политику торможения развития индийской промышленности, она развивалась, росла экономическая мощь индийской буржуазии, росли противоречия между нею и английским империализмом, значительно усилился рабочий класс.

Если индийская буржуазия и Национальный конгресс, выразивший её интересы, активно поддержали Англию во время войны 1914—1918 гг., то в значительной мере потому, что военная конъюнктура обеспечивала более быстрый рост промышленности в Индии, высокие прибыли предпринимателям, а после войны Англия обещала предоставить Индии права доминиона. Но уже в течение войны её тяготы, ухудшившие положение трудящихся, а также затяжка в осуществлении обещанной реформы, обострившая противоречия между английским империализмом и индийской буржуазией, вызвали новое оживление национально-освободительного движения. В 1916 г. началось «Движение за самоуправление». Сторонники Тилака были приняты в Национальный конгресс. Между Конгрессом и Мусульманской лигой произошло сближение.

Огромное влияние на всю политическую жизнь Индии оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. В Индии начинается такой мощный подъём национально-освободительного движения, какого не было в ней со времени восстания 1857—1858 гг. Крестьянское движение, принимавшее местами характер вооружённой борьбы с правительством, охватило большую часть страны. Мусульмане и индусы выступали совместно. Но движением попрежнему руководил Национальный конгресс. Он стал в это время массовой организацией с 10 млн. членов.

В этот период руководителем Национального конгресса стал Мохандас Кармчанд Ганди. Ганди завоевал себе популярность организацией борьбы индийского населения Южной Африки против расовой дискриминации. В Южной Африке Ганди впервые стал применять тактику ненасильственного, пассивного сопротивления — сатьяграху. Он организовывал массовые мирные демонстрации в целях оказания давления на правительство провинции Наталь. Этот метод борьбы Ганди применил в Индии впервые в округе Чампаран, провинции Бихар, в борьбе против англичан — владельцев индиговых факторий.

Гандистская тактика ненасильственной борьбы произвела переворот в Национальном конгрессе. Она давала возможность индийской буржуазии привлекать к борьбе широкие массы крестьян и ремесленников и в то же время сохранять за собой руководство движением масс. Гандистская тактика в начале революционного подъёма 1919—1920 гг. играла некоторую прогрессивную роль, ибо способствовала политическому пробуждению и вовлечению в антиимпериалистическую борьбу крестьянских масс, до того времени не принимавших в ней участия, но, с другой стороны, эта тактика превращала трудящиеся массы в орудие буржуазии. Однако в течение 1919—1922 гг. массы неоднократно выходили из-под контроля буржуазного руководства Национального конгресса, громили правительственные учреждения, нападали на полицию и на помещиков.

В 1919 г. в Индии начали организовываться профессиональные союзы, а в 1920 г. появились первые коммунистические группы. Революционизирующее влияние на Индию оказала англо-афганская война 1919 г. Не только мусульмане, но и индусы сочувствовали Афганистану, борвавшемуся за свою независимость.

В 1919 г. английское правительство утвердило новый «Акт об управлении Индией», именуемый обычно конституционной реформой Монтегю — Челмсфорда, или сокращённо Монтфорда. В 8 провинциях Индии были расширены права законодательных органов, и в них были созданы министерства, которые ведали, однако, только культурно-бытовыми вопросами, все остальные вопросы

остались в ведении губернатора. Число избирателей в провинциальные законодательные органы было увеличено до 5,5 млн.

Закон 1919 г. не только сохранил куриальную систему выборов, но и расширил её применение. Для усиления влияния индийских феодальных князей на политическую жизнь страны в 1921 г. была создана палата князей.

Несмотря на буржуазное руководство, борьба индийского народа за независимость носила глубоко прогрессивный характер, ослабляя позиции английского империализма. В 1920 г. И. В. Сталин писал: «Мы за отделение Индии, Аравии, Египта, Марокко и прочих колоний от Антанты, ибо отделение в этом случае означает освобождение этих угнетённых стран от империализма, ослабление позиций империализма, усиление позиций революции»¹.

Однако в результате предательства руководства Национального конгресса и репрессий правительства в 1922 г. начался спад массового национально-освободительного движения. В 1923 г. из Конгресса выделилась его правая группа во главе с аллахабадским адвокатом Мотилалом Неру² и бенгальским деятелем Читта Раньджан Дасом, которая выступила за участие в законодательных органах на основе конституции 1919 г. Эта группа наименовала себя «свараджистами». Она представляла значительно более широкие слои буржуазии, чем либералы, и её возникновение означало капитуляцию и сговор с английскими империалистами крупной индийской буржуазии.

Применяя тактику откола от движения части национальной буржуазии, репрессий против массового движения, раскола движения по религиозно-общинной линии, правящие классы Англии и в 1919—1922 гг. сумели сохранить свою власть в Индии, пойдя лишь на очень небольшие уступки.

Однако передышка, которой добились английские капиталисты введением конституции 1919 г., была непро-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 372.

² Мотилал Неру — один из деятелей правого крыла Национального конгресса, по профессии адвокат, отец Джавахарлала Неру. Умер в 1931 г.

должительной. 1922 и 1927 годы были периодом, когда в Индии впервые стали складываться организации демократических элементов, именовавшиеся рабоче-крестьянскими партиями; в их создании руководящую роль играли коммунистические группы. Эти партии и группы сыграли значительную роль в расширении профсоюзного движения и сделали попытку организации крестьянских союзов.

В Конгрессе также происходил процесс демократизации. Под давлением левого крыла на сессии 1927 г. в городе Лахоре была впервые принята резолюция, в которой Конгресс заявлял, что его целью является достижение независимости Индии. Эта резолюция показывала, что индийская буржуазия уже не довольствовалась уступками, предоставленными ей конституцией 1919 г.

В 1928 г. вновь начинается подъём национально-освободительного движения. Непосредственным толчком, вызвавшим начало этого подъёма, было назначение комиссии по разработке новой конституционной реформы — так называемой комиссии Саймона. В комиссию Саймона не были включены представители Индии, и этот факт вызвал большое возмущение индийской общественности. Национальный конгресс постановил бойкотировать комиссию Саймона. В феврале 1928 г. по инициативе Конгресса была созвана конференция всех партий. Эта конференция избрала комитет под председательством Мотилала Неру, который разработал свой проект индийской конституции. Этот проект, известный под именем «конституции Неру», исходил из предоставления Индии прав доминиона. Он являлся программным документом крупной индийской буржуазии.

В 1928 г. в связи с приближением экономического кризиса индийская буржуазия предприняла наступление на рабочий класс. Рабочие ответили на это наступление забастовками. 1928 год был годом широкого размаха стачечного движения, в котором участвовало свыше полумиллиона рабочих. В 1929 г. стачечное движение ещё более усилилось. В эти годы окрепли и стали играть видную роль в политической борьбе профессиональные союзы рабочих. В рабочем движении руководящую роль стали играть коммунисты. Рост рабочего движения испугал англо-индий-

ское правительство, и в марте 1928 г. было арестовано 30 наиболее видных левых деятелей рабочего движения, большая часть которых была коммунистами. Их обвинили в заговоре и начали процесс, длившийся с 1928 по 1933 г. Этот процесс, известный под именем Мирутского, сыграл большую роль в консолидации коммунистической партии Индии. В то же время буржуазное руководство Национального конгресса пыталось добиться новых уступок от английского правительства путём переговоров. Но английские правящие круги не шли на такие уступки, которые могли бы удовлетворить возросшие требования индийской буржуазии. В марте 1930 г. Конгресс начал кампанию гражданского неповиновения, выразившуюся прежде всего в борьбе против соляной монополии. Аресты участников движения и в том числе Ганди вызвали возмущение масс, и движение стало перехлестывать рамки пассивного сопротивления. В ряде городов вспыхнули вооружённые восстания. В городе Шолапуре, одном из текстильных центров южной части Бомбейской провинции, рабочие-повстанцы 2 дня держали город в своих руках. Восстание вспыхнуло также в Пешаваре, и город 10 дней находился в руках повстанцев. К этому же периоду относится и подъём крестьянского движения в Северо-Западной пограничной провинции, движения, во главе которого стояла организация «Красных рубашек».

И на этот раз, как в 1919—1922 гг., буржуазное руководство Национального конгресса пошло на капитуляцию и сговор с английским империализмом. В марте 1931 г. Ганди подписал соглашение с вице-королём лордом Ирвином (теперь лорд Галифакс). Кампания гражданского неповиновения была прекращена. Вице-король обещал освободить конгрессистов, арестованных за участие в движении, а Ганди согласился принять участие в Конференции круглого стола, собранной в Лондоне для разработки индийской конституции.

Однако стихийное массовое движение в стране продолжалось. В 1931 г. вспыхнуло восстание в Кашмире, которое было подавлено при помощи англо-индийских войск. Правительство продолжало репрессии против конгрессистов, и Ганди по возвращении из Англии вновь (с января

1932 г.) начал кампанию гражданского неповиновения. Правительство ответило на это жестоким террором. Было арестовано более 100 тыс. участников движения и в том числе видные конгрессисты (Ганди, Джавахарлал Неру и др.). В 1934 г. кампания гражданского неповиновения была прекращена.

В период подъёма антиимпериалистического движения 1930—1932 гг. ещё более выросли и окрепли организации рабочего класса. В 1933 г. была организационно оформлена коммунистическая партия Индии.

Опубликование конституции 1935 г. вызвало большое возмущение в Индии. Эта конституция, так же как и предыдущие, давала лишь небольшие уступки: круг избирателей расширился и был доведён до 14% населения провинций Британской Индии, в провинциях создавались министерства, ответственные перед законодательными органами. Однако фактически вся власть осталась в руках губернаторов провинций, а в центре — в руках генерал-губернатора Индии.

Национальный конгресс ещё в 1934 г., когда был опубликован проект новой конституции, решил отвергнуть её. Влияние левых элементов в Конгрессе усилилось.

В 1934 г. внутри Конгресса образовалась мелкобуржуазная конгресс-социалистическая партия. Коммунисты, начавшие борьбу за создание единого национального фронта, вели активную работу в конгрессовских организациях. Численность членов Конгресса увеличивалась за счёт демократических элементов и в значительной мере за счёт рабочих, крестьян и студенческой молодёжи. В этот период Конгресс представлял политический блок всех антиимпериалистических сил Индии, но руководство в этом блоке оставалось в руках буржуазии.

В 1937 г. были назначены выборы в провинциальные законодательные собрания на основе новой конституции. Конгресс решил принять участие в этих выборах и победил в восьми провинциях из 11, а именно в Мадрасской, Бомбейской, Центральных провинциях, Соединённых провинциях, Бихаре, Ориссе, Ассаме и в Северо-Западной пограничной провинции.

Несмотря на протесты левых, Конгресс принял решение о формировании конгрессовских кабинетов в этих провинциях. Но на этот раз сговор индийской буржуазии с английским империализмом был очень непрочным. Индийская буржуазия значительно укрепила свои экономические позиции, несмотря на кризис 1929—1933 гг., и не хотела довольствоваться той долей на индийском рынке, которую ей отводил английский империализм.

Массовое антиимпериалистическое движение продолжало нарастать. Стаечное рабочее движение в 1938 и 1939 гг. охватило почти всю страну, и рабочие выдвигали не только экономические, но и политические требования. Выросли профсоюзы, и в 1938 г. произошло объединение Конгресса профсоюзов с Федерацией труда; в 1936 г. появились крестьянские союзы — Кисан сабха, которыми руководили коммунисты и левые конгрессисты.

Характерной особенностью подъёма антиимпериалистического движения 1938—1939 гг. было развитие массового демократического движения в княжествах. Движение это охватило почти все княжества и принимало порой форму вооружённой борьбы против власти князей. Оно было подавлено при помощи английских штыков.

К началу второй мировой войны Индия переживала подъём антиимпериалистического движения, причём на этот раз движение отличалось от подъёма 1919—1922 и даже 1930—1932 гг. следующими особенностями:

1) Рабочий класс выступал уже как самостоятельная политическая сила в авангарде антиимпериалистической борьбы.

2) Крестьянское движение стало принимать организованные формы. Многими крестьянскими организациями руководили коммунисты.

3) Все княжества Индии были охвачены антифеодальным движением, которое сомкнулось с антиимпериалистическим движением в Британской Индии.

4) Национальный конгресс превратился в блок антиимпериалистических сил и вновь стал массовой организацией. Его численность достигала перед второй мировой войной почти 6 млн. человек. Однако, в то время как крупная буржуазия играла роль наименее надёжного союзника

в антиимпериалистическом фронте, представляющие её интересы элементы играли руководящую роль в органах Национального конгресса. Таким образом, Национальный конгресс был искажённым отражением единого национального фронта.

Политическая обстановка в Индии в начале второй мировой войны сложилась крайне неблагоприятно для Англии. Кроме индийских князей, помещиков и компрадорских прослоек индийской буржуазии, все классы отказывались поддержать военные усилия Англии.

Национальный конгресс отказывался поддерживать Англию в войне, если она немедленно не создаст ответственного национального правительства и не декларирует о предоставлении Индии независимости после войны.

В знак протеста против вовлечения Индии в войну против её воли Национальный конгресс предложил правительствам восьми провинций, в которых Конгресс победил на выборах, подать в отставку.

Английские власти пытались ослабить движение путём раскола его по религиозно-общинной линии. В это время было выдвинуто требование раздела Индии на индусское и мусульманское государства.

Положение изменилось в сторону, более благоприятную для Англии, после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Англия могла бы добиться изменения политической обстановки в Индии и значительно более полного использования её ресурсов в целях разгрома фашистского блока, но для этого она должна была пойти навстречу поддерживавшимся огромным большинством населения требованиям Национального конгресса. Но английская буржуазия не хотела этого сделать, рассчитывая, что в период войны антиимпериалистическое движение не примет угрожающих для её господства размеров. Вместе с тем с 1942 г. в Индию начали большими партиями отправляться английские воинские части, и численность английских войск к концу войны достигала, по некоторым данным, 600 тыс. человек. До 1942 г. Англия не давала никаких более или менее определённых обещаний о предоставлении Индии прав доминиона после войны. И в то же

время в период войны политика разжигания индусско-мусульманской розни усилилась; Англия поддерживала движение за создание Пакистана. Только когда Япония вторглась в Бирму, заняла её столицу, город Рангун, и создалась непосредственная угроза вторжения японских войск на территорию Индии, английское правительство направило в Индию для переговоров с лидерами индийских политических партий Стаффорда Криппса.

Предложения правительства, привезённые Стаффордом Криппсом, сводились в основном к следующему:

1) Создание нового доминиона под названием «Индийский союз», входящего в состав Британской империи.

2) Конституция нового доминиона разрабатывается учредительным органом, составленным из представителей нижних палат провинциальных законодательных органов и из представителей княжеств.

3) Те провинции и княжества, которые по тем или иным причинам не пожелают вступить в Индийский союз, могут образовать самостоятельные доминионы и вступить с Великобританией в такие же отношения, как и Индийский союз.

4) Все эти доминионы могут войти в соглашение с правительством Великобритании об обороне Индии.

5) Во время войны всю ответственность за оборону Индии несёт правительство Великобритании, но в целях привлечения индийских политических партий к поддержке военных усилий исполнительный совет при вице-короле Индии расширяется за счёт введения в него их лидеров.

6) Непосредственное руководство обороной Индии остаётся за английским главнокомандующим, но для некоторого контроля над организацией обороны в составе исполнительного совета вводится должность министра обороны, на которую назначается министр-индиец.

Миссия Криппса не увенчалась успехом. Национальный конгресс заявил, что он не удовлетворён декларацией о предоставлении Индии прав доминиона и считает необходимым декларирование её полного права на независимость.

Конгресс возражал также против предоставления права отдельным провинциям и княжествам не входить в

состав Индийского союза, усматривая в этом угрозу единству Индии. Но особенно резкие возражения были выдвинуты против пункта о порядке управления Индией и об ответственности за её оборону в период войны. Конгресс требовал, чтобы в Индии было создано ответственное перед выборной частью индийского законодательного собрания правительство кабинетского типа и чтобы оно было полностью ответственно за оборону страны.

После провала миссии Криппса политическая обстановка в стране ещё более обострилась. Всеиндийский комитет Национального конгресса заявил (на сессии в начале августа 1942 г.), что если Англия не создаст в Индии национального правительства и не декларирует о предоставлении Индии независимости сразу по окончании военных действий, то он начнёт кампанию гражданского неповиновения.

В ответ на это постановление английские власти арестовали всех лидеров Национального конгресса, в том числе Ганди. Арест лидеров вызвал движение протеста, которое местами вылилось в вооружённые столкновения с войсками и полицией. Это дезорганизованное и лишённое руководства движение было в течение нескольких месяцев подавлено английскими властями. Однако политическая обстановка ещё более обострилась. Голод в Бенгалии и угроза голода в других частях Индии усиливали недовольство английским господством. Антианглийское движение стало обостряться по мере приближения войны к концу. Несмотря на попытки английского правительства ослабить антиимпериалистическое движение, расколов его по религиозно-общинной линии, оно приняло ещё более острые формы после войны.

В Калькутте в сентябре 1945 г. состоялись мощные антианглийские демонстрации. На улицах города были воздвигнуты баррикады. В движении участвовали как индусы, так и мусульмане. Для подавления этих выступлений были пущены в ход английские и американские войска.

Ширилось движение протеста против использования индийских войск в войне англичан, голландцев, американцев, французов против Индонезийской республики и Вьет-

нама. В связи со свёртыванием производства военного снаряжения и массовым увольнением рабочих усилилось забастовочное движение, охватившее даже индийский воздушный флот. В феврале 1946 г. началась забастовка военных моряков, переросшая в вооружённое восстание. В забастовках сочувствия морякам в Бомбее, Мадрасе, Карачи, Калькутте и других городах Индии принимали участие сотни тысяч рабочих. Во всех этих выступлениях мусульмане и индусы боролись рука об руку. В Южной и Центральной Индии на почве голода росло крестьянское движение. Индия стояла на пороге антиимпериалистической революции.

Чтобы оторвать от движения индийскую буржуазию, чтобы сохранить свои позиции в Индии, английское правительство решило пойти на уступки. Английское правительство решило с этой целью направить в Индию полномочную миссию в составе министра по делам Индии Петик Лоренса, морского министра Александера и министра торговли Стаффорда Криппса.

15 марта 1946 г. британский премьер-министр Эттли заявил в палате общин, что вся Индия охвачена движением за независимость, что это движение носит всенародный характер и связано с таким же движением народов Южной Азии. Английское правительство вынуждено считаться с этим фактом и якобы готово было предоставить Индии независимость. Эттли в то же время пытался убедить индийцев, что не только для Англии, но и для Индии будет выгоднее, если она останется в составе Британской империи на правах доминиона.

В конце марта 1946 г. миссия английского правительства прибыла в Индию и в течение апреля вела с индийскими лидерами переговоры, целью которых являлось заставить Национальный конгресс пойти на компромисс. Во время переговоров на руководство Конгресса оказывалось сильное давление через Мусульманскую лигу.

В результате переговоров правительственная миссия огласила 16 мая 1947 г. одобренный английским правительством план «разрешения конституционной проблемы» в Индии. Согласно этому плану предполагалось преобразовать Индию в союз провинций и княжеств на правах

доминиона. Правительство союза должно было ведать только вопросами обороны, внешних сношений и коммуникациями всеиндийского значения. Предусматривалась группировка провинций в три зоны: две мусульманские и одну индусскую.

Для разработки конституции должен был быть избран учредительный орган из состава провинциальных законодательных собраний, из расчёта один депутат на миллион жителей. Выборы планировалось проводить по религиозно-общинным куриям. Одновременно вице-король заявил о том, что он будет формировать временное правительство из представителей индийских партий.

Мусульманская лига приняла английские предложения и согласилась участвовать в правительстве. Национальный конгресс, приняв предложения британского правительства как основу для разработки конституции Индии, отказался от участия во временном правительстве, будучи несогласным с принципами его комплектования, а также с тем, что оно не будет ответственным перед индийскими законодательными органами.

После ряда манёвров, имевших целью обострение противоречий между Мусульманской лигой и Национальным конгрессом, вице-король предложил избранному в июне 1946 г. председателем Национального конгресса Дж. Неру сформировать правительство.

Национальный конгресс принял это предложение и поручил Неру формировать правительство, хотя вице-король не изменил ни принципов его комплектования, ни его юридического положения. Это был шаг Национального конгресса в сторону компромисса с английским империализмом.

Однако полный сговор не состоялся. Несмотря на начавшиеся в августе индусско-мусульманские погромы, спровоцированные действиями английского правительства и Мусульманской лиги, Национальный конгресс ещё надеялся на предоставление Индии статута доминиона или независимости при сохранении её целостности. По настоянию вице-короля Мусульманская лига послала своих представителей в правительство Неру. Это не означало, однако, прекращения индусско-мусульманских

столкновений, и Мусульманская лига не отказалась от бойкота Учредительного собрания. В ноябре английское правительство вызвало представителей Лиги и Конгресса в Лондон. Во время лондонских переговоров английское правительство дало понять представителям Лиги, что оно пойдёт на расчленение Индии на Пакистан и Хиндустан. Это ещё более укрепило Лигу в её решении бойкотировать Учредительное собрание. Всё же Учредительное собрание Индии состоялось в декабре 1946 г., и Неру внёс на его утверждение проект конституции, предусматривавший превращение Индии в независимую республику.

Конец 1946 г. и начало 1947 г. ознаменовались бурным подъёмом забастовочного движения. Реконверсия промышленности в связи с прекращением войны продолжалась. Многие рабочие увольнялись с предприятий, сокращался и государственный аппарат. Для того чтобы удержать прибыли на высоком уровне, буржуазия повела наступление на заработную плату. В ответ на это рабочие, под руководством профсоюзов и коммунистической партии, начали забастовки. Бастовали железнодорожники, рабочие сахарных заводов, служащие и рабочие почты и телеграфа, а также учителя. В индийских княжествах начала подниматься волна демократического движения. В этом движении руководящую роль играла коммунистическая партия Индии, и в процессе его развития влияние её на массы всё более усиливалось. Подъём массового движения напугал английских империалистов и индийскую буржуазию. Была создана почва для компромисса между ними.

20 февраля 1947 г. премьер-министр Великобритании Эттли заявил в палате общин, что английское правительство решило «уйти из Индии» к июню 1948 г., передав власть правительствам отдельных провинций или групп провинций, которые к тому времени будут существовать. Вместе с этим Эттли заявил, что Уэйвелл отзывается из Индии и на его место вице-королём Индии назначается лорд Маунтбэттен. Несмотря на то, что в этих предложениях английского правительства определённо указывалось, что власть может быть передана не центральному

правительству Индии, а правительствам групп провинций, Национальный конгресс воспринял заявление английского правительства с удовлетворением. Неру даже заявил, что хотя борьба за независимость Индии ещё не совсем закончена, но старые антианглийские лозунги надо снять.

В марте 1947 г. в связи со слухами о разделе провинции Пенджаб в этой провинции начались столкновения между индусами и сикхами, с одной стороны, и мусульманами — с другой, вылившиеся в кровавые погромы. В результате этих погромов в городах Амритсаре, Равальпинди и Мултани были разрушены целые кварталы, тысячи людей были убиты, а сотни тысяч лишились крова. В этих волнениях большую роль играли различные провокаторы тайной английской полиции.

Лорд Маунтбаттен по прибытии в Индию вёл переговоры с Национальным конгрессом и Мусульманской лигой. После этих переговоров он поехал в Англию и, вернувшись оттуда 3 июня, огласил новое решение английского правительства по индийскому вопросу. Решение это сводилось к следующему: в Индии создаются два доминиона — индусский и мусульманский. Проводится раздел провинций Пенджаба и Бенгалии. С этой целью законодательные собрания этих провинций делятся на две части: первую — депутаты округов с большинством мусульманского населения; вторую — депутаты округов с большинством индусского населения. В Северо-Западной пограничной провинции и Сильхетском округе Ассама проводится референдум избирателей по вопросу о вхождении их в Хиндустан или Пакистан. После разграничения создаются отдельные правительства обоих доминионов и созываются отдельные учредительные собрания для разработки конституций. Индийским княжествам рекомендуется вступить в один из доминионов.

Совет Мусульманской лиги большинством голосов принял английский план расчленения Индии. Национальный конгресс также принял его, но под большим давлением со стороны руководителей и Ганди. Большинство членов Всеиндийского комитета Конгресса воздержалось от голосования. Капитулянтская линия буржуазного

руководства Конгресса вызвала значительную оппозицию даже в его центральном органе.

Несмотря на то, что подъём национально-освободительного движения всегда кончался сговором буржуазного руководства Национального конгресса с английским империализмом, в глазах широких масс населения Индии, в особенности крестьянства, Национальный конгресс оставался главным штабом борьбы против английского господства. Английский империализм, пользуясь этим и широко применяя политику раскола национально-освободительного движения путём разжигания религиозной розни, сумел осуществить расчленение Индии, когда размах национально-освободительного движения заставил его пойти на более значительные, чем прежде, политические уступки — предоставить Индии права доминиона. Руководство Национального конгресса во главе с Ганди и Неру сделало всё от него зависящее, чтобы удержать массы от дальнейшей борьбы против английского господства, так как сговор индийской буржуазии с английскими правящими кругами, известный под именем плана Маунтбэттена, поставил крупную индийскую буржуазию у власти и дальнейшее развитие массового движения угрожает её классовым интересам.

Таковы в общих чертах причины того, почему, несмотря на мощное национально-освободительное движение и на гнилость всех устоев английского господства, Индия до сих пор не могла освободиться ни от иностранного господства, ни от тяжёлого груза феодальных пережитков, сковывающих развитие её производительных сил.

* *
*

Менее чем через 10 лет после того, как власть Британии распространилась на всю Индию, в 1857 г., в стране вспыхнуло восстание, поставившее под угрозу английское господство. С тех пор борьба против английского господства стала стержнем всей политической жизни Индии.

Характеризуя обстановку в Индии, Карл Маркс писал в одном из своих писем Н. Ф. Даниельсону: «В Индии

для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них *без всякого эквивалента*, не считая того, что они ежегодно присваивают себе *в самой Индии*, т. е. *стоимость одних только неоплачиваемых продуктов*, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — *превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии!* Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает *размеров*, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают. Среди населения зреет настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане»¹.

В 1905—1908 гг. в Индии начался новый подъем национально-освободительного движения, о котором Ленин писал в 1908 г.: «В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам». Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете — за исключением, конечно, России — такой нищеты масс, хронической голодовки населения. Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Morley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле = лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до *сечения* политических протестантов!.. И теперь влиятельнейшие английские газеты со скрежетом зубным говорят об «агитаторах», нарушающих

---

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, М. 1947, стр. 90.

покой Индии, и приветствуют чисто-русские, плевенские, приговоры судей и меры административной расправы против индийских демократов-публицистов. Но за *своих* писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на долголетнюю ссылку, причем запрос, сделанный на-днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных-англичан!* — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!»¹

После подъема революционного движения 1905—1908 гг. был сравнительно длительный (десять лет) промежуток затишья в Индии, но в 1919—1922 гг. страна вновь переживает подъем революционного, антиимпериалистического движения, на который огромное влияние оказала Октябрьская социалистическая революция в России. Характеризуя обострение кризиса колониальной системы, наступившее после победы Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин говорил:

«Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистская война 1914—1918 годов и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди 2 и 2¹/₂ Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 160—161.

зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амритсар), и к публичным поркам и т. п.»¹.

Революционное движение 1919—1922 гг. было подавлено, однако оно способствовало расшатыванию устоев английского господства в Индии, борьба за независимость в ещё большей мере стала центром всей политической жизни страны.

Большая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное и многостороннее влияние на общественно-политическую жизнь Индии. Начало развиваться организованное рабочее движение. В 1919 и 1920 гг. были созданы первые профсоюзы. Только под влиянием Октябрьской социалистической революции проникли в Индию социалистические идеи.

Под влиянием победы социалистической революции в России изменился и характер индийского национально-освободительного движения. Пролетариат всё более превращался в самостоятельную политическую силу, в авангард борьбы против империализма. Борьба крестьян под влиянием рабочего движения стала также принимать более организованные и революционные формы. Изменились требования национального движения. Если до Октябрьской социалистической революции индийская буржуазия, стоявшая в то время во главе движения, ограничивалась требованием для Индии прав доминиона, то после неё всеобщим требованием стало достижение полной независимости. Так понимался, начиная с 1920 г., лозунг «Сварадж» большинством участников национально-освободительного движения. Борьба за освобождение Индии сомкнулась с борьбой других народов колониальных и полуколониальных стран (Китай, Индонезия, Индокитай) и с пролетарским движением в капиталистических странах.

Разрешение национального вопроса, успехи сталинских пятилеток, ликвидация эксплуататорских классов и победа социализма в СССР, его последовательная внешняя политика, направленная на сохранение мира

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, изд. 3, стр. 428.

и поддержку национально-освободительных, демократических движений, оказали огромное влияние на индийских трудящихся. В укреплении СССР индийское национально-освободительное движение видело гарантию успеха своей борьбы за освобождение от ига английского империализма. Дж. Неру, выражавший в то время взгляды радикального крыла индийской буржуазии, говорил в 1936 г. на сессии Национального конгресса в Лакнау: «Если будущее полно надежды, то главным образом вследствие Советской России и того, что она сделала, и я убеждён, что если какая-либо мировая катастрофа не помешает, то новая цивилизация распространится и на другие страны и положит конец войнам и конфликтам, которые питает капитализм»¹.

С 1919 по 1939 г. в Индии три раза поднималась волна антиимпериалистического и антифеодального движения, причём это движение принимало всё более широкий размах, в него вовлекались новые массы трудящихся, прежде стоявшие в стороне от активной политической борьбы. Особенно широкий размах приняло национально-освободительное движение накануне второй мировой войны, во время её (в 1942 г.) и по окончании войны (в 1946—1947 гг.).

В работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин писал, что не исключено, что империалистическая цепь может прорваться в Индии. «Потому, что там имеется молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение, — несомненно большой и несомненно серьёзный союзник. Потому, что перед революцией стоит там такой, всем известный, противник, как чужеземный империализм, лишённый морального кредита и заслуживший общую ненависть угнетённых и эксплуатируемых масс Индии»².

Индия является одним из наиболее слабых звеньев империализма, в ней созрели объективные условия нацио-

---

¹ *Nehru J., Towards Freedom (An Autobiography), New-York 1942, p. 401.*

² *И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 98.*

нально-колониальной революции, паразитарный характер английского господства в Индии выступает резче, чем в любой другой из колониальных стран мира, и если, несмотря на это, английское господство в Индии не было свергнуто и каждый подъём национально-освободительного движения в Индии заканчивался гнилым компромиссом индийской буржуазии с английским империализмом, то это объясняется не только политикой английских правящих кругов и их ловкими манёврами, но и особенностями социальной структуры индийского общества, а также некоторыми чертами национально-освободительного движения.

Важнейшими из этих особенностей являются следующие:

1) Многонациональность населения и неравномерное развитие капиталистических отношений, вследствие чего руководство крупнейшей организацией — Национальным конгрессом — было ещё в начале XX столетия захвачено представителями крупной промышленной буржуазии некоторых национальностей (гуджарати, марвари), успевшей завоевать в значительной мере индийский рынок, несмотря на английское господство, боящейся революционных потрясений и склонной к компромиссу с буржуазией метрополии.

2) В силу того что индийская буржуазия значительно раньше, чем пролетариат, организовалась политически и сумела взять в свои руки руководство национальным движением, — задача высвобождения широких крестьянских масс и городской мелкой буржуазии из-под влияния крупной буржуазии не была выполнена. Эта задача сильно затруднялась гибкостью тактики таких «общенациональных» вождей, как Ганди и Неру.

3) Наличие сильнейших феодальных пережитков и довольно сильного класса феодальных землевладельцев — помещиков и князей, на которых английский империализм мог опираться в своей борьбе против национально-освободительного движения.

4) Большое влияние феодально-помещичьей верхушки религиозных общин на широкие массы населения, что

дало возможность английскому империализму раскалывать и ослаблять национально-освободительное движение по линии религиозно-общинной.

Национальный конгресс пользовался огромным влиянием в стране. Но даже в те периоды, когда в его организациях активно участвовали коммунисты и когда он был блоком антиимпериалистических партий, руководство его оставалось буржуазным. Гандистская тактика привлечения масс к борьбе, его призыв к отказу от насилия в борьбе против английских поработителей давали буржуазии возможность использовать движение масс для давления на английские правящие круги, не ставя под угрозу свои руководящие позиции в стране. Проповедуя отказ от насилия в борьбе масс за освобождение от английского господства, Ганди не выступал против насилия эксплуататоров над массами, более того, он оправдывал насильственное подавление массового движения полицией и войсками, когда трудящиеся массы активно выступали против насильников-поработителей. Если гандистское учение на первых порах имело некоторое прогрессивное значение, способствуя пробуждению масс от полной политической апатии и пассивности, то в дальнейшем гандизм стал основным идеологическим орудием буржуазии для подчинения масс своему влиянию и главным тормозом в деле пробуждения классового самосознания трудящихся. Левая фразеология Джавахарлала Неру создала вокруг буржуазного руководства Национального конгресса ореол революционности, способствовала укреплению в массах иллюзии общности интересов всех классов Индии в борьбе против английского господства. Эти моменты затрудняли рост классового самосознания трудящихся масс, их освобождение от идеологического влияния буржуазии. Благодаря этим особенностям индийское национально-освободительное движение, несмотря на широту своего размаха, долго не выходило из-под влияния буржуазного руководства Национального конгресса и заканчивалось компромиссом.

Предоставление Индии прав доминиона и превращение индийской буржуазии в господствующий, а не только

имущий класс, её переход в лагерь реакции создали в Индии новые условия. Начался новый этап борьбы индийского народа. Капитуляция руководства Национального конгресса и сговор ведущей группировки индийской буржуазии с английским империализмом и феодальными князьями, политика репрессий против массового, демократического движения, проводимая правительством индийской буржуазии, саморазоблачение руководства Мусульманской лиги, показавшего, что оно никогда и не думало бороться за независимость «Мусульманской Индии», создали условия для высвобождения широких крестьянских и мелкобуржуазных масс Индии от идеологического влияния индийской буржуазии. Индийские массы на своём опыте теперь убеждаются, что буржуазия не хочет и не может добиться полной независимости страны, стереть с лица земли все пережитки феодализма, сковывающие её развитие, последовательно демократически разрешить национальный вопрос. Они видят, что только под руководством рабочего класса они смогут добиться полной национальной свободы и демократизации политического строя Индии.

В предлагаемой читателю работе мы не ставим своей задачей дать анализ национально-освободительной борьбы народов Индии. Мы хотим сказать о ряде особенностей общественного строя Индии, которые задерживали развитие национально-освободительного движения и создавали удобные условия для осуществления политики английского империализма «разделяй и властвуй». Мы ставим своей задачей: 1) дать характеристику национального состава населения Индии и показать особенности движения отдельных национальностей; 2) показать причины, делающие возможным слияние этих национальных движений в единое, общеиндийское, антиимпериалистическое движение; 3) показать роль различных народов и классов в этом движении; 4) показать сущность английской политики «разделяй и властвуй», при помощи которой английским империалистам удавалось и до сих пор удаётся удерживать Индию в своих руках.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

В силу того что Индия уже 200 лет является колонией Англии, в глазах внешнего мира Индия представляется чем-то единым, а всё её население — единой народностью. Употребляемое в русском языке слово «индусы», применяемое для всего населения Индии, воспринимается многими, кто не знаком с Индией ближе, как название нации, населяющей Индию. Наличие в Индии мощного национально-освободительного движения, в котором в той или иной степени принимают участие все населяющие её народы, в ещё большей мере усиливает эту иллюзию национального единства всего индийского народа, всего населения Индии.

Более или менее широко известно, что в Индии распространены различные религии: ислам, индуизм, сикхизм; также известно о наличии в ней большого количества каст, но мало кто знает о том, что в Индии имеется ряд крупных народов, каждый из которых не менее многочисленен, чем англичане, французы или итальянцы, что эти народы отличаются своей самобытной культурой, языком, литературой, имеют особые нравы и обычаи, свой национальный характер, прошли длительный путь исторического развития. Колониальное положение Индии, сделавшее её народы рабами английского империализма, обесличило их в глазах внешнего мира.

А между тем в Индии вместе с развитием в XIX веке капитализма и местных национальных рынков начался процесс формирования национальностей, который, однако,

не мог найти своего завершения в силу колониальной зависимости, в которой находится страна. Наряду с общеиндийским национально-освободительным движением стала развиваться также и борьба отдельных народов Индии за своё самоопределение, однако при поверхностном взгляде эта борьба была незаметна, её заслоняло общеиндийское национально-освободительное движение.

В литературе, посвящённой индийскому национальному движению, очень мало внимания уделялось национальному вопросу внутри Индии. Между тем это один из важнейших внутривнутриполитических вопросов Индии. Это неоднократно отмечал товарищ Сталин, который ясно видел за внешним национальным единством Индии её многообразие. В речи «О политических задачах Университета народов Востока», произнесённой на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г., товарищ Сталин сказал: «Ныне говорят об Индии как о едином целом. Но едва ли можно сомневаться в том, что, в случае революционной встряски в Индии, на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идёт о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей»¹.

В английской и индийской литературе имеются различные высказывания по национальному вопросу, но эти высказывания обычно делаются попутно, мимоходом, при рассмотрении борьбы индийского народа против английского господства. Принадлежность автора к тому или другому политическому лагерю предопределяет его взгляды и по национальному вопросу. В индийской и английской литературе можно выделить четыре основные концепции национального вопроса, выражающие позиции четырёх больших политических лагерей: 1) концепция апологетов английского господства в Индии; 2) концеп-

---

¹ *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 139.

ция индийских буржуазных националистов; 3) концепция лидеров Мусульманской лиги, выражающих взгляды мусульманской феодально-помещичьей верхушки; 4) концепция коммунистической партии Индии, последовательно-демократическая концепция индийского рабочего класса.

ГЛАВА I

ВЗГЛЯДЫ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК ИНДИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Традиционную концепцию апологетов английского господства в Индии можно кратко сформулировать следующим образом: Индия — сложный конгломерат рас, каст, племён, национальностей и религиозных групп, которые могут существовать в пределах единого государства только благодаря британскому господству. Если Британия уйдёт из Индии, в стране начнётся анархия и вооружённая борьба между различными группами её населения.

Профессор Рэпсон в первом томе «Кембриджской истории Индии» писал:

«Индийская империя — место обитания обширного собрания народов, которые отличаются один от другого в отношении своего физического склада, языка и культуры более резко, чем народы Европы»¹.

Лорд Биркенхед в бытность свою министром по делам Индии (1925 г.) писал: «В конечном итоге сила британской позиции в том, что мы находимся в Индии для блага Индии. Наиболее разительной иллюстрацией истинности этого положения является бесконечное разнообразие национальностей, сект, религий на этом субконтиненте. Чем более очевидно, что этот антагонизм глубок и затрагивает большие и непримиримые группы населения, тем более ярко подчёркивается тот факт, что мы и только мы можем играть роль объединителя»².

---

¹ «Cambridge history of India», v. I, p. 87.

² *Frederick Edwin*, Earl of Birkenhead, London 1936, p. 245—246.

Английский чиновник Рисли, считавшийся одним из крупнейших знатоков индийской этнографии, писал: «В Индии два фактора национальности: общее пользование английским языком для определённых целей и общее использование индийцев на английской службе»¹.

В работах, написанных английскими буржуазными авторами и посвящённых национальному вопросу в Индии, обычно приводятся данные статистики и на их основании доказываются, что население этой страны не составляет единой нации, а поэтому Индия не может существовать как самостоятельное государство.

В приведённой выше цитате из письма лорда Биркенхэда совершенно ясна и политическая подоплёка этой концепции. Она должна придать убедительность и якобы научный характер всей аргументации апологетов английского господства, пытающихся доказать, что для Англии господство над Индией является чем-то вроде неизбежной исторической миссии, пресловутым «бременем белого человека», которое он «бескорыстно» несёт в интересах прогресса Индии.

Однако за последнее время эта затасканная и неубедительная концепция всё больше вытесняется «концепцией двух наций», о которой будет сказано ниже.

Концепция большинства индийских авторов, примыкающих к Национальному конгрессу, является в некотором отношении диаметрально противоположной концепции, поддерживаемой сторонниками английского господства в Индии. Если последние пытаются доказать, что Индия — бесформенный конгломерат антагонистических рас, племён, национальностей, то первые доказывают, что Индия — единая нация.

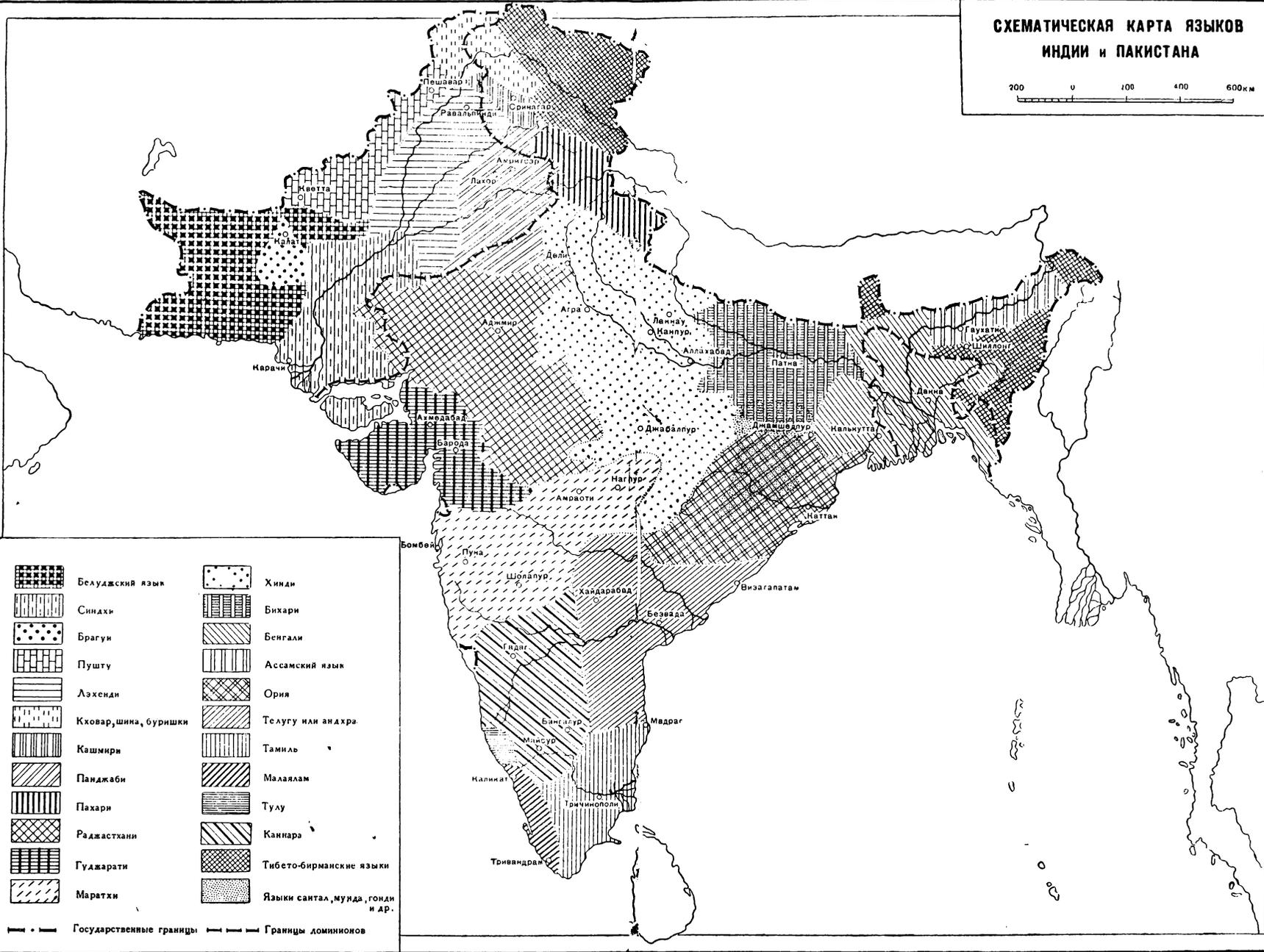
Индийский буржуазный историк Радха Кумуд Мукхерджи в своей работе «Исконное единство Индии»² приводит ряд аргументов с целью доказать, что Индия — единая нация. Некоторые из его аргументов интересны и, несомненно, заслуживают внимания. Так, Мукхерджи указывает на то, что Индия является единым географиче-

¹ *Risley*, *The people of India*, Calcutta 1915, p. 300—301.

² *Mookerji R. K.*, *The fundamental unity of India*, New-York 1914.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ЯЗЫКОВ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

200 0 100 400 600 км

	Белуджий язык		Хинди
	Синдхи		Бихари
	Брагун		Бенгали
	Пушту		Ассамский язык
	Лэхенди		Ория
	Кховар, шиня, буришки		Телугу или андра
	Кашмири		Тамиль
	Панджаби		Малаялам
	Пахари		Тулу
	Раджастхани		Каннара
	Гуджарати		Тибето-бирманские языки
	Маратхи		Языки сантал, мунда, гонди и др.

— • — Государственные границы   — — — Границы доминионов

ческим целым, что в результате длительного сожительства разных народностей Индии между ними установилась тесная культурная связь и в Индии развилась своеобразная «индийская» культура и т. д. Но большинство аргументов этого автора взято из области религии и верований, которые не объединяют, а разделяют индийские народы. Вся его аргументация, по существу говоря, не доказывает, что Индия является единой нацией в прямом смысле этого слова. Он доказывает, что в Индии имеется много факторов, объединяющих её население в целом, которые созданы не англичанами, а существуют с глубокой древности.

Примерно ту же точку зрения защищает в своей работе «Индия — нация» Энни Безант, которая была избрана в 1916 г. председателем Национального конгресса. Её аргументы ещё более базируются на общности религии. В предисловии к своей книге она пишет: «Индийская национальность в качестве своего базиса имеет единство религии, и ежедневные молитвы индусов всегда сохраняют это единство в их глазах»¹.

Если концепция, представляющая Индию как бесформенный конгломерат разнородных рас, племён, каст, религий и народов, должна идеологически обосновать политику английских империалистических кругов, то концепция «единой нации» является выражением централистических тенденций верхушки индийской буржуазии, которая, как будет показано ниже, представляет собой преимущественно крупных капиталистов провинций Гуджарата и Марвара, в руках которых сосредоточена большая часть всех предприятий Индии, не принадлежащих англичанам и другим иностранцам. Эта капиталистическая группа претендует на монопольное господство на индийском рынке и борется в этом смысле не только против английского капитала, но и против отставшей в своём развитии буржуазии других национальностей Индии, стремящейся утвердиться на национальном индийском рынке.

---

¹ *Bezant A., India a Nation, p. 1.*

Точка зрения руководящей верхушки Мусульманской лиги заключается в том, что её сторонники единственным признаком нации считают религию и ставят знак равенства между нацией и религиозной общиной. Согласно этой точке зрения в Индии столько наций, сколько религиозных общин, а так как основными религиозными общинами Индии являются мусульмане и индусы (индусты), то сторонники этой точки зрения заявляют, что мусульмане и индусы являются также и основными нациями Индии. Основываясь на этом положении, лидеры религиозно-общинной организации мусульман — Мусульманской лиги — выдвинули требование расчленения Индии путём выделения областей, где преобладают мусульмане, в особое мусульманское государство — Пакистан¹. Так, 26 февраля 1940 г. совет Мусульманской лиги принял решение, в котором говорится, что мусульмане Индии, которых насчитывается до 90 млн., являются отдельной нацией, имеющей такое же право на самоопределение, какое признаётся в отношении других наций; что индийские мусульмане не согласятся быть низведёнными на положение меньшинства; для того чтобы осуществить право мусульман на самоопределение, мусульмане должны иметь отдельный национальный очаг в форме независимого государства.

Эта концепция двух наций была положена в основу знаменитой Лахорской резолюции Мусульманской лиги, которая была принята на сессии в марте 1940 г. Ниже, при рассмотрении индусско-мусульманской проблемы, мы подробнее остановимся на этой концепции лидеров Мусульманской лиги, борющихся за расширение привилегий мусульманской помещичьей верхушки.

В связи с тем, что разжигание индусско-мусульманской розни с конца прошлого столетия сделалось генеральной линией политики английского правительства в Индии, «концепция двух наций» стала вытеснять традиционную концепцию английских империалистов. Резолюция Мусульманской лиги с требованием расчленения Индии на религиозно-общинной основе служила удобной

¹ Пакистан — по-персидски означает «Страна чистых».

ширмой, за которой английские империалистические круги проводили свою политику разжигания розни между мусульманами и индусами в целях раскола национально-освободительного движения и укрепления расшатанных устоев британского господства в Индии.

Теория «двух наций», которая сделалась символом веры Мусульманской лиги с 1940 г., задолго до этого была сформулирована в некоторых английских правительственных документах. Таким образом английские правящие круги натолкнули лидеров Мусульманской лиги на теорию «двух наций». Так, в первом томе отчёта «Объединённого парламентского комитета по индийской конституционной реформе», который был опубликован в Англии в 1931 г., говорится об Индии: «Две трети её обитателей исповедуют индуизм в той или иной форме. Свыше 77 млн. — являются последователями ислама, и разница между ними не только в религии в узком смысле этого слова, но и в области права и культуры. Они на самом деле могут считаться представителями двух различных, отдельных цивилизаций»¹.

Ярым сторонником этой точки зрения является также участник миссии Криппса оксфордский профессор Куплэнд, вся трёхтомная работа которого, посвящённая конституционной проблеме Индии, имеет своей целью доказать, что стержневым вопросом индийской политической жизни является не борьба индийского народа за свою независимость, а борьба между индусами и мусульманами, и что без разрешения индусско-мусульманской проблемы невозможно и дальнейшее политическое развитие Индии².

Тот факт, что английские правящие круги, ставящие целью сохранение своего господства в Индии, стали выпячивать теорию «двух наций», — знаменателен. Во второй половине XIX века в Индии начало развиваться мощное национально-освободительное движение, всё больше спланивавшее в своих рядах представителей всех

¹ «Joint committee on Indian constitutional reform», L. 1931, v. I, p. 47.

² Coupland, Report on the constitutional problem in India, The Indian problem, 1833—1935, part I—III, London 1942—1945.

народностей Индии. Основной политической задачей английских правящих кругов сделалась борьба против растущего национально-освободительного движения. Разжигание индусско-мусульманской розни сделалось основой, краеугольным камнем английской политики в Индии, отсюда и выпячивание, подчёркивание, раздувание различий между индусами и мусульманами.

Пропаганда концепции «двух наций» явилась в последнее время идеологической подготовкой расчленения Индии на два доминиона, которое было осуществлено, когда английские империалисты увидели, что хозяйничать в Индии попрежнему они не смогут и им не удастся удержать в своих руках объединённую Индию.

Все три изложенные выше концепции не могут дать нам правильного представления о национальных отношениях внутри Индии. Ни одна из них не выдерживает научной критики. Они не отражают действительного положения вещей, а являются выражением своего рода национальных программ английских империалистов и борющихся между собой имущих классов Индии, которые пытаются выдать желаемое ими за действительность. Наиболее очевидна научная несостоятельность той концепции, которая всё население Индии представляет единой нацией. Никто не может отрицать, что 400-миллионное население Индии далеко не однородно в этническом отношении. Даже Неру, в общем склоняющийся в сторону теории национального единства Индии, не может отрицать этого факта. В своей книге «Открытие Индии» он пишет: «Многообразие Индии огромно; это очевидно; оно лежит на поверхности, и всякий может его видеть. Оно относится как к физической внешности, так и к духовным особенностям и чертам. Мало общего при внешнем наблюдении между патаном Северо-Запада и тамилом крайнего Юга. Их расовые корни не одинаковы, хотя, быть может, общие элементы и имеются в них; у них разная внешность, пища и одежда, и, конечно, язык»¹.

---

¹ *Nehru Discovery of India*, L. 1945, p. 39.

Правда, за этим многообразием Неру старается найти единство, однако при всём его желании он не может доказать, что это есть национальное единство.

Многие резко нападают на английскую статистику, стремящуюся преувеличить разнородность этнического состава населения Индии и численность языков, на которых говорят различные населяющие её народности. Как мы покажем ниже, эти обвинения в основном правильны, и английская статистика племён, каст, народностей и языков весьма далека от научной объективности и служит вполне определённым политическим целям. Однако никто не может отрицать, что население Индии говорит на многих языках и в числе их имеются такие важные языки, как хинди, урду, бенгали, маратхи, тамиль, телугу, гуджарати, ория, каннара, малаялам, синдхи, пушту и др., на которых говорят миллионы людей, и имеется богатая литература, и языки эти никак не могут считаться «племенными диалектами».

В статье «Проблема языка», напечатанной в 1933 г., Неру писал: «Наши крупные, провинциальные языки — не диалекты или говоры, как называют их иногда невежды. Они представляют древние языки, с богатым наследием, на каждом из которых говорят миллионы людей, каждый из которых неразрывно связан с жизнью, культурой и идеями масс, так же как и (высших) классов»¹.

Таким образом, население Индии в целом не обладает ни общностью языка, ни общностью национального характера и уже потому не может считаться единой нацией.

Исторические судьбы отдельных народов Индии были не одинаковы, поэтому у каждого из этих народов сложился свой особый национальный характер, своя особая культура и традиции. Длительное английское господство объединило все эти народы под одним колониальным ярмом, создало известные экономические связи между народами Индии, общий гнёт породил и общее сопротивление ему, но всего этого было недостаточно, чтобы

---

¹ *Nehru*, *Eighteen months in India*, Allahabad 1938, p. 245.

сплотить всё население Индии в единую нацию. Та культурная общность, которая развилась у народов Индии в результате многовекового существования их бок о бок, в результате длительных торговых и политических связей между ними, не больше культурной общности разных народов Европы, Дальнего Востока и Среднего Востока. Эта культурная общность не исключает наличия самобытной культуры отдельных национальностей Индии.

По этим причинам не может быть признана правильной концепция, рассматривающая всё население Индии как единую нацию.

Ничуть не более обоснована и концепция «двух наций», выдвигаемая рядом английских политиков и лидерами Мусульманской лиги. Как было сказано выше, согласно этой концепции население Индии состоит из двух основных наций — индусов¹ и мусульман.

Неправильность этой концепции вытекает уже из того положения, что религиозная общность очень часто не совпадает с национальной и общность религии не является характерной чертой нации. Например, французы, итальянцы исповедуют в своём большинстве одну религию — католицизм, однако вряд ли кто-либо решится утверждать, что они представляют единую нацию. Турки и арабы также исповедуют общую религию — ислам, но также не являются единой нацией. Немало имеется фактов, когда представители одной и той же нации исповедуют разные религии. Так, в восточной части Германии преобладающей религией является лютеранство, тогда

¹ В настоящей работе термин «индус» употребляется для обозначения не жителя Индии, как он обычно употреблялся ранее, а для обозначения последователей религии индуизма. Слово «индус» вошло в русский язык недавно, в XIX веке, из французского языка и представляет собою множественное число слова «hindou» (хинду), которым в Индии именуется последователи религии индуизма (брахманизма). Для обозначения всего населения Индии мы употребляем термин «индийцы». В России до XIX века население Индии именовалось «индейцами», однако теперь этот термин применяется для обозначения коренных жителей Америки. Эта терминология соответствует употребляемой в Индии. В Индии слово «хинду» (индус) обозначает последователей особой религии — индуизма, всякий же житель Индии, независимо от религии, языка, расы, касты, национальности и т. д. — «хинди» (индиец).

как в западной и южной — католицизм, однако немцы всей Германии, независимо от их религии, представляют единую нацию. Среди албанского народа имеют распространение три религии: ислам, православие и католицизм, что, однако, не нарушает их национального единства. Таких примеров можно привести немало.

И в Индии, как будет показано ниже, религиозная общность не совпадает с национальной. Нельзя считать всех индусов, т. е. представителей индуизма, единой нацией. Индусы составляют 70% населения Индии. То, что мы говорили в отношении населения Индии в целом, относится в полной мере и к индусам. Значительная часть бенгальцев, маратхи, гуджаратцы, тамилы, телугу и т. д. исповедуют индуизм. То, что было сказано в отношении этнической разнородности, культурных различий, разноязычия всего населения Индии, относится в равной мере и к индусам. Утверждать, что индусы — единая нация, это всё равно, что утверждать, что все народы Европы, исповедующие христианство, единая нация. В Индии имеется ряд национальностей, среди которых индуизм является преобладающей религией, но индусов в целом считать единой нацией нет ни малейшего основания.

Лидеры Мусульманской лиги положили в основу своего требования раздела Индии на два государства на религиозно-общинной основе концепцию «двух наций». В 1944 г. (во время своих переговоров с Ганди) Джинна заявил: «Мы утверждаем, что мусульмане и индусы — две главные нации, обладающие всеми признаками нации. Мы — стомиллионная нация со своей особой культурой и цивилизацией, языком и литературой, искусством и архитектурой, своим чувством меры и пропорции, своими законами и моралью, обычаями и летоисчислением, историей и традициями, склонностями и стремлениями. Коротко говоря, мы имеем наш особый взгляд на жизнь. По всем законам международного права «мы — нация»¹.

Многие английские авторы также в той или иной мере поддерживают эту теорию. Претендующий на звание лидера неприкасаемых доктор Амбедкар в книге

¹ «Amerasia» № 20, 1944.

«Мысли о Пакистане»¹ также выступает защитником этой теории.

Однако, несмотря на безапелляционные заявления Джинны и других лидеров Мусульманской лиги, даже при слабом прикосновении научной критики их теория национального единства всех мусульман Индии рассыпается, как карточный домик.

Марксизм-ленинизм учит, что: *«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*².

Являются ли такой общностью индийские мусульмане?

Прежде всего, самое расселение мусульман в пределах Индии вызывает сомнение в этом отношении. Мусульмане Индии в целом не имеют единой, общей территории, так что этой характерной чертой нации они не обладают.

Они не обладают и общностью языка. Основные языки, на которых говорят мусульмане Индии, и количество людей, говорящих на этих языках, следующие:

Основные языки	Количество людей
Бенгали	около 36 млн.
Хиндустани	25 »
Панджаби и его западные диалекты	17 »
Пушту	5 »
Синдхи	3,5 »
Малаялам	2,5 »
Кашмири	1,5 »

Более 90% мусульман говорит на этих языках, но имеются менее значительные группы мусульман, говорящие и на языках тамиль, телугу, гуджарати, маратхи и т. д. Известно, например, что в мусульманских медресе³ в восточной части Мадрасской провинции преподавание ведётся на тамильском языке. Таким образом,

¹ *Ambedkar, Thoughts on Pakistan, Bombay 1942.*

² *И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.*

³ Медресе — мусульманская духовная семинария.

мусульмане Индии в целом не обладают и общностью языка.

Утверждение, что урду является общим языком всех мусульман Индии, не основательно. Урду является основным литературным языком мусульман и индусов Пенджаба, западной части Соединённых провинций, мусульман восточной части Соединённых провинций и Бихара, а также официальным языком княжества Хайдарабад. Урду не является языком мусульман Бенгала и Южной Индии, а также Синда и Северо-Западной пограничной провинции.

Вообще, за исключением пушту и белуджского языка и некоторых горных диалектов Гиндукуша, в Индии нет языков, на которых говорили бы только мусульмане.

По этому поводу в «Отчёте Комитета Сапру» сказано следующее: «В добавление к хинди и урду, индусы и мусульмане совместно развивали другие языки и литературы, также являющиеся средством общения. Великие провинциальные языки бенгали, маратхи, гуджарати и синдхи с рвением развивались как индусами, так и мусульманами с XV столетия и до XIX, а в средневековой Индии выросла значительная общая литература»¹.

Не приходится и говорить об общности экономической жизни мусульман Индии в целом.

Остаётся общность психического склада и культуры. Но и эта общность существует только в той степени, в какой она объясняется общностью религии. Можно смело сказать, что общность психического склада и культуры между индийскими афганцами, белуджами, жителями Синда, Пенджаба, бенгальцами и малаяли не больше, чем подобная же общность между исповедующими христианство народами Европы. С другой стороны, разница между, скажем, бенгальцами-индусами и бенгальцами-мусульманами, пенджабцами — индусами, мусульманами и сикхами и т. д. не больше, чем разница между немцами или венграми-католиками и лютеранами и т. д.

---

¹ «The constitutional proposals of the Sapru Committee», Bombay 1945, p. 96.

Таким образом, концепция «двух наций» столь же несостоятельна, сколь и теория «единой нации».

Остаётся традиционная английская концепция, представляющая Индию как конгломерат различных каст, племён, языков, народностей, религий и наций. С первого взгляда может показаться, что эта концепция правильно отражает индийскую действительность. В самом деле Индия — страна с очень разнородным в этническом отношении населением, говорящим на многочисленных языках и исповедующим различные религии; население её делится на большое число каст.

В таблице основных каст и племён Индии, включённой в сводный том переписи 1921 г., насчитывается 90 главнейших каст и племён; в сводном томе переписи 1941 г. приведено 180 названий важнейших племён Индии; в книге Тэрстона¹, посвящённой племенам и кастам Мадраасской провинции, приведено несколько сотен названий каст и племён, обитающих в этой провинции.

Согласно переписи 1921 г., в Индии и Бирме значилось 222 языка, перепись 1931 г. увеличила это число до 225. По данным «Обследования языков Индии»², в одной Индии, без Бирмы, насчитывался 171 язык.

Все апологеты английского господства в Индии широко пользовались, да ещё, вероятно, будут пользоваться и в дальнейшем, этими цифрами, для того чтобы доказать, что только английское господство могло удерживать в рамках единого политического целого такое огромное количество разнородных наций, племён, религий и т. д.

Что Индия — страна многонациональная, это вопрос, не подлежащий сомнению. Но признать это ещё далеко не достаточно, чтобы разобраться в национальном вопросе в Индии. Ни один из сторонников рассматриваемой нами концепции и не пытался этого сделать. Трёхзначные цифры языков, каст, племён и т. д. им нужны были для того, чтобы подавить своих оппонентов, напугать их сложностью проблемы, обосновать свою классовую точку зрения в этом вопросе.

¹ *Thurston, Castes and tribes of Southern India*, v. 1—IV.

² «Linguistic survey of India», v. 1—II, L. 1926.

Научная несостоятельность традиционной английской концепции очевидна уже потому, что её сторонники сознательно смешивают, валят в одну кучу такие разнородные общности, как племена, касты, национальности и религиозные общины, между тем как касты, племена и религиозные общины относятся к общественным категориям иного типа, чем нации. Более того, многоплеменность и наличие большого числа каст вовсе не доказывает наличия в Индии большого числа национальностей.

Другое дело — язык. Общность языка является одной из характерных черт нации; отсутствие единого индийского языка говорит за то, что Индия — страна многонациональная. Однако из этого вовсе не вытекает, что число языков, зарегистрированных в Индии, даёт нам представление и о числе населяющих её национальностей и каждая группа жителей Индии, связанная общностью языка, является особой национальностью. Ибо, во-первых, различные нации не обязательно говорят на различных языках. «Общий язык для каждой нации, — пишет товарищ Сталин, — но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это ещё не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке!»¹

Как мы покажем ниже, и в Индии имеются такие складывающиеся национальные группы, которые, будучи различны в других отношениях, имеют единый национальный язык.

Во-вторых, и это особенно важно для Индии, далеко не всегда можно полагаться на данные языковой статистики и лингвистических обследований. Индийская статистика в этом отношении особенно ненадёжна, и можно впасть в большую ошибку, если без всякой критики положиться на её данные.

Прежде всего, далеко не всякая этническая группа, обладающая особым языком, является национальностью, и в процессе развития национальностей происходит ассимиляция многих племён и исчезновение племенных языков. А даже самый поверхностный анализ данных о

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

языках Индии говорит о том, что огромное их количество не может ещё считаться национальными языками.

Англо-индийская статистика даёт перечень языков с чисто филологической точки зрения, тогда как такой критерий не всегда достаточен, если подойти с точки зрения роли данного языка в общественной жизни. Нередко местные диалекты единого национального языка, если их рассматривать с точки зрения языковеда, должны считаться отдельными языками, тогда как очень близкие друг к другу диалекты могут играть роль разных национальных языков.

Кроме того, для понимания национальных отношений в какой-либо стране вовсе не безразлично знать численность и значение в жизни страны различных населяющих её народов и народностей, распространение отдельных языков.

Огромное большинство языков Индии имеет чрезвычайно узкое распространение и приурочено к отсталым горным районам страны. Так, из 171 языка в Индии, по данным «Обследования языков Индии», 104 языка, т. е. 60%, принадлежат к языкам тибето-китайской группы. Говорят же на них всего около 2,5 млн. человек, что составляет менее 1% населения Индии. Огромное большинство языков этой группы сосредоточено в северо-восточных районах Ассама, в малодоступной горной стране. Из 104 тибето-бирманских языков Индии только 5 языков являются в той или иной мере литературными языками, т. е. на них имеется письменность. Остальные языки — это языки отдельных племён, населяющих изолированные горные долины, и вполне возможно, что, когда эти племена будут в большей мере экономически связаны друг с другом и с остальными народами страны, из этой массы выделятся немногие, которые будут играть роль национальных языков. На многих тибето-бирманских языках Индии говорит всего несколько тысяч и даже сотен человек (например, чутни — 304 человека, канази — 980, джангали — 200, датла — 990 человек и т. д.).

Из огромного количества языков Индии, учитываемых при переписи населения, насчитывается

всего 23 языка с числом говорящих на них свыше миллиона.

Языки эти следующие: западный хинди — 71,6 млн. человек, бенгали — 58,4 млн., телугу, или андра — 26,8 млн., бихари — 27,9 млн., маратхи — 20,8 млн., тамиль — 20,4 млн., панджаби — 15,8 млн., раджа-стхани — 13,8 млн., каннара — 11,2 млн., орня — 11,2 млн., гуджарати — 10,8 млн., малаялам — 9,1 млн., лахнда (западно-пенджабский язык) — 8,5 млн., восточный хинди — 7,8 млн., пушту — около 4 млн., кхервари — 4 млн., синдхи — 4 млн., бхили — 2,1 млн., западный пахари — 2,3 млн., ассамский — 1,9 млн., гонди — 1,8 млн., кашмири — 1,4 млн. и ораон, или куркх — 1,0 млн.¹

В общей сложности на этих языках в 1931 г. говорило около 318 млн. человек, что составляло в тот период свыше 95% населения Индии; таким образом, на остальных 147 языках говорило менее 5% населения Индии.

Принимая во внимание, что население Индии исчислялось, по данным переписи 1941 г., в 389 млн. человек, т. е. примерно равно населению Европы (без СССР), где насчитывается около 50 национальных языков (не считая местных диалектов), придётся признать, что в отношении многообразия языков Индия не представляет исключения из общего правила. В Индии в горных районах, слабо затронутых развитием капитализма и сохранивших в значительной мере свою изолированность от более развитых районов страны, сохранилось большое количество небольших племён и народностей, говорящих на своих племенных языках и наречиях. Эти народности до сих пор живут очень обособленно, и их влияние на жизнь всей Индии в целом ничтожно. Поэтому и надо признать, что Дж. Неру был в общем прав, когда он писал: «Одна из легенд об Индии, которую настойчиво распространяют наши английские правители по всему свету, заключается в том, что будто бы в Индии имеется несколько сотен языков». И далее: «Я считаю, что Индия имеет удивительно мало языков, если принять

---

¹ Цифры взяты из данных переписи 1931 г.

во внимание её площадь. По сравнению с некоторыми частями Европы она гораздо более спаяна в отношении языка...»¹

Простой взгляд на языковую карту Индии подтверждает это положение.

В пределах Ассама², территория которого вместе с входящими в него княжествами равна 67 834 кв. милям, а население в 1931 г. составляло 9 247 856 человек, зарегистрировано свыше 100 языков, из которых 67 являются языками коренного населения Ассама. Из этих 67 языков в Ассаме наибольшее значение имеют два языка, а именно — бенгали, на котором говорит 43 % населения, и ассамский язык, на котором говорит 21 % населения. На всех остальных 65 языках Ассама говорит всего 30—35 % населения.

В общей сложности районы, где сосредоточены и преобладают племенные языки и диалекты, занимают менее 15 % территории Индии, причём большая часть районов, где преобладают эти языки, представляет из себя труднодоступные местности, почти не затронутые капитализмом, которые на протяжении многих веков были слабо связаны с жизнью всей страны.

Таким образом, географическое распределение языков показывает, что большая часть территории Индии, её наиболее плодородные и густо населённые части заняты народами, говорящими на немногих (всего 23) языках, причём, как видно из языковой карты Индии, народы, говорящие на этих языках, распределены не беспорядочно, не вперемежку, а занимают большие сплошные территории. Это показывает, что в результате длительной хозяйственной, политической и культурной связи населения отдельных больших областей в Индии образовались большие территориально-языковые массивы, что является одной из предпосылок развития в Индии крупных национальностей, ибо, как известно, общность территории и языка является основной предпосылкой развития наций.

---

¹ *Nehru J., An Autobiography, L. 1936, p. 352.*

² Ассам берётся в границах до 1947 г.

Эти факты показывают, что концепция, изображающая Индию как бесформенный конгломерат различных каст, племён, рас, религий, языков и т. д., так же не научна и не отражает действительного положения вещей, как и две предыдущие.

Изучение развития Индии за последнее столетие показывает, что Индия — страна многонациональная, в которой имеется ряд уже почти вполне сложившихся наций; ряд наций находится в стадии становления, а в наиболее отсталых, горных районах сохранилось значительное количество племён и народностей, которые слабо втянуты в общественную жизнь страны в целом. В последующих главах мы дадим краткий обзор истории развития и формирования основных национальностей Индии и попытаемся дать систематическую картину национального состава её населения.

ГЛАВА 2

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ИНДИИ ДО ЗАВОЕВАНИЯ ЕЁ АНГЛИЕЙ

Нация — продукт поднимающегося капитализма.

«Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»¹.

Процесс развития наций есть длительный процесс развития и укрепления экономических связей, роста меновых отношений среди родственных между собой племён, слияния этих племён в связанные общей территорией и языком народности; это процесс поглощения и ассимиляции более слабых племён и народностей более мощными; это процесс роста общественного разделения труда и создания внутреннего национального рынка; процесс борьбы буржуазии против феодализма, который оканчивается ликвидацией феодальных отношений и находит завершение в образовании национальных буржуазных государств.

Организация общества, основанная на кровном родстве, уступает место территориальной его организации. «...вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ»², — пишет Энгельс, характеризуя процесс развития афинского народа.

Таким образом, в Греции уже в процессе разложения первобытно-общинного строя и превращения его в рабовладельческий место существовавших первоначально

---

¹ *И. В. Сталин*, Соч., т. 2, стр. 303.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, стр. 89.

греческих племён заняли греческие народности, объединённые общей территорией (афиняне, спартанцы и т. д.). В соответствии с этим процессом слияния племён в народности происходит процесс превращения племенных языков и диалектов в локальные.

Многие народности Индии сложились давно. Мы не будем останавливаться на всех упоминаемых в древнеиндийской литературе племенах и народностях и скажем только о тех древних народах Индии, связь которых с современными несомненна. Замечательно, что почти все такие народности сосредоточены в Южной Индии, а не в Северной. Этот факт может быть объяснён тем, что в Южной Индии, которая с глубокой древности не подвергалась нашествиям народов извне, создались более благоприятные условия для формирования более или менее устойчивых групп людей, связанных общностью языка и территории, чем в Северной Индии, которая являлась объектом почти непрерывных нашествий и завоеваний. Поэтому не удивительно, что три из крупнейших современных народностей Южной Индии упоминаются ещё в глубокой древности и, по всем данным, они и тогда занимали примерно ту же территорию, что и теперь.

Так, в санскритской¹ литературе есть указания, что народ андхра (телугу) ещё до нашей эры населял уже примерно ту же область, которую он населяет и теперь. Андхра упоминается в «Аэтэрея Брахмана», по свидетельству известного санскритского грамматика Панини. Народ андхра упоминается в надписях царя Ашоки, относящихся к III веку до нашей эры. Он упоминается также у римского историка Плиния; тамилы, под именем «дравида» упоминаемые в древнейших источниках, имели тесные торговые связи с Грецией и Римом, что доказывалось обилием римских монет, находимых в стране тамиллов, и наличием в греческом и латинском языках нескольких слов, обозначающих продукты и животных индийского происхождения, заимствованных из тамильского языка.

---

¹ Санскрит — литературный язык древней и средневековой Индии.

Народ каннара упоминается во II веке нашей эры, в ту же эпоху в одной из обнаруженных в Египте греческих драм найдена целая фраза на языке каннара. Причём до разрушения Виджаянагарской империи народ каннара в течение столетий был объединён политически.

Позднее стали складываться современные народности Северной Индии. Однако и эти народности сложились много столетий тому назад.

Известный мусульманский писатель XIX века Амир Хусрав, первый начавший слагать стихи на урду, пишет следующее о языках Индии его времени: «Так как я родился в Индии, то мне да будет позволено сказать слово о её языках. В настоящее время в каждой провинции имеется особый язык, не заимствованный откуда-либо из другого места; язык Синдха, Кашмира, дугаров, язык Дхур самундара, тилангов, Гуджарата, мабаров, Гаура, Бенга, Аудха, Дели и его окрестностей — это всё языки Индии, которые с древних времён употребляются всеми способами для обыденных целей»¹.

Историк императора Акбара (конец XVI века) Абуль Фазл в книге «Айни Акбари» писал о языках Индии следующее: «На обширном пространстве Индостана говорят на многих диалектах, и разнообразие тех, которые не исключают взаимного понимания, бесчисленно. К тем формам речи, которые являются взаимно непонятными, относятся диалекты: Дели, Бенгала, Мультана, Марвара, Гуджарата, Телинганы, махраттов, Карнатика, Сунда, афганцев Шала, Белуджистана и Кашмира»².

Несомненно, что народности Индии, объединённые общностью языка и территории, не являлись ни в XIV, ни в XVII веках нациями. Индия того периода представляла типичную для феодального общества картину экономической и политической раздроблённости. Товарные отношения были развиты в ней относительно слабо, огромное большинство населения Индии жило в деревнях. Сельское население, объединённое в сельские общины, было мало связано с рынком, почти все необходимые для него

¹ «Linguistic survey of India», v. I, part I, p. 1.

² Ibidem.

продукты производились или самими крестьянами-общинниками, или общинными ремесленниками, которые находились в положении слуг общин и, получая от общинников в период сбора урожая определённую долю продукта, обязаны были обеспечивать потребности общинников.

Промышленность столичных городов Индии была тесно связана с потребностями дворов феодальных правителей и их армий. Она производила главным образом различные тонкие шёлковые и хлопчатобумажные ткани, парчи, оружие и дорогую домашнюю утварь, украшения и т. д.

Огромная часть товаров производилась ремесленниками, работавшими единолично или с помощью немногих учеников у себя на дому, крупное мануфактурное производство было развито в Индии менее, чем в Европе соответствующего периода; крупные мастерские имелись при дворах правителей, но они не работали для рынка, а обслуживали нужды дворов. Только сравнительно небольшая часть товаров, производимых ремесленниками, вывозилась за границу, где обменивалась на драгоценные металлы. Ввоз в Индию иноземных изделий был в древности и в средние века очень невелик. Только очень немногие деревенские ремесленники, главным образом ткачи, работали также и для вольного рынка. Таким образом, отделение ремесла от сельского хозяйства в средневековой Индии было далеко не полным и внутренний рынок был развит относительно слабо.

Тот факт, что Индия вывозила значительное количество товаров за границу, не противоречит факту слабого развития товарного производства в Индии. Индийские ремесленники, работавшие на рынок, составляя ничтожную долю населения страны, в абсолютных цифрах представляли немалую величину.

Все государства Индии того периода были феодальными монархиями с очень слабой степенью централизации. Правда, в конце XVI века вся Северная Индия входила в состав империи Великого Могола, в которой в то время правил император Акбар. Это был период, когда империя Моголов достигла наибольшей степени централизации. Но даже во время царствования Акбара намест-

ники его в отдельных областях империи были почти самостоятельными правителями и нередко восставали против императора. Юг же Индии был раздроблён между рядом мусульманских и индусских царств и княжеств. Слабость политической централизации, несомненно, препятствовала развитию товарооборота в Индии.

Большие группы населения, объединённые общностью языка и территории, отмеченные авторами XIV века, не могли считаться нациями. Живые, разговорные языки Индии не были национальными языками, они представляли, скорее, группы родственных диалектов. Они были главным образом разговорными языками. Литература на этих языках до XV века была незначительна. Основным литературным языком индусов был санскрит, на котором писались сочинения в области науки, религии, законодательства. В средневековой Индии санскрит играл ту же роль, что в средневековой Западной Европе латынь. Так же как в Западной Европе латынь в средние века знали почти исключительно монахи и лишь немногие светские люди, в Индии санскрит был монополией учёных браминов-пандитов и писцов из касты каястхов, которые обслуживали государственный аппарат. В мусульманских государствах Индии государственным языком, языком судопроизводства и отчасти торговых документов был персидский, который являлся также и разговорным языком узкой прослойки мусульманской феодальной знати, происходившей от пришедших из стран Средней Азии мусульманских завоевателей. Однако уже в XIV веке в Индии начинается движение, которое дало мощный толчок развитию литературы на новоиндийских языках.

Движение это, наиболее видными представителями которого считаются брамины Рамануджа, Рамананд, а также один из крупнейших поэтов, писавших на древнем хинди, — ткач Кабир, бенгальский реформатор Чайтанья, было вначале направлено против официального индуизма, обрядности, предписываемой им, против кастового строя и религиозного фанатизма. Движение это носило форму религиозного реформаторства и во многом напоминало реформаторское движение, направленное против господствовавшей в средневековой Европе като-

лической церкви. Особенно широкий размах оно приняло в XV, XVI и отчасти в XVII веках. Англичанин Мэколиф, переведший на английский язык священное писание сикхов, пишет: «Пятнадцатое столетие христианской эры было периодом исключительной умственной и политической активности. И в Европе и в Индии люди отряхнули спячку веков, и их ум пробудился к сознанию и умственной ответственности. XIV век — век Гуса, Лолларда, Кабира, Рамананда, был веком подготовки к этому движению»¹.

Движение это, носившее название «бхакти»², было связано с культом бога Вишну и двух его воплощений — Рамы и Кришны, почти во всей Индии, но на юге такую же форму приняло поклонение богу Шиве, а в Бенгалии — божественной силе Шивы в лице его жены богини Дурги или Кали.

Вначале оно носило мирный характер и не вызывало беспокойства у мусульманских правителей Индии. Более того, считая, что это движение подрывает среди их подданных — индусов — авторитет и влияние браминов и по своему отношению к кастам и обрядности в некоторых пунктах сходно с исламом, мусульманские правители нередко поддерживали его, и многие из поэтов этого направления жили под покровительством мусульманских султанов.

Движение это было движением городских ремесленников и торговцев, движением тех слоёв, из которых выросла буржуазия Индии. Среди виднейших деятелей этого движения, виднейших поэтов этого направления было очень мало браминов, а наиболее влиятельные его деятели были выходцами из среды низших, ремесленных каст и даже из среды неприкасаемых³. Знаток новоиндийских языков и литературы английский языковед Дж. Грирсон пишет: «Замечательно, что многие из писателей на народных языках, включая и тех, которые оказали особенное влияние на развитие характера индусов, были людьми,

---

¹ *Macauliff, The sikh religion, Oxf. 1909, p. XXXIX.*

² «Бхакти» — любовь к богу.

³ См. ниже главу о кастах.

занимавшими в жизни наиболее угнетённое положение, в противовес санскритским писателям, вроде Калидасы, Бхавабхути или Шанкара, которые были браминами и жили при дворах королей. Величайший из всех новоиндийских поэтов — Тулси Дас хотя и брамин по касте, но был покинут родителями и воспитан и обучен странствующим аскетом. Кабир был ткачом, Даду¹ — ничтожным чистильщиком хлопка, Намдев, основоположник маратхской поэзии, был портным и его наиболее знаменитый последователь Тука Рам, бедный лавочник, шудра. Тируваллувар², ярчайшая звезда южноиндийского неба, был пария, наиболее униженный из всех униженных; Вемана, наиболее любимый писатель телугу, был неучёным крестьянином»³.

Эта средневековая литература, несмотря на её мистический характер, была действительно народной литературой, и её влияние на народные массы Индии не прекратилось до сих пор.

Характеризуя литературу этого периода на языке хинди, Кей (Keay) пишет: «Золотой век литературы на народных языках Индостана начинается около 1550 г. Сюзерены Индии Моголы не только установили твёрдое управление, но были либеральными покровителями литературы и искусства. При Акбаре (1556—1605), Джахангире (1605—1627) и Шах Джехане (1627—1658) мусульманское правление в Индии достигло вершины своего внешнего великолепия, и это был также период величайшей славы литературы хинди. Часто указывалось, что он совпадал по времени с Елисаветинским веком в английской литературе, и в этот самый период Индия и Англия впервые пришли в соприкосновение. Это был период проникновения в литературу художественного влияния, которое повело к большой отшлифовке стиха и его формы и к первым попыткам систематизации искусства стихосложения такими авторами, как Кешав Дас и другие. Это был век величайших звёзд литературы хинди: Тулси

¹ Тулси Дас, Кабир и Даду писали на языке хинди.

² Тируваллувар — крупнейший тамильский поэт.

³ «Imperial gazetteer of India», v. III, Oxf. 1909, p. 415.

Даса, Сур Даса и Бихари Лала, а также других великих поэтов. В этот период составлен был грантх (писание) сикхов и было образовано много новых сект вроде даду-пантхи, которые создали много религиозных стихов высокого качества»¹.

Но движение «бхакти» не ограничилось только мирной пропагандой своих идей. Оно стало идеологией крестьянских движений, направленных против мусульманских угнетателей, идеологией национально-освободительной борьбы некоторых из индийских народностей против иностранных поработителей.

В XVII веке в районе Дели большим влиянием пользовалась секта сатнами, с деятельностью которой тесно связана вооружённая борьба крестьян-джатов района Маттры (Матхуры). Теснейшим образом связана с движением «бхакти» также религия сикхов, которые играли большую роль в борьбе крестьян Пенджаба против мусульманских феодалов. Известно огромное влияние, которое оказало на вождя национально-освободительной борьбы маратхского народа Шиваджи поэзия Тука Рама. Таким образом, в Индии, как и в Европе, XV, XVI и XVII века были веками, когда городские ремесленники и торговцы, а затем и крестьяне выступили на политическую арену, их политическое пробуждение приняло форму реформаторского, религиозного движения и дало первый толчок к развитию литературы на народных языках Индии, заложив основы для превращения их в национальные языки.

---

¹ *Keay, A history of Hind literature, Calcutta 1920, p. 10.*

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ИНДИИ

Проникновение европейских держав в Индию очень скоро оказало большое влияние на хозяйственную жизнь Индии и особенно на её торговлю и ремесло. Первыми из европейцев проникли в Индию португальцы, которые, пользуясь своим превосходством на море и используя его не только в целях конкуренции с индийскими купцами, но и в целях их ограбления, почти полностью монополизировали в XVI столетии внешнюю торговлю Индии, вырвали её из рук индийцев. Причём они захватили не только торговлю Индии с западными странами, но и со странами Дальнего Востока и с Индонезией. Голландцы и англичане довершили дело португальцев, и к концу XVII века индийское судоходство, внешняя торговля, а вместе с ними и индийская судостроительная промышленность были монополизированы европейцами.

Во второй половине XVIII столетия английская Ост-индская компания вытеснила из Индии своего последнего европейского соперника — Францию и сделалась фактическим хозяином значительной территории на юге Индии (Карнатик) и в Бенгалии. В XVIII веке произошли значительные изменения и в характере основных источников первоначального накопления английского капитала в Индии: торговое накопление, игравшее основную роль в XVII веке и в начале XVIII века, стало всё больше и больше отступать на второй план, и основными источниками накопления сделались налоги с крестьянства завоеванных районов, военная дань с подчинённых индийских государств, проценты по займам, которые компания

предоставляла индийским князьям — своим союзникам, и, наконец, военная добыча, захватываемая у побеждённых противников. Таким образом, военно-феодальная и ростовщическая эксплуатация Индии играла в XVIII столетии большую роль в накоплении английского капитала, чем торговая её эксплуатация.

Карл Маркс писал в 1853 г.: «Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII столетия, приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации территории и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию»¹.

Остиндская компания была заинтересована в Индии только как в источнике обогащения, поэтому в районах, где она господствовала, эксплуатация населения носила более жестокий характер, чем эксплуатация в землях индусских и мусульманских феодалов, поэтому её хозяйничанье приводило к голоду, разрушению условий сельскохозяйственного производства, упадку ирригации и т. д. Падение местных феодальных династий влекло за собой упадок ремесла в столицах этих династий. Военное разграбление и жестокая феодально-ростовщическая и торговая эксплуатация Индии английской буржуазией не могли не иметь следствием разрушение производительных сил страны. Они подрывали прежние основы индийского общества, не создавая в ней новых общественных отношений.

Но не только военно-феодальная и ростовщическая эксплуатация подорвала традиционные экономические устои индийского общества. Как мы указали выше, уже в XVII веке почти вся внешняя торговля Индии была монополизирована европейцами, сначала португальцами и голландцами, а затем англичанами. В XVIII веке английский рынок был уже важным рынком сбыта индийских товаров и особенно текстиля. Но начиная с конца XVII века английские фабриканты стали протестовать против наводнения английского рынка индийскими товарами. В начале XVIII века они добились запрета не

только ввоза и продажи, но даже ношения платья из индийских тканей в Англии¹. Этот запрет не мог не отразиться на развитии индийского ремесла, которое потеряло важный рынок. С другой стороны, он имел своим следствием изменение политики Остиндской компании по отношению к индийскому ремеслу. Прежде Остиндская компания стремилась вытеснить местных скупщиков и ростовщиков и заставить индийских ремесленников производить для неё. Она подчиняла себе всеми мерами и жестоко эксплуатировала индийских ремесленников, но в то же время проявляла известную заинтересованность в росте производства готовых продуктов, которые она экспортировала в Англию и другие страны. С запретом же ношения индийских тканей в Англии рынок сбыта для индийских текстильных изделий, особенно наиболее тонких, сократился. С другой стороны, в связи с развитием текстильной, и в частности хлопчатобумажной и шёлкоткацкой промышленности, в Англии появилась потребность в индийском сырье. Со второй половины XVIII века начал резко изменяться характер торговых отношений Индии с Англией. Индия из страны, вывозящей готовые изделия, всё больше и больше стала превращаться в страну, вывозящую сырьё и полуфабрикаты. Во второй половине XVIII века Англия начала проводить уже планомерно политику вытеснения и разрушения в Индии ремесленного производства тканей и поощрять производство сырья и полуфабрикатов. Так, в 1769 г. Остиндская компания в инструктивном письме своему бенгальскому губернатору предлагала развивать только производство шёлка-сырца и противодействовать развитию производства готовых шёлковых изделий. Обследовавший в 1758 г. деятельность компании в Бенгалии специальный комитет палаты общин следующим образом характеризует эту инструкцию: «Это письмо содержит разработанный план политики принуждения и поощрения, который должен в значительной степени подействовать разрушительно на ремёсла Бенгалии. Его результатом должно быть (поскольку он будет проводиться неукоснительно) изме-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 358.

нение всего лица этой промышленной страны с тем, чтобы превратить её в область производства сырых материалов, обслуживающего промышленность Великобритании»¹.

Но ещё большие изменения произошли в торговых отношениях Англии с Индией в начале XIX века, когда (особенно после отмены монополии Остиндской компании в 1813 г.) Индия начала наводняться английскими хлопчатобумажными товарами. К 1850 г. Индия стала уже основным рынком сбыта английских текстильных товаров.

Индийское ремесленное ткачество не могло выдержать конкуренции английской фабрично-заводской промышленности и было разрушено. Карл Маркс писал по этому поводу: «Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английской пряжей и английской хлопчатобумажной материей. После того как ее собственные изделия были изъяты из обращения на английском рынке или стали допускаться лишь на самых жестких условиях, в нее стала ввозиться в огромном количестве английская мануфактура, обложенная небольшой и лишь номинальной пошлиной, что повело к гибели туземного, некогда столь славившегося хлопчатобумажного производства»².

Таким образом, XVIII век, который в Англии был веком бурного роста и развития капиталистического производства, в Индии был веком разрушения старых основ её общества. Это разрушение производительных сил Индии в XVIII веке, захват её внешней торговли англичанами, разрушение индийского ремесла имели своим результатом торможение и почти полную приостановку процесса складывания наций в Индии, который стал намечаться там начиная с XV века. Мы уже видели, что XV, XVI и XVII века в Индии характеризовались оживлением политической активности ремесленников, мелких торговцев и крестьян, выразившимся в появлении различных реформаторских, религиозных те-

---

¹ *Rao*, Decay of Indian industries, Bombay 1935, p. 83.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 359.

чений, стремившихся демократизировать общественные отношения в Индии, ростом крестьянского и национально-освободительного движения в отдельных районах Индии. Мы указывали выше, что это пробуждение политической активности сопровождалось культурным оживлением, ростом литературы на народных индийских языках. Завоевание Индии англичанами убило эту активность, и XVIII век в Индии был веком застоя политической и культурной жизни.

«Однако, конец периода, — пишет упомянутый нами выше Кей о литературе на хинди, — в течение восемнадцатого столетия, совпадающий со временем упадка империи Моголов, был периодом упадка качества литературы хинди и не содержит многих писателей первостепенного значения»¹.

Бенгальский литературовед Гхош писал: «XVIII столетие было периодом застоя и упадка всех литератур на народных языках Индии»².

В XVIII веке не было ни одного крупного писателя, который бы писал на языке гуджарати³.

Таким образом, завоевание Индии англичанами в течение первых двух столетий не принесло Индии ничего, кроме разрушения её экономики и застоя культурной жизни. Конечно, самый процесс разрушения устоев феодальных отношений, господствовавших в Индии, был объективно прогрессивным процессом, ибо он расчищал почву для развития новых производственных отношений, но между разрушением старых отношений и возникновением новых в Индии из-за политики, осуществляющейся англичанами, был такой разрыв во времени, какого не было в других странах. Выражением этого движения назад явился застой культурной и политической жизни Индии в XVIII веке.

В XVI и XVII веках в Индии начался также процесс консолидации некоторых национальностей, особенно маратхов. Завоевание Индии англичанами затормозило и

¹ *Keay, op. cit.*, p. 10.

² *Ghosh in Garrat, Legacy of India, Oxf. 1937, p. 376.*

³ *Glaserapp, Die indische Literaturen, Potsdam 1929.*

этот процесс, он стал развиваться более быстрыми темпами уже только во второй половине XIX столетия, когда в этой стране начал расти капитализм.

В начале XIX века в Индии, правда, очень медленно, стали развиваться капиталистические отношения. Появились классы капиталистического общества: индийский пролетариат и индийская промышленная буржуазия, стала расти индийская интеллигенция, воспитанная в буржуазном духе. Индийская буржуазия и буржуазная интеллигенция начали проявлять политическую активность.

В 1828 г. бенгальский брамин — землевладелец Рам Мохан Рой организовал в Калькутте религиозно-философское общество под названием «Брахмо-Самадж», т. е. «Общество Брахмы». Религиозно-философские взгляды Рам Мохан Роя носили эклектический характер. Ни Рам Мохан Рой, ни его единомышленники из общества «Брахмо-Самадж» не были сознательными противниками индийских феодальных князей и помещиков, более того, они сами происходили из среды крупных землевладельцев. Крупным землевладельцем был Рам Мохан Рой, ещё более крупным феодалом был другой руководитель «Общества Брахмы» — князь Дебендра Натх Тагор (тхакур — крупный откупщик), дед знаменитого современного поэта и романиста Рабиндра Натх Тагора. Но выступая против кастовой системы, различных обычаев и предрассудков индусов, они выковывали идеологическое оружие для борьбы против индийского феодализма, создавали идеологические предпосылки для активной политической борьбы против него. Также не были они и сознательными противниками английского господства в Индии. Но стремясь развивать индийскую национальную культуру, стремясь приспособить её к новым производственным отношениям, они выступали как индийские патриоты и выковывали идеологическое оружие для борьбы против английских поработителей.

Быстрее всего развивались Бенгалия и Бомбей, за ними следовал Мадрас. Развитие капитализма в Индии сопровождалось также некоторым оживлением культурной жизни её народов, возрождением пришедших в упа-

док в XVIII веке литератур на новоиндийских языках, а также на санскрите и персидском языке. В начале XIX века появляются первые периодические издания на индийских языках.

Реакция, наступившая после подавления восстания 1857 г., приостановила развитие национального движения на полтора-два десятилетия, но уже в 70-х годах началось оживление. В Бенгалии и Бомбее создаются национальные организации. В 1885 г. организуется индийский Национальный конгресс.

Одновременно с ростом общендийского национально-освободительного движения росло национальное самосознание отдельных национальностей Индии. Именно во второй половине XIX века начался процесс формирования ряда важнейших национальностей в Индии. В первую очередь процесс этот начался в Бенгалии, Бомбейском президентстве, т. е. Махараштре и Гуджарате, а также в Мадрасском президентстве, населённом четырьмя большими дравидскими народами. В середине XIX века начинает опять развиваться литература на языках бенгали, гуджарати, хинди, маратхи, тамильском и др.

Раньше всего современная литература, связанная с развитием капитализма в Индии и отражающая новые общественные отношения, начинает развиваться на бенгальском языке. Первые литературные произведения нового направления появились на бенгальском языке в 1800 г., на остальных же языках — в 50-х годах XIX столетия, но не ранее 1852 г. В этот период впервые зарождается прозаическая художественная литература на народных языках Индии.

Развитие национального движения в Махараштре и Бенгалии особенно тесно связано с деятельностью Тилака и его единомышленников. Тилак в своей газете «Кесари», издававшейся на языке маратхи, клеймил английских захватчиков и как пример самоотверженной борьбы против иноземных поработителей выдвигал Шиваджи, смело поднявшего восстание против могущественной империи Великих Моголов.

Влияние Тилака на студенческую молодёжь и интеллигенцию, особенно в Махараштре и Бенгалии, было

огромно. Под его влиянием культ Шиваджи перебрасывается и в Бенгалию. Бенгальский писатель Рамеш Чандра Датт написал роман из эпохи борьбы маратхов против императора Аурангзеба.

Как в Махараштре, так и в Бенгалии политическое движение мелкобуржуазной интеллигенции приняло характер индивидуального террора против тех английских чиновников, которые особенно издевались над народом.

Тилак был арестован и осуждён за свою антиправительственную агитацию, но под влиянием массового движения срок его заключения был сокращён. При освобождении Тилака из тюрьмы его приветствовала огромная демонстрация рабочих Бомбея. Это показывает, что влияние Тилака распространилось и на рабочих Махараштры.

Ненависть к английскому империализму приняла особенно острые формы в период правления в Индии лорда Керзона, который был вице-королём с 1899 по 1905 г. Керзон, будучи вице-королём Индии, жестоко расправлялся с индийскими патриотами, проявлял презрительное отношение к индийскому народу, третировал индийцев как низшую расу.

Особенную ненависть со стороны индийцев вызвал проведённый Керзоном раздел Бенгалии, начатый в 1903 г. и осуществлённый в 1905 г. По настоянию Керзона Бенгалия, которая в то время охватывала современные провинции Бенгалию, Бихар, Ориссу и Ассам и насчитывала 80 млн. населения, была разделена на Западную Бенгалию, в составе Бихара, Ориссы и западной части Бенгалии в собственном смысле, и Восточную Бенгалию — в составе восточной части собственно Бенгалии и Ассамы. Таким образом была разделена на две части территория, населённая бенгальцами.

Керзон, разделив Бенгалию на две части, надеялся ослабить национально-освободительное движение в этой передовой провинции, причём, отделяя восточную часть Бенгалии, населённую преимущественно мусульманами, от западной, индусской, он рассчитывал найти поддержку среди мусульман и разжечь этим религиозную рознь и отчуждение между бенгальцами разных религий. Однако

результаты оказались совсем не те, которые ожидал Керзон. Раздел Бенгалии вызвал бурное возмущение во всей Индии и особенно в Бенгалии. С 1903 по 1905 г., когда закон о разделе Бенгалии был проведён в жизнь, в стране не прекращалось массовое антианглийское движение. Бойкотировались английские товары, было проведено не менее тысячи массовых митингов протеста, причём движение охватило все слои городского населения Бенгалии и даже перекинулось в деревню. Раздел Бенгалии явился толчком, ускорившим процесс консолидации бенгальского народа в нацию, рост его национального сознания. Только очень небольшой круг мусульман — чиновников и духовных лиц — сочувствовал разделу.

Это показывает, что уже в тот период в Бенгалии национальная общность и связь были сильнее религиозной, что уже в тот период бенгальцы представляли более или менее сформировавшуюся нацию. Возмущение разделом Бенгалии обуславливалось в первую очередь тем, что была разделена на части бенгальская нация. Это подтверждается тем фактом, что отделение в 1911 г. от Бенгалии Бихара и Ориссы не вызвало никакого протеста, так как оно было проведено с учётом национального состава населения.

В связи с разделом Бенгалии Национальный конгресс, правда, в весьма униженной форме, высказал своё отношение к национальному вопросу в Индии. На бомбейской сессии Национального конгресса в 1904 г. была принята следующая резолюция протеста против раздела Бенгалии: «Конгресс заявляет, что это предложение (о разделе Бенгалии. — А. Д.) встречено народом с большим неудовольствием, так как разделение бенгальской нации на отдельные единицы серьёзно будет препятствовать её социальному, интеллектуальному и материальному прогрессу и поведёт к потере ею различных конституционных и других прав»¹.

На сессии в Калькутте в 1906 г. Национальный конгресс, протестуя против раздела Бенгалии, вынес следующее решение: «Этот конгресс, составленный из предста-

¹ «Indian National Congress 1885—1916», Madras 1922, p. 112.

вителей всех провинций страны, искренне желает убедить британский парламент и настоящее либеральное правительство, что не только справедливо, но даже неотложно необходимо отменить или изменить раздел (Бенгалии. — А. Д.) таким образом, чтобы вся община, говорящая на бенгали, была объединена под единой администрацией, и восстановить этим спокойствие в столь важной провинции, как Бенгалия»¹.

В этом решении впервые выдвигается требование об организации провинций в соответствии с национальным составом населения. На сессии Конгресса в 1911 г., после воссоединения Бенгалии и отделения от неё Бихара и Ориссы, Конгресс принял резолюцию, в которой выражает своё одобрение созданию отдельной провинции Бихар и Орисса и просит, чтобы при установлении границ провинций все бенгалцы были объединены в одной административной единице.

Важным этапом в формировании и развитии национальностей Индии был подъём национально-освободительного движения, начавшийся в стране под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. После первой мировой войны Индия значительно продвинулась вперёд по пути капиталистического развития. В связи с этим обострились её противоречия с английским империализмом, и национально-освободительное движение приняло широкий размах. Мы не будем здесь останавливаться на развитии общеиндийского национально-освободительного движения в 1919—1922 гг. Остановимся только на вопросе о влиянии этого подъёма на развитие национального движения среди отдельных народностей Индии. Первые признаки подъёма общеиндийского национально-освободительного движения начали проявляться ещё в 1916 г.; тогда же усиливается борьба отдельных народностей Индии за своё национальное объединение. Оно выражается прежде всего в повышении интереса к национальному языку, истории, литературе. Выдвигается требование, чтобы преподавание не только в начальной, но и в средней школе и в универси-

¹ «Indian National Congress 1885—1916», Madras 1922, p. 123.

татах велось на языках населения соответствующих районов. Создаются различные организации по развитию литературы на национальных языках. В различных национальных районах Индии созываются конференции по вопросам просвещения на родном языке. Национальный конгресс поддерживает это движение. В пользу преподавания всех предметов в средней школе на родном языке выступает Ганди, ставший к тому времени виднейшим лидером Национального конгресса. В своей статье «Народные языки как средство обучения», напечатанной в 1916 г., Ганди писал: «Если мы потеряли веру в наши народные языки, это признак недостатка веры в себя самих, это вернейший признак упадка. И никакая схема самоуправления, как бы доброжелательно или щедро ни была она нам предоставлена, не сможет сделать нас самоуправляющейся нацией, если мы не имеем уважения к языкам, на которых говорят наши матери»¹.

В том же году в стране началось движение за перестройку административного деления Индии на основе «лингвистических» (т. е. национальных) провинций. В речи, произнесённой на гуджаратской конференции по просвещению в 1917 г., Ганди, указывая на огромное внимание, которое оказывает народ андхра своему родному языку, заявил, что андхра являются инициаторами движения за передел Индии на основе языкового принципа. Он сказал: «Они (андхра) не только стремятся сделать свой язык средством преподавания, они возглавляют движение за передел Индии на языковой основе»².

Движение за выделение области, населённой народом андхра, из состава Мадраасской провинции, началось ещё перед первой мировой войной.

На сессии Национального конгресса в Нагпуре в 1920 г. было принято решение о перестройке всей работы и сети местных организаций Конгресса на основе «лингвистических» провинций. До того организация Конгресса строилась на основе административного деления Индии,

¹ *Gandhi, Speeches and writings, Madras 1922, p. 309.*

² *Ibid., p. 341.*

установленного англичанами, которое не соответствует расселению её национальностей. Таким образом, Национальный конгресс, выдвинувший в 1904 г. требование объединения в пределах единой административно-политической единицы всех бенгальцев, в 1920 г., перестроив свою работу на основе так называемых лингвистических провинций, признал право остальных национальностей Индии на создание своих административно-политических единиц. Этим Национальный конгресс выразил своё несогласие с существующим административно-политическим делением Индии и поддержал требование ряда национальностей Индии (бенгальцев, телугу и др.) о введении нового административно-политического устройства, исходящего из общности языка населения.

После подъёма общеиндийского национально-освободительного движения в Индии всё чаще начинают раздаваться требования о перестройке административного деления в соответствии с языком населения. Одновременно по национальному признаку начинают создаваться различные культурные и даже коммерческие организации. Так, в 1927 г. была создана торговая палата Махараштры с центром в Пуне, затем коммерческая палата Хиндустана в Дели, подобного рода организации имеются в Гуджарате, Андхрадеше, в Карнатаке и других национальных районах Индии.

Однако уже в 1916 г. в Национальном конгрессе стала проявляться и другая тенденция, а именно тенденция централизма.

В 1916 г. в Калькутте по инициативе Национального конгресса собралась конференция, посвящённая вопросу о замене английского языка, употреблявшегося до сих пор в качестве языка всеиндийских съездов, конференций и Национального конгресса, каким-либо из индийских языков. Конференция приняла решение, что таким языком может быть только хиндустани в двух его формах — урду и хинди. Конференция постановила всячески содействовать изучению хиндустани во всех провинциях, где он не является родным языком населения, с тем чтобы сделать его «национальным» (т. е. межнациональным) языком Индии.

Это решение было продиктовано не только желанием изгнать из обихода общеиндийских политических организаций английский язык, но в значительной мере — интересами ведущей группы индийской буржуазии, которая стремится сделать язык хиндустан (а после раздела Индии на Хиндустан и Пакистан — хинди) «национальным», т. е. государственным, языком Индии, её «раштрабахаша»¹. Если буржуазия и интеллигенция отдельных национальностей Индии стремились к развитию национальных языков, к созданию национальных административно-политических делений, то буржуазия парсов, гуджаратцев и марвари, успевшая уже занять господствующее положение на общеиндийском рынке, стремилась создать общеиндийский язык.

Особенно усиливается движение за реорганизацию административного устройства Индии и за создание провинций на базе общности языка населения в связи с подготовкой новой конституционной реформы.

В 1928 г. в связи с назначением английским правительством комиссии по разработке конституции, в которую не были включены представители Индии (комиссия Саймона), по инициативе Национального конгресса была созвана так называемая «всепартийная конференция», которая разработала контрпроект индийской конституции, именуемый «конституцией Неру».

В отчёте комитета, выделенного этой конференцией, много внимания уделено вопросу об административном устройстве Индии. Конференция высказалась за создание провинций на базе языка населения. В отчёте указывается, что выполнение этого требования соответствует желаниям населения и обеспечит всестороннее развитие провинций². В своём отчёте комиссия Саймона также подтверждает, что движение за создание «языковых» провинций приняло острые формы и стало важным политическим явлением, особенно в Мадрасской провинции. «Требование создания провинции Андхра, или Телугу,

¹ «Раштрабахаша» — на хинди — государственный язык.

² «All parties conference 1928. Report of the committee», Allahabad 1928, p. 61—63.

которое впервые было выдвинуто семнадцать лет тому назад, отстаивалось в течение многих лет и стало важным политическим вопросом. За последние годы оно дважды явилось предметом формальных дебатов в Мадрасском законодательном собрании, которое значительным большинством поддержало требование о создании отдельной провинции Андхра»¹.

Индийской конференции Круглого стола² 1930 — 1931 гг. был подан ряд меморандумов о создании «языковых» провинций, а именно меморандум от имени народа Ория, о выделении провинций Синд, Андхра, Карнатака, об отделении от Ассама районов, населённых бенгальцами.

При проведении в жизнь акта 1935 г. «Об управлении Индии» английское правительство до известной степени вынуждено было пойти навстречу этому движению и выделило в самостоятельные провинции Ориссу и Синд.

В связи с введением так называемой провинциальной автономии и победой Конгресса на выборах 1937 г. в восьми крупных провинциях Индии особенно усилилось движение за полную реорганизацию административно-политического деления Индии на национальной основе. Бенгальцы, каннара, маратхи, телугу и малаяли выдвинули требование о создании провинций, которые объединяли бы всё население, говорящее на перечисленных выше языках. В Бенгалии началось движение за присоединение к Бенгалии всех районов, населённых бенгальцами.

В апреле 1938 г. конгрессовские правительства Мадраса и Бомбея высказались за желательность объединения всех районов, населённых каннара, в единую провинцию — Объединённый Карнатак. Однако требование общественных организаций Карнатака шло дальше. Они настаивали на объединении областей с населением, говорящим на каннара, включая и территории, входящие в различные княжества. В мае 1938 г. 7-я конференция

---

¹ «The report of the Indian statutory commission», v. I, p. 56.

² Indian Round Table Conference, 12 November 1930 — January 1931. Конференция Круглого стола — традиционное название конференций, созываемых правительством Англии для обсуждения внутримперских вопросов.

всех общественных организаций Карнатака приняла решение о создании Объединённого Карнатака, заявив, что если это требование не будет удовлетворено, то в Карнатаке начнётся прямая борьба за его осуществление, ибо оно «является единодушным желанием всего народа»¹.

Движение за передел Индии на основе национального состава её населения не только не ослабело, а усилилось после начала второй мировой войны. В связи с требованием Конгресса о предоставлении Индии полной независимости и о созыве Учредительного собрания усилилось движение за передел страны — на провинции на базе языка населения, причём требования этого движения шли дальше простых административных мероприятий.

24 мая 1940 г. в Пуне собралась конференция по объединению Махараштры. Конференция эта, которой руководили крупные маратхские общественные деятели и учёные — Кхаре (бывший премьер Центральных провинций), профессор Гадгил, М. Н. Джоши, Келькар и др., приняла следующую резолюцию: «В то время как образование современных провинций в Индии не было произведено на основе какого-либо определённого принципа и настоящее положение препятствует развитию народа, говорящего на языке маратхи, конференция, принимая за общий принцип образования провинций язык (населения), требует образования новой провинции, Объединённой Махараштры, как единого политического объединения, составленного из территорий Бомбейской провинции, Центральных провинций и Берара, где большинство населения говорит на языке маратхи.

Когда придёт время реорганизации индийских княжеств, «Махрат-вада»² из владений низама и прилегающие территории других княжеств, в которых основной язык населения маратхи, должны быть включены в Объединённую Махараштру.

Также в своё время должна быть включена в Объединённую Махараштру территория с населением, гово-

¹ «Modern Review», VII, 1938, p. 77.

² Так именуется часть княжества Хайдарабад, населённая маратхами.

рящим на маратхи, находящаяся под властью Португалии»¹.

Комментируя решения этой конференции в передовице от 30 мая 1940 г., газета «Бомбей Кроникл» писала: «Когда Учредительное собрание или соответствующий ему орган будет созван для того, чтобы сформулировать будущую конституцию Индии, одним из важнейших вопросов, подлежащих его разрешению, будет вопрос об образовании провинций на основе языка населения».

Далее газета, противопоставляя эту программу требованию Мусульманской лиги о разделе Индии на основе религии населения, писала: «Попутно надо отметить, что вопрос о разделе Индии на провинции на основе языка населения не может быть даже сравниваем с делением страны на независимые религиозно-общинные зоны. Первое требование предполагает единую и неделимую Индию и только предлагает, чтобы автономные провинции были организованы на более рациональной основе, а именно на основе языка, — принцип, который Конгресс признал в своём уставе 20 лет тому назад»².

Однако дальнейшее развитие событий в Индии, обострение борьбы Мусульманской лиги за раздел Индии на религиозно-общинной основе усилили централистские тенденции в руководстве Национального конгресса и отодвинули на задний план вопрос об административном устройстве страны. Проводившаяся во время второй мировой войны английским империализмом политика поощряла требование Мусульманской лиги и ещё более выдвигала на первый план индусско-мусульманскую проблему. Поэтому в своём предвыборном манифесте, опубликованном в связи с выборами в центральное и провинциальные законодательные собрания в 1945 г., Национальный конгресс лишь в общей форме заявлял о том, что Индия должна стать федерацией, не уточняя вопроса, каковы будут составные части этой федерации.

Расчленение Индии на два доминиона не только не разрешило национального вопроса в этой стране, но породило ряд новых проблем.

¹ «Bombay Chronicle», 25. V. 1940.

² Ibidem.

ГЛАВА 4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

В настоящей главе мы на основании изучения документов попытаемся дать возможно более точную картину национального состава населения Индии.

В этом отношении большой интерес представляет решение Национального конгресса о перестройке местных организаций Конгресса на основе так называемых языковых провинций.

Решение было принято на сессии в Нагпуре в 1920 г. До 1920 г. конгрессовские провинциальные организации строились в соответствии с официальным административно-политическим делением Индии, которое не соответствует расселению народов.

В 1921 г. рабочий комитет Конгресса вынес решение о подчинении конгрессистов, работающих в различных княжествах, конгрессовским провинциям, причём распределение княжеств по провинциям было произведено в соответствии с языком их населения.

Впоследствии Национальный конгресс несколько изменил схему своего деления Индии на языковые провинции.

Ниже мы даём деление на языковые провинции, действовавшее до расчленения Индии на два доминиона, в сопоставлении с существовавшим до августа 1947 г. административно-политическим делением Индии.

В таблице показаны: конгрессовские провинции; какой административной единице они соответствуют; центр провинции и наиболее распространённый язык.

Наименование конгрессовской провинции	Язык	Центр	Какой административной единице соответствует
Тамиль Наду (или Тамиль Над)	Тамиль	Тричинополи	Юго-восточная часть Мадраасской провинции, княжество Пудукоттай.
Андхра	Телугу	Безвада	Северная часть Мадраасской провинции, восточная часть княжества Хайдарабад.
Карнатак	Каннара	Гадаг	Юг Бомбейской провинции, княжество Майсур, часть Хайдарабада и Кольхапура, Южно-Маратхские княжества.
Керала	Малаялам	Каликат	Юго-западная часть Мадраасской провинции, княжества Кочин и Траванкур.
Синд Гуджарат	Синдхи Гуджарати	Хайдарабад Ахмедабад	Синд и княжества Качча. Северная часть Бомбейской провинции, княжество Барода и княжества Катхиавара.
Бомбей (город) Махараштра	Маратхи и гуджарати Маратхи	Бомбей Пуна	Город Бомбей. Центральная часть Бомбейской провинции, западная часть княжества Хайдарабад, часть княжества Кольхапур и Северно-Маратхские княжества.
Видарбха Нагпур	Маратхи Маратхи	Амраоти Нагпур	Берар. Юго-западная часть Центральных провинций.
Махакошалъ	Хиндустани	Джабалпур	Северо-восточная часть Центральных провинций.
Адждмир Марвара	Хиндустани	Адждмир	Адждмир Марвара, Радждпутана и Центральная Индия.
Соединённые провинции	Хиндустани	Аллахабад	Соединённые провинции и входящие в них княжества.

Наименование конгрессовской провинции	Язык	Центр	Какой административно й единице соответствует
Дели	Хиндустани	Дели	Дели и княжества Дуджана, Лохару, Патауди и Альвар.
Вихара Уткал	Хиндустани Ория	Патна Каттак	Бихар. Орисса и княжества Ориссы.
Бенгал	Бенгали	Калькутта	Бенгалия и часть Ассам (долина реки Сурма).
Ассам	Ассамский язык	Гаухати	Ассам (долина Ассам).
Пенджаб	Панджаби и хиндустани	Лахор	Пенджаб, княжества Пенджаба и Кашмир.
Северо-Западная пограничная провинция	Хиндустани	Пешавар	Северо-Западная пограничная провинция и полоса пограничных племён ¹ .

Это деление Индии на конгрессовские языковые провинции, конечно, не даёт характеристики национального состава населения Индии. Существовавшее в то время административно-политическое деление Индии наложило на него свой отпечаток, кроме того, в нём не учтены многие народности Индии. Самый принцип деления страны на провинции в соответствии с языком населения проведён в конгрессовской схеме непоследовательно.

Комментарием к этой схеме служат высказывания Джавахарлала Неру, посвящённые вопросу о языках Индии, и решения всепартийной конференции 1928 г. Неру пытался из общей массы языков Индии выделить те, которые он считает наиболее распространёнными. В своей автобиографии Неру писал: «Главными языками Индии (не включая Бирму) являются: хиндустани (в двух вариантах хинди и урду), бенгали, гуджарати, маратхи, тамиль, телугу, малаялам, каннара. Если прибавить ассамский, ория, синдхи, пушту и панджаби, то охватывается вся страна, за исключением нескольких лесных и горных племён»².

¹ «Indian National Congress 1920—1923», Allahabad 1924.

² Nehru J., An Autobiography, p. 453.

Ту же самую мысль Неру высказывал в статье «Вопросы языка», напечатанной в 1933 г.¹

В отчёте, именуемом обычно «конституцией Неру», всепартийная конференция высказывалась следующим образом по интересующему нас вопросу:

«Взглянув на современную карту Индии, мы видим в ней определённые языковые области. В Северной Индии находится огромная область языка хиндустани, с его незначительным вариантом — панджаби, в провинции Пенджаб. Имеется область языка бенгали, ассамского языка, языка ория, телугу, тамиль, языка малаялам, каннара, маратхи, гуджарати и синдхи. От времени до времени выдвигались требования о выделении областей Андхра, т. е. телугу, Уткала (ория), Карнатака (каннара), Синда (синдхи) и области распространения языка хиндустани в Центральных провинциях»².

Попытку дать характеристику национального состава населения Индии сделал Кришна в работе «Проблемы меньшинств». В этой работе он пытался подойти к национальному вопросу с точки зрения марксизма-ленинизма, опираясь на работу И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Но попытка эта ему не совсем удалась. Желая избежать применения слова «нация» к национальностям Индии, он заменил его словами «стойкая историческая общность».

«Здесь не место, — пишет Кришна, — перечислять детально стойкие исторические общности, которые в настоящее время скрыты искусственными провинциальными границами и индийскими княжествами. Для целей классификации я перечислю более важные из исторических общностей.

Этот вопрос должен быть изучен комиссией экспертов по вопросу о национальностях. Эти общности стоят на разных ступенях развития. Некоторые представляют ступень полного развития. Некоторые находятся в стадии становления, как мусульмане на севере. Большинство

---

¹ *Nehru J.*, *Eighteen months in India*, Allahabad 1936, p. 245.

² «All Parties conference 1928. Report of the committee». Allahabad 1928, p. 63.

находится на промежуточной между феодализмом и капитализмом стадии развития. Эти действительные исторические общности не должны быть смешиваемы с «племенами», которые являются «этнографическими категориями». Нижеследующий перечень не придерживается этой классификации. Исторические общности и племена упоминаются совместно, в соответствии с районами их обитания.

На юге Индии четыре различные стойкие исторические общности: андхра, тамилы, малаяли и каннара. Там имеются также небольшие племена, как, например, тулу и тода. На западе три различные исторические общности, а именно: гуджарати, синдхи, махратты. В центре обитают небольшие племена, как бхилы и санталы, а также более крупная историческая общность, как раджпуты. На востоке имеются ория, бенгальцы и ассамцы. Говорят, что север Индии представляет затруднения в классификации общностей. Эта мысль поддерживается существующими искусственными границами. Сикхи представляют особую национальность, то, что Рисли называет «национальной кастой», со сплошной территорией в центре Пенджаба. Кашмирцы, пенджабцы и бихарцы являются тремя отдельными историческими общностями. Мы не должны забывать племя ораон»¹.

Если выделить из этого перечня те группы населения, которые Кришна считает «стойкими историческими общностями», то получаем следующий список: андхра, тамилы, малаяли, каннара, гуджарати, синдхи, махратты, раджпуты, ория, бенгальцы, ассамцы, кашмирцы, пенджабцы, сикхи, бихарцы и, наконец, «мусульмане севера».

Перечень национальностей Индии, даваемый Кришной, в значительной мере совпадает с перечнем основных языков Индии, даваемым Неру.

Интересно также высказывание индийского юриста Панникара в его докладе, представленном восьмой конференцией американского Института тихоокеанских сношений, состоявшейся в конце 1942 г.

¹ *Krishna*, The problem of minorities and communal representation, L. 1939, p. 121—123.

В докладе, посвящённом индийским княжествам, Панникар пишет: «Рост скрытого чувства локального патриотизма является фактом огромного значения, который в основном есть результат возрождения индийских языков и развития этнического и исторического самосознания. Интеграция больших этнических групп, говорящих на одном и том же языке и имеющих непрерывные исторические традиции, идущие по крайней мере на две тысячи лет в глубь веков, как, например, бенгалцев (75 млн.), андхра (30 млн.), махраттов (25 млн.), гуджаратцев (25 млн.), в современные нации является фактом, которому не уделялось ещё достаточно внимания. Эти национальные группы объединены более прочными узами, чем политические амбиции или стремление к участию в политической власти. Каждая из них обладает национальной солидарностью, базирующейся на общности расы, языка и исторических традиций, которых не может разбить или ослабить никакая форма унитарного правительства Индии»¹.

Ту же мысль высказывал Ганди в письме к Джинне. Выражая сомнение в том, что одной общности религии достаточно, чтобы сплотить различные народности в единую нацию, Ганди писал: «Вы не претендуете быть отдельной нацией по праву завоевания, но по причине восприятия ислама. Превратятся ли две нации в одну, если вся Индия примет ислам? Потеряют ли бенгалцы, ория, андхра, тамилы, махараштрийцы, гуджаратцы и т. д. свои характерные особенности, если все они примут ислам? Они все стали едины политически, ибо они все подчинены единому чужеземному контролю. Они стараются сбросить с себя это подчинение»².

Наиболее полное представление о национальном составе населения Индии дают документы коммунистической партии Индии, опубликованные в 1945 и 1946 гг. В своём предвыборном манифесте, опубликованном осенью 1945 г., коммунистическая партия Индии для раз-

¹ *Pannikar, Indian States. Papers presented to the eighth Conference of the Institute of pacific relations, XII. 1942, v. VI, p. 3.* Цифры, приводимые Панникаром, явно преувеличены.

² «*Amerasia*», 20. X. 1944.

решения национальной и религиозно-общинной проблемы рекомендует созвать учредительные собрания в каждом национальном районе Индии, которые должны решить своё отношение к Индийскому союзу и явятся составными частями общендийского учредительного собрания. «Составными частями Органа по составлению конституции, — говорится в этом манифесте, — должны стать суверенные учредительные собрания Страны патанов, Белуджистана, Синда, мусульманского Западного Пенджаба, территории сикхов в Центральном Пенджабе, Хиндустана, Бихара, Раджастхана, Ассама, Ориссы, Андхры, Тамиль нада, Кералы, Карнатака, Махараштры, Гуджарата и Бенгалии, при предварительном согласии на проведение плебисцита в районах, населённых индусами и мусульманами».

В этом документе упоминается 15 национальных территорий, в которых компартия призывает созвать отдельные учредительные собрания, а именно: Страна патанов, Белуджистан, Синд, Хиндустан (восточная часть Пенджаба, Дели, Соединённые провинции, восточная часть Центральных провинций и княжества Чаттисгарха), Бихар, Раджастхан (вся Раджпутана), Ассам, Орисса, Андхра, Тамиль над, Керала, Карнакат, Махараштра (все конгрессовские провинции, населённые маратхами), Гуджарат и Бенгалия. При этом в Бенгалии предлагается предварительно провести плебисцит в её индусских и мусульманских районах, а Пенджаб разделить на две части: западную — мусульманскую, в которой преобладают различные западно-пенджабские диалекты, и центральную — сикхскую, где преобладает язык панджаби.

Вышеприведённые программные документы и высказывания, представляющие собой не отвлечённые рассуждения, а политические платформы различных партий Индии и политические выступления её деятелей, дают нам возможность составить более или менее ясное представление о национальном составе населения Индии. Надо, однако, при этом учесть, что далеко не все упоминаемые в приведённых выше документах объединённые общностью языка и территории большие группы людей представляют уже сформировавшиеся нации.

Вследствие колониального положения Индии капиталистические отношения в ней развивались замедленным темпом и процесс формирования национальностей ещё не закончен, а в ряде районов он ещё только начался.

Различные феодальные пережитки задерживают этот процесс. После завоевания Индии англичанами процесс развития капитализма в отдельных частях её происходил крайне неравномерно. Индия стала развиваться как колония, как аграрно-сырьевой придаток Англии и рынок сбыта её товаров. Несмотря на своё полуостровное положение, Индия является типичной континентальной страной. Основная масса её населения сосредоточена в центре страны, вдали от океана, в бассейнах великих индийских рек Инда, Ганга и Брахмапутры. Район бассейна Ганга Хиндустан, в узком смысле этого слова, играл всегда выдающуюся, а в древности и в средние века ведущую роль в истории Индии. До завоевания Индии англичанами этот район был наиболее развитым в экономическом и культурном отношении. Но с завоеванием Индии англичанами центры её хозяйственной жизни переместились на берега океана. Калькутта, Бомбей, Мадрас, бывшие в прошлом ничтожными поселениями, стали крупнейшими хозяйственными и культурными центрами страны. От них расходятся по всей стране важнейшие железнодорожные магистрали. Они оставили далеко позади такие исторические центры Индии, как Дели (несмотря на то, что Дели с 1911 г. стал вновь административным центром Индии), Бенарес, Агра, Лакхнау, Мадра, Муршидабад и т. д. Области, прилегающие к этим городам, далеко обогнали в отношении своего экономического развития срединные области. Так, например, в Бенгалии при 60-миллионном населении в 1937 г. насчитывалось 1 066 крупных предприятий, в которых было занято 530 тыс. рабочих, что составляло около трети всех промышленных рабочих Индии. Главный город Бенгалии — Калькутта, единственный город в Индии с населением, превышающим 2 млн. человек. Бомбейская провинция имеет всего 20 млн. населения, но по уровню развития промышленности она занимает второе место после Бенгалии. В 1937 г. в ней

было 1 611 крупных предприятий, в которых насчитывалось около 400 тыс. рабочих. Бомбей — второй по населению и экономическому значению город и первый порт Индии.

Мадрасская провинция отстаёт от двух вышеперечисленных в отношении своего экономического развития, но стоит впереди области Верхнего Ганга и Пенджаба. При 50-миллионном населении в провинции имеется 1 584 крупных предприятия, в которых занято около 180 тыс. рабочих. В Южной Индии находится княжество Майсур, обладающее развитой промышленностью, а во время второй мировой войны значительная промышленность развилась и в княжестве Траванкур.

В связи с этим в XIX веке процесс развития и формирования национальностей Индии, процесс возрождения их культуры начался раньше всего в областях, тяготеющих к трём крупнейшим промышленным центрам и океанским портам Индии — Калькутте, Бомбею и Мадрасу. Именно в этих областях имеет место наиболее развитое национальное движение, здесь национальные отношения наиболее ясны, здесь обитают наиболее сложившиеся национальности Индии.

Этим объясняется, что движение за переустройство административно-политического деления Индии началось в Бенгалии, Ассаме, Ориссе, в Бомбейской и Мадрасской провинциях. В этих приморских районах, где раньше начали развиваться капиталистические отношения, раньше начался и процесс развития и формирования наций, начало расти и национальное самосознание.

Как будет показано ниже, некоторые особенности исторического развития ряда народов Индии также способствовали этому. Наоборот, в других районах процесс формирования наций задержался. В отношении степени законченности процесса формирования наций мы можем подразделить всё население Индии на три группы:

1) Сформировавшиеся нации. К этой группе относятся: три народа Восточной Индии, а именно: бенгальцы, ория и ассамцы; два народа Западной Индии — маратхи и гуджарати; три народа Северо-Западной Индии — синдхи, афганцы (патаны) и кашмирцы; четыре дравид-

ских народа юга: тамилы, телугу, каннара и малаяли. В общей сложности к этой группе относится 47,5% всего населения Индии (более 190 млн. человек).

2) Национальности, находящиеся в стадии становления. Сюда относятся народы двух исторических центров развития индийской культуры: бассейна великих притоков Инда, знаменитого пятиречья Пенджаба, и великой равнины Ганга, района, который мусульманские историки Индии называют Хиндустаном в узком смысле этого слова. Здесь происходит процесс формирования крупных национальностей, задерживаемый, однако, сильными пережитками феодальных отношений и особенно политической раздробленностью и огромным влиянием на общественную жизнь религиозных общин. К этой группе относятся следующие народности: панджаби, раджастанхи (раджпуты), хиндустаны и бихари. В общей сложности эта группа составляет около 48% населения Индии, т. е. 192 млн. человек.

И, наконец, 3) остаётся численно относительно небольшая группа населения Индии, но занимающая значительную территорию на северо-востоке страны, в центральном нагорье и на юге, которая состоит из ряда слабо затронутых развитием капитализма народностей и племён, тенденция превращения которых в национальности или совсем ещё не намечается, или намечается в слабой степени. К этой группе относятся белуджи, шина, санталы, мунда, гонды, ораоны, кхаси, нага и многие другие племена и народности Индии. Они составляют примерно 5% населения Индии, численностью около 20 млн. человек.

СФОРМИРОВАВШИЕСЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

К числу национальностей Индии, процесс формирования которых в основном уже закончен, принадлежат бенгальцы, ория, ассамцы, маратхи, гуджаратцы, синдхи, афганцы (патаны), кашмирцы, телугу (андхра), тамилы, малаяли и каннара.

Территория большинства этих народов соприкасается с океанским побережьем и тяготеет экономически к крупным портовым городам. Другие живут в долинах рек, представляющих важные судоходные артерии (Брамапутра, Джелам). Этим в значительной мере объясняется, что капиталистические отношения стали здесь развиваться раньше, чем в других районах. Конечно, эта причина не является единственной, обусловившей более быстрый по сравнению с другими народами Индии темп национальной консолидации этих народностей. Тут оказали своё влияние и ряд особенностей их исторического развития, иногда относящихся к очень давним временам. Немалую роль сыграло также то обстоятельство, что среди большинства этих народностей (кроме бенгальцев) преобладает одна религия — или индуизм, или ислам. Поэтому религиозная рознь, которая является большим тормозом в национальной консолидации других народностей Индии, не тормозила в той же мере развития вышеперечисленных народов.

Начнём обзор сформировавшихся национальностей с северо-восточного угла Индии. Здесь имеется три сложившихся национальности, а именно: бенгальцы (или бенгали, как их называют в Индии), ория (или уткали)

и ассамцы. Развитие этих трёх народов тесно связано с развитием капитализма в Бенгале и, особенно, с развитием города Калькутты и всего калькуттского промышленного узла. Калькутта — самый большой город Индии, важнейший её порт, крупнейший железнодорожный узел. Это самый крупный в мире центр джутовой промышленности. К западу от Калькутты лежит важный угольно-металлургический район; к востоку от неё, в восточной части Пакистана, — основной район культуры джута, а далее к северу, в Северной Бенгалии и в Ассаме, — важнейший чайный район Индии, где сосредоточена большая часть чайных плантаций и фабрик. К югу от Калькутты, в Ориссе, имеются богатые залежи полезных ископаемых (железо, марганец, уголь). Капиталистические предприятия и плантации стали развиваться ранее, чем в других областях Индии, поэтому тут раньше начался и процесс формирования наций.

Бенгали. Самой крупной из национальностей этого района являются бенгали (бенгальцы). Численность говорящих на бенгальском языке, по данным переписи 1941 г., превышает 60 млн. человек.

Территория, населённая бенгальцами, охватывает всю провинцию Бенгалия в её границах до 1947 г., восточную часть округа Пурния в Бихаре, часть Сингхбумского округа Чхота Нагпура и округа Сильхет, Качар и часть Гоальпара в Ассаме. Размер этой территории около 225 тыс. кв. км. Язык бенгали принадлежит к числу восточноиндийских языков и тесно связан с языками ория и ассамским. Бенгальский язык имеет много диалектов, однако литературный язык единый у всех бенгальцев, и бенгальцы обладают единой культурой и обычаями. Этот факт бенгальские историки объясняют тем, что со времени династии Пала (900—1000 гг. нашей эры) почти все бенгальцы непрерывно входили в состав одного государства или области, что способствовало развитию хозяйственного и культурного единства бенгальцев. Первые памятники литературы на бенгальском языке относятся к XII веку, но особенного развития средневековая бенгальская литература достигает в XV веке в связи с ростом среди бенгальских ремесленников и крестьян рели-

гиозно-реформаторского движения, основоположником которого был знаменитый бенгальский реформатор Чайтанья. Более раннее развитие капитализма по сравнению с другими частями Индии сказалось и на более быстром росте новой, капиталистической культуры бенгальцев, на формировании их в нацию и на развитии национально-освободительного движения в Бенгалии. На языке бенгали, раньше чем на других языках Индии, появилась периодическая печать. Отцом современной бенгальской литературы считается Рам Махан Рой, который считается также и отцом индийского национализма. В середине XIX века начинается значительный рост промышленности в Бенгалии, наряду с этим растёт бенгальская интеллигенция и развивается бенгальская литература. Можно считать, что уже в половине XIX века сложилась и бенгальская нация.

Движение за объединение всех бенгальцев в пределах одной провинции началось раньше подобных движений остальных народов Индии. Толчок этому движению дала попытка раздела Бенгалии на две части, вызвавшая возмущение среди бенгальского народа.

Одной из особенностей Бенгалии является её экономическая централизация. Калькутта является экономическим центром всей страны, главным центром её торговли и промышленности, главным её транспортным узлом и морским портом. Поэтому вся Бенгалия экономически тяготеет к Калькутте. Для Бенгалии характерно также значительное вовлечение деревни в товарооборот.

Калькутта стала в XIX столетии также и основным центром культурной жизни Бенгалии. Это влияние Калькутты, её языка и обычаев сильно способствует культурному сближению всех бенгальцев, их национальной консолидации. Профессор С. К. Чаттерджи, автор труда по истории языка бенгали, писал по этому поводу: «В последние 2—3 десятилетия в бенгальском литературном языке произошла полная революция. Уже в последних своих трудах Банким¹ пользуется живым стилем, более

---

¹ Банким Чандра Чаттерджи — известный бенгальский писатель второй половины XIX века.

своёвственным характеру языка, чем прежде, и постоянно делаются попытки сблизить литературный язык с разговорным (исключая, конечно, кучки санскритистов). В то же время литературный язык Калькутты, тот, которым пользуются образованные люди Западной Бенгалии, завоевывает почву, ибо Калькутта стала интеллектуальным центром бенгальской нации, и учащиеся со всех концов Бенгалии тысячами собираются туда ежегодно. Эти факты приближают нас к такому языковому единству Бенгалии, какое раньше никогда не существовало. Высшие классы везде говорят или стараются говорить языком образованных людей Калькутты и её окрестностей, и старые диалектические особенности, по крайней мере в речи высших классов, быстро исчезают. Таким образом, теперь мы имеем стандартный разговорный язык, который понимают все классы и на котором образованные люди везде говорят»¹.

Второй особенностью Бенгалии является слабость в ней национальной промышленности, слабость национальной промышленной буржуазии и тесная связь бенгальского капитала с землевладением и ростовщичеством. В то же время прослойка интеллигенции в Бенгалии больше, чем в любой другой провинции. Эта интеллигенция используется в служебном аппарате принадлежащей англичанам промышленности и работает в качестве чиновников в правительственном аппарате почти по всей Индии.

Третьей особенностью является состав пролетариата в бенгальской промышленности. Огромное большинство промышленных рабочих Бенгалии — выходцы из других районов Индии (Бихара, Ориссы, Мадраса, Пенджаба), и только квалифицированные рабочие — преимущественно бенгалцы.

Четвёртой особенностью Бенгалии является её значительная хозяйственная и культурная оторванность от отсталых частей Индии. Основная отрасль бенгальской промышленности, джутовая, работает исключительно на экспорт; в связи с тарифной политикой Англии Бенгалия

---

¹ «Linguistic survey», v. I, part I, p. 222.

долгое время получала больше импортируемых из Англии товаров, чем ввозила их из других частей Индии.

Этим в значительной мере объясняются и сильные сепаратистские тенденции в бенгальском национально-освободительном движении, преобладание бенгальского национализма над общеиндийским. Один из виднейших лидеров Конгресса и крупнейший бенгальский политический деятель, покойный Читта Раньджан Дас, определяя цели своей борьбы, заявил (12 июня 1918 г.) на митинге в Читтагонге: «Я вижу впереди время, когда бенгальская нация поднимется и встанет во всей её славе... придёт время, когда бенгальцы как нация заставят себя почувствовать и встанут во всей своей мощи лицом к лицу со всем миром»¹.

Тот факт, что бенгальцы по религии распадаются на две почти равные части — мусульман, составляющих 52—53%, и индусов, составляющих 47—48%, был широко использован английскими правящими кругами для раскола национально-освободительного движения в Бенгалии.

Бенгальские мусульмане в отношении культуры и обычаев до XIX века по существу ничем не отличались от индусов. Некоторые из известных литературных произведений на бенгали были написаны мусульманами².

Только в конце XIX века в результате английской политики противопоставления мусульман индусам развивается индусско-мусульманская рознь в Бенгалии. Начинаются усиленные попытки создания специальной мусульманской литературы на бенгали, создаётся даже особый литературный язык «мусульмани бенгали», сильно насыщенный персидскими словами, заимствованными из языка хиндустан.

В Бенгалии создаётся, кроме общеиндийской мусульманской партии — Мусульманской лиги, ещё своя, бенгальская мусульманская партия, именуемая «Проджа кришок шомити», стремящаяся направить борьбу крестьян-мусульман Восточной Бенгалии в русло антииндусской

¹ *Das Ch. R.*, India for Indians, Madras 1921, p. 122—123.

² *S. K. Chatterji*, The origin and development of the Bengali language, Calcutta 1923, p. 209.

борьбы и отвлечь их от борьбы против английского империализма.

Ввиду засилья в Бенгальском провинциальном комитете Конгресса интеллигентов-индусов, тесно связанных с помещиками и ростовщиками, эти попытки имели значительный успех. В Мусульманскую лигу и партию Проджа кришок шомити, во главе которых стояли мусульманские феодалы, вроде Низамуддина, или такие явные сторонники английского господства, как Фазлул Хакк, было вовлечено большое количество крестьян и представителей мусульманской интеллигенции. Когда Мусульманская лига в 1940 г. сделала своим основным программным требованием создание Пакистана, то это требование было подхвачено бенгальской организацией Мусульманской лиги и быстро завоевало себе значительное количество сторонников в Восточной Бенгалии. Бенгальская организация Лиги сделалась самой крупной. Такой успех требования о расчленении Индии в Бенгале объясняется тем, что в Восточной Бенгалии, где крестьянство в массе исповедует ислам, огромное большинство помещиков — индусы из Западной Бенгалии, ростовщики — также индусы. Бенгальские крестьяне поддерживали движение за выделение Пакистана потому, что надеялись, что включение Бенгала в мусульманское государство избавит их от помещичье-ростовщической кабалы, тем более что руководство Мусульманской лиги не скупилось на различные демагогические обещания.

Нужно при этом помнить, что руководство Лиги требовало включения в состав Пакистана всей Бенгалии — как Восточной, так и Западной. Раздел Бенгалии в 1947 г. был осуществлён наперекор желанию огромного большинства депутатов законодательного собрания провинции. Движение за воссоединение Бенгалии поддерживается широкими кругами как индусов, так и мусульман провинции. Бенгальцы являются уже в такой мере сложившейся нацией, что раздел их территории между двумя доминионами — Хиндустаном и Пакистаном — вызвал движение протеста.

Другие две нации Восточной Индии, а именно ория и ассамцы, значительно отстают в отношении своего куль-

турного развития и политической активности от бенгальцев.

Ория. Ория (урия, ондри или уткали) населяют страну, лежащую к юго-западу от Бенгалии, по побережью Бенгальского залива, и охватывающую часть Центрального индийского нагорья и дельту реки Маханади и её притоков. Страна ория — Орисса, или Уткал,— охватывает всю провинцию Орисса, которая была выделена из состава провинций Бихар и Орисса в 1935 г.

В 1947 г. правительством Индии княжества Ориссы были включены в состав провинции, и таким образом вся территория, населённая народом ория, объединена теперь в пределах одной административно-политической единицы.

Язык ория близок к бенгальскому, но пользуется особым алфавитом. Численность говорящих на нём около 14 млн. человек.

Орисса — отсталая область, часто поражаемая голодовками. Главный город её Каттак — небольшой порт, находящийся на одном из рукавов дельты реки Маханади. Из других городов Ориссы заслуживает упоминания Пури, где находится храм Джаганнатха, привлекающий к себе массу паломников. Крестьянство Ориссы очень бедно, и Орисса даёт много отходников в Калькутту и другие города Индии, где они работают главным образом носильщиками паланкинов, кули, чернорабочими и домашними слугами. Но Орисса богата полезными ископаемыми — железом, марганцем и углем, которые добывались в значительном количестве в бывших княжествах Кеонджар и Маюрбхандж. Если будет осуществлён проект постройки плотины и гидроэлектростанции на реке Маханади, то Орисса может стать одной из наиболее промышленных провинций Индии. Постройка плотины увеличила бы также и посевную площадь Ориссы и спасла бы её от губительных наводнений. Однако пока что плотина находится только в проекте, и Орисса принадлежит к числу беднейших и отсталых частей Индии.

Ассамцы. Ассамцы населяют долину Ассама, лежащую по течению реки Брамапутры. Они составляют меньшинство населения Ассама, всего около 28%. Их общая

численность 2 млн. человек. Ассам — страна чайных плантаций, однако сравнительно немного ассамцев работает на них.

Язык ассамцев — ахомия — близок к бенгальскому; на ассамском языке имеется значительная литература, начавшая развиваться с XV века; особенно интересны ассамские летописи. Современная ассамская литература мало оригинальна и находится под сильным влиянием бенгальской. Ассамцы пользуются тем же алфавитом, что и бенгалцы.

Другая группа уже более или менее сложившихся национальностей населяет Западную Индию и тяготеет к Бомбею. Развитие этих национальностей связано с развитием промышленности в Бомбейской провинции. К числу национальностей этой группы относятся маратхи, гуджарати и частично каннара. Однако по своей культуре и языку последние более тесно связаны с народами юга Индии, населяющими Мадрасскую провинцию, поэтому мы дадим их характеристику ниже, при описании дравидских народов юга Индии.

Развитие капитализма в Бомбейской провинции началось лишь немногим позднее, чем в Бенгалии, поэтому и процесс формирования наций начался здесь также почти одновременно с Бенгалией. Но в отличие от Восточной Индии, где в промышленности господствует английский капитал, Западная Индия является основной опорной базой индийского капитала. Это главный район хлопчатобумажной промышленности, в которой с момента её возникновения преобладал местный капитал.

Маратхи (махраты, махараштрийцы). Страна маратхов — Махараштра — охватывает центральную часть Бомбейской провинции и Конканское побережье от Бомбея до Гоа включительно, южную часть Центральных провинций, весь Берар и значительную по территории и населению северо-западную часть княжества Хайдарабад (Маратхавада). На территории Махараштры находятся такие важные города, как Пуна, Шолапур, Нагпур, Акола, Амраоти, а также город Бомбей, население которого очень разнообразно в национальном отношении. Общая площадь Махараштры в широком смысле этого слова свыше

200 тыс. кв. км. Кроме того, небольшие группы маратхов имеются в княжествах, управляемых маратхскими князьями (Барода, Индур, Гвалиор и др.). Общая численность говорящих на языке маратхи около 23 млн. человек.

Первые литературные памятники (надписи на различных предметах) на языке маратхи относятся к началу XII столетия, литература же зарождается в конце XIII века. Первым маратхским поэтом считается Намдев, деятельность которого связана с развитием в Махараштре сектантского движения вишнуитов.

Ещё до политического объединения маратхов под властью Шиваджи стало складываться национальное единство маратхов. Стихийное освободительное движение маратхского народа против мусульманских захватчиков ускорило этот процесс. Идеологическим выражением его явилось религиозно-реформаторское движение «бхакти». Связь этого движения с национально-освободительной борьбой маратхского народа несомненна. Известно, что вождь маратхов Шиваджи был под огромным влиянием поэтов этого направления — Тука Рама и Рам Даса. «Таким образом, — пишет Саркар, — замечательная общность языка, религии и жизни была достигнута в Махараштре в XVII столетии, раньше, чем Шиваджи установил политическое единство. То немногое, чего недоставало для сплочения народа, было достигнуто созданием им национального государства, долгой борьбой с захватчиками из Дели — при его сыновьях»¹.

Маратхи наряду с бенгальцами принадлежат к числу наиболее развитых национальностей Индии. Капиталистические отношения в Махараштре начали развиваться почти одновременно с Бенгалией, но развитие маратхского народа сильно тормозилось тем, что Махараштра была расчленена между тремя крупными административно-политическими единицами — Бомбейская провинция, Центральные провинции и княжество Хайдарабад — и рядом мелких княжеств. Маратхи населяют также португальское владение Гоа. Эта административно-политическая раздроблённость препятствует как развитию эконо-

¹ *Sarkar, Shivaji and his times, Calcutta 1920, p. 15.*

мических связей, так и культурному росту маратхского народа. У маратхов нет такого центра, как, например, Калькутта в Бенгалии, к которому бы тяготела вся Махараштра. Бомбей населён только на 50% маратхами, причём почти вся буржуазия Бомбея принадлежит к парсам и гуджаратцам, маратхи же составляют большую часть рабочего класса Бомбея и значительную часть интеллигенции. Пуна — историческая столица Махараштры и её культурный центр — город с населением в 258 тыс. жителей. Другим важным маратхским городом является Нагпур — крупный железнодорожный узел и промышленный центр. Маратхская национальная буржуазия относительно слаба, но в Махараштре, в отличие от Бенгалии, английский капитал играет меньшую роль в промышленности, зато значительная часть её принадлежит парсам и гуджаратцам. Рабочий класс Махараштры гораздо более однороден в национальном отношении, чем рабочий класс Бенгалии. Он состоит главным образом из маратхов и является передовым отрядом рабочего класса всей Индии.

Гуджарати, или гуджрати (гуджаратцы), населяют северную часть Бомбейской провинции, княжество Барода и весь полуостров Катхиавар. Общая численность говорящих на языке гуджарати — около 14 млн. человек. Кроме Гуджарата гуджаратцы живут также в Бомбее, составляя (вместе с парсами) около 30% его населения. На территории Гуджарата расположены такие крупные города, как Ахмедабад (591 тыс. жителей), являющийся вторым (после Бомбея) по значению центром хлопчатобумажной промышленности Индии, Барода — 153 тыс. жителей — столица княжества, крупный железнодорожный узел и промышленный центр, Сурат — 171 тыс. жителей.

Развитие литературы на языке гуджарати связано с джайнизмом, влияние которого в Гуджарате особенно усилилось начиная с XI века. Первые произведения джайнских монахов, написанные на гуджарати, относятся к XIV веку. Но расцвет литературы на гуджарати, так же как и на других новоиндийских языках, связан с развитием вишнуитского реформаторского движения. Первым писателем этого направления был брамин Нарсинх Ме-

хето, который жил в XV веке нашей эры. Он считается первым классическим поэтом Гуджарата.

Возрождение гуджаратской культуры на основе развития капиталистических отношений началось относительно рано, почти одновременно с Бенгалией, в начале XIX века.

Как известно, первые текстильные (хлопчатобумажные) фабрики появились в Бомбее ещё до Сипайского восстания. И хотя Бомбей лежит за пределами этнографической границы Гуджарата, в Бомбее очень много гуджаратцев и одноязычных с ними парсов. Поэтому капиталистическое развитие Бомбея в равной мере дало толчок к развитию маратхской и гуджаратской национальностей. Первая текстильная фабрика в Индии была построена парсом Ковасджи, и в настоящее время гуджаратским индусам и парсам принадлежит большая часть хлопчатобумажных фабрик в Бомбейской провинции и даже за её пределами.

Гуджарат, за исключением его северной, малонаселённой части, — один из самых развитых районов Индии. Здесь не только находятся очень крупные промышленные центры, но и в сельском хозяйстве основное значение имеет такая товарная культура, как хлопок, поэтому гуджаратская деревня тесно связана с городом. Основным хозяйственным и культурным центром Гуджарата является город Ахмедабад. В отличие от Бенгалии и Махараштры промышленная буржуазия Гуджарата является сильнейшим отрядом в рядах индийского национального капитала. Предприятия, принадлежащие гуджаратцам и парсам, раскинуты по всей Индии. Но и за пределами Индии, в английских колониях и протекторатах Восточной Африки — в Кении, Танганьике, Уганде, Занзибаре и т. д., большая часть торговли находится в руках гуджаратских купцов — бания или шетхов. Рабочий класс Гуджарата довольно многочисленен и однороден в национальном отношении. Однако в силу тесной связи рабочих Гуджарата с деревней и с мелким ремеслом он классово менее сознателен и находится под влиянием национал-реформистов. За последние годы в Гуджарате стало расти влияние коммунистов.

На языке гуджарати говорят также парсы, проживающие в городе Бомбее и ряде городов Гуджарата. Парсов — 115 тыс. Они потомки бежавших из Ирана в VIII, IX, X веках нашей эры от преследований мусульманских правителей — гебров, сохранивших староперсидскую, зороастрийскую религию. Будучи небольшой группой, рассеянной по городам Гуджарата, парсы за 2—3 столетия были в отношении языка ассимилированы окружающим населением. В XV веке на язык гуджарати были переведены священные книги парсов; в том же веке начала развиваться парсийская литература на языке гуджарати. Парсы не могут считаться нацией. У них нет своей территории, нет сельскохозяйственного населения, незначительна и рабочая прослойка.

Основная масса их занята в торговле и промышленности, причём из их среды вышли крупнейшие капиталисты Индии, например Тата, в руках которого находятся крупнейшие металлургические предприятия Индии, электростанции, авиалинии, химические заводы, текстильные фабрики, гостиницы и т. д.

На северо-западе Индии также имеется три сформировавшиеся нации — синдхи, афганцы (патаны) и кашмирцы. Эти нации менее крупны и менее развиты, чем охарактеризованные выше. Развитие предыдущих двух групп национальностей было связано с развитием двух крупнейших портов и промышленных центров Индии — Калькутты и Бомбея. Развитие Синда тесно связано с развитием порта Карачи — самого крупного порта Северо-Западной Индии. Город Карачи расположен к западу от дельты Инда. Население его по переписи 1941 г. — 359 тыс. человек. После расчленения Индии на два доминиона — Хиндустан и Пакистан — Карачи был избран в качестве временной столицы Пакистана. Однако по своему населению Карачи мало связан с остальными районами Пакистана. Это по существу столица только Синда, и его населяют преимущественно синдхи.

Синдхи населяют провинцию Синд, расположенную вдоль нижнего течения Инда. Граница их расселения в грубых чертах совпадает с границами провинции. Синд ещё в VIII веке был завоёван арабами. После этого он

почти непрерывно находился под властью мусульманских правителей. Вследствие этого большинство населения Синда сейчас мусульмане. Значительная часть синдских индусов сосредоточена в городах. Города Хайдарабад и Шикарпур были ещё в средние века крупными центрами ростовщичества.

Синдские шетхи из касты бхатиа и других финансировали торговлю на Среднем Востоке, конкурируя с ростовщиками марвари. До начала XX века Синд был очень отсталой областью Индии, однако с проведением железных дорог, ростом порта Карачи и развитием ирригации и посевов хлопка Синд стал довольно быстро развиваться по капиталистическому пути. Сельское хозяйство является в значительной мере товарным. В 1935 г. Синд был выделен из состава Бомбейского президентства и в настоящее время представляет провинцию, входящую в Пакистан.

Язык синдхи принадлежит к числу западноиндийских языков, общая численность говорящих на этом языке более 4 млн. На синдхи издаётся значительное количество газет и журналов. Язык синдхи пользуется особым вариантом арабского алфавита.

В синдхской деревне господствуют сильнейшие пережитки феодализма. Большая часть земель сосредоточена в руках крупных помещиков. Крестьянство Синда находится в полукрепостной зависимости от них и политически мало активно. Помещики Синда, как правило, мусульмане и поддерживают Мусульманскую лигу. Среди буржуазии, наоборот, преобладают индусы и сильно влияние Национального конгресса. Из Синда происходит также каста бхатиа, расселившаяся по всей Западной Индии. Из этой касты происходят многие крупные капиталисты Бомбея.

Буржуазия Синда выступала против включения его в состав Пакистана.

Афганцы, называемые в Индии патанами, представляют также одну из более или менее сложившихся национальностей. Афганцы Индии составляют часть, и притом наиболее отсталую, афганской нации и населяют сплошную территорию, разрезанную примерно на две равные части границей между Афганистаном и Пакистаном. Разви-

тие афганской (патанской) нации тесно связано с развитием афганского государства. Численность афганцев в Индии около 5 млн. человек. Населяют они Северо-Западную пограничную провинцию, территории пограничных племён¹, а также северную часть Британского Белуджистана.

Афганцы Индии, так же как афганцы Афганистана, разбиты на большое количество племён. Важнейшими из них в пределах Индии являются: юсуфзаи, африди, вазири, моманды, орокзаи и какары. Большинство из этих племён живёт по обе стороны границы.

После подчинения англо-индийскому правительству Северо-Западной пограничной провинции и полосы пограничных, так называемых «независимых», племён вооружённая борьба афганцев против английского господства продолжалась почти непрерывно. В Вазиристане, Тира, Земле момандов английская власть удерживалась только благодаря системе военных гарнизонов. Однако в отличие от общеиндийского национально-освободительного движения, которое развилось уже на базе новых противоречий, возникших на почве роста капиталистических отношений, борьба афганских племён в значительной мере является продолжением того сопротивления, которое эти племена оказывали английским захватчикам в период аннексии последними афганских земель. Именно традициями борьбы против англичан объясняется тот факт, что Мусульманская лига в силу её проанглийской политики не имела до последнего времени большого влияния среди таких фанатичных мусульман, как патаны. Афганское национальное движение в Индии развивалось до известной степени независимо от движения в лежащих к востоку от Инда провинциях. В то же время несомненна связь между движением патанов и борьбой Афганистана за независимость от Англии. В период англо-афганской войны 1919 г. в провинции было много младоафганцев, сторонников короля Афганистана — Амануллы. Многие афганцы, проживающие в Индии, вступали добровольцами в афганистанскую армию, которая вела борьбу за независимость Афганистана.

¹ Эти территории хотя и входили в состав английских владений, но управлялись не гражданскими, а военными властями.

В 1919—1922 гг., в период подъёма национально-освободительного движения, в Северо-Западной пограничной провинции была создана организация «Красных рубашек», или «Божьих слуг», большинство членов которой были патаны-крестьяне. Руководители этой организации Абдул Гафар Хан и Хан Сахед примкнули к Национальному конгрессу. Первый стал в такой мере правоверным гандистом, что его называют пограничным Ганди. Однако организация «Красных рубашек» в целом была скорее союзником, чем филиалом Национального конгресса.

Во время выборов в законодательные учреждения Индии и провинций краснорубашечники поддерживали Национальный конгресс. Правительство Северо-Западной пограничной провинции, формировавшиеся лидерами «Красных рубашек», действовали по той же программе, что и конгрессистские правительства. Абдул Гафар Хан неизменно избирался в Рабочий комитет Национального конгресса и нередко выступал в качестве его представителя во время переговоров с английским правительством.

Когда в 1940 г. Мусульманская лига выдвинула требование о расчленении Индии на два государства и о создании независимого мусульманского государства Пакистана, влияние Лиги в Северо-Западной пограничной провинции несколько усилилось. Однако среди афганцев борьба за создание Пакистана получила своеобразное преломление: они видели в ней возможность создания независимого афганского государства — Патанистана. И когда в июне 1947 г. английское правительство приняло решение о расчленении Индии на два доминиона — Хиндустан и Пакистан, — руководители движения «Красных рубашек» при поддержке Национального конгресса потребовали, чтобы населённые патанами территории были выделены в независимое государство — Патанистан. Английские правящие круги и руководство Мусульманской лиги не согласились, чтобы при проведении референдума в Северо-Западной провинции, кроме вопросов о вхождении провинции в Пакистан или в Хиндустан, был также поставлен и вопрос о создании Патанистана, ибо они опасались, что большинство избирателей выскажется за Патанистан. Тогда лидеры «Красных рубашек»

объявили бойкот референдума, и в результате Северо-Западная пограничная провинция была включена в Пакистан голосами менее чем 50% избирателей, т. е. менее 7% населения.

Движение за создание независимого Патанистана было поддержано афганским правительством, которое не желало такого соседа, как зависимый от Англии Пакистан, и предпочитало иметь на границе буферное государство, населённое патанами.

И в настоящее время движение за создание независимого Патанистана не прекращается.

Кашмирцы. Кашмирцы (или кашмири) представляют самую крупную из всех населяющих княжество Кашмир народностей. Долина Кашмира — экономически самая развитая часть княжества. Она расположена вдоль течения реки Джелам, которая здесь судоходна и обеспечивает хорошую связь между различными районами долины. В долине Кашмира производится значительное количество хлебов (риса, пшеницы), и она является житницей всего княжества, в ней находится и важнейший промышленный центр княжества город Сринагар.

Кашмирский язык причисляется к числу так называемых дардских языков, но так как Кашмир с глубокой древности находился под влиянием индийской культуры, на него сильное влияние оказал санскрит, а впоследствии, в период господства мусульман, в него вошло много персидских слов. На языке кашмири имеется значительная литература, как поэтическая, так и историческая. После захвата Кашмира сикхами, а затем после разгрома сикхов Остиндской компанией, передачи его в управление радже княжества Джамму Гуляб Сингху, по религии инду, установившийся в Кашмире режим национального и религиозного гнёта почти приостановил развитие национальной культуры Кашмира. На кашмирском языке до последнего времени не издавалось почти никакой печатной литературы. Большинство газет в Кашмире издавалось на английском языке, немного на урду. Языком преподавания в начальной школе был урду, а в средней — английский. Кашмирское крестьянство страдало не только под гнётом жестокой феодальной эксплуатации, но также

и от национального и религиозного угнетения. Большая часть кашмирцев, работающих в государственном аппарате княжества, вербовалась из среды городских индусов — браминов, но и эти занимали в бюрократическом аппарате второстепенные должности.

В результате этого гнёта в Кашмире неоднократно вспыхивали стихийные крестьянские восстания. Особенно упорный характер приняло восстание 1930—1932 гг. Хотя это восстание и было подавлено, но оно дало огромный толчок развитию национально-освободительного движения. Ввиду того что огромное большинство кашмирцев, особенно крестьян, — мусульмане, а правят Кашмиром догские раджпуты, по религии индусы, движение это вначале приняло характер религиозной борьбы. Во главе его встала созданная в 1936 г. организация, названная Мусульманской конференцией. По мере своего развития, а также под влиянием общеиндийского национального движения эта организация стала постепенно терять религиозно-общинную окраску, и в период подъёма антиимпериалистического движения, в 1937—1939 гг., в нём принимали участие все кашмирцы, независимо от религиозной принадлежности. Движение стало общенациональным, а Мусульманская конференция, открыв доступ в свои ряды представителям всех каст и религий, превратилась в национальную организацию и приняла название «Национальная конференция». Вместе с этим она тесно связалась с Национальным конгрессом.

Во главе Национальной конференции стоял Шейх Абдулла, человек прогрессивных, демократических взглядов. Кашмирская Национальная конференция не вступила в Мусульманскую лигу, ибо последняя открыто выступила в пользу кашмирского махараджи. Во время второй мировой войны лидер Мусульманской лиги Джинна ездил специально в Кашмир, и ему удалось сколотить там филиал Лиги, который выдвинул требование о включении Кашмира в состав Пакистана.

Теперь мы переходим к обзору четвёртой группы сложившихся национальностей, а именно четырёх крупных дравидских наций юга Индии. Их развитие связано с развитием капитализма в городе Мадрасе и в княжестве

Майсур. В целом Южная Индия в отношении своего промышленного развития резко отстаёт от Восточной и Западной, но стоит впереди Северо-Западной и Центральной Индии. Тот факт, что крупные народы юга — тамилы, телугу, каннара и малаяли — представляют уже сложившиеся нации, объясняется не столько относительно значительным развитием капитализма на юге Индии, а прежде всего особенностями исторического развития этих народов. Государства, охватывающие этнические территории дравидских народов юга, существовали уже в глубокой древности (Андхра, Пандия, Чера и др.), отличались гораздо большей стабильностью, чем государства Северной Индии, и менее подвергались вторжениям извне. В силу хозяйственной, культурной и политической связи ещё до нашей эры сложились три из четырёх крупных народностей юга (андхра, тамилы и каннара). Это, несомненно, ускорило процесс их национального становления, когда здесь начали развиваться капиталистические отношения. Поэтому, несмотря на то, что ряд пережитков докапиталистических отношений (кастовая система, матриархальная семья) на юге Индии сохранился в гораздо большей степени, чем на севере, четыре великих народа юга могут считаться сложившимися нациями.

Тамилы являются одним из древнейших народов Индии. Они населяют крайний юг её, к югу от реки Кришны, и только узкая полоса между горами Аннаимали (Кардамоновы горы) и берегом Аравийского моря населена другим, близко родственным им народом — малаяли. Основными городами страны тамилы — Тамиль над (или Тамиль над) — являются Мадур, Тричинополи, Танджор, на крайнем севере её находится город Мадрас. Таким образом, страна тамилы вместе с Бомбейским президентством и Бенгалией принадлежит к числу районов, где раньше всего утвердилось господство англичан и раньше начали развиваться капиталистические отношения.

Тамильский язык принадлежит к числу дравидских языков. Численность говорящего на нём населения в пределах Индии 22 млн. человек. Кроме того, около миллиона тамилы живёт на Цейлоне, острове Маврикия, в Малайе и Южной Африке.

Тамилы населяли занимаемую ими в настоящее время область с незапамятных времён. Они обладали значительным морским флотом и вели торговлю с Цейлоном, странами Индонезии и Дальним Востоком. Культура тамиллов является очень древней и, несомненно, оказала очень большое влияние на развитие культуры всех народов Индии. Известно, что в IV веке до христианской эры в стране тамиллов вели пропаганду своей религии джайнские монахи; в этот период на тамильском языке было написано много религиозных произведений джайнизма. Однако памятники древнейшей тамильской литературы не сохранились до наших дней, и самым древним из известных сочинений является сборник религиозно-нравоучительных стихов под названием «Курал». Автором его считается Тируваллувар, пария по происхождению. Страна тамиллов не подвергалась агрессии в такой мере, как другие части Индии. Это способствовало росту культурного и бытового единства в стране тамиллов, ассимиляции ими отсталых горных племён. Поэтому в стране тамиллов мы имеем такую однородность состава населения в отношении языка и культуры, подобной которой нет даже в Бенгалии и Махараштре. Всё это способствовало быстрому формированию тамиллов в нацию, после того как в стране тамиллов стали развиваться капиталистические отношения. Современная тамильская литература начала развиваться раньше бенгальской. Тамильский торговый капитал имеет большие связи со всеми колониями Англии. Всюду, где работают тамильские кули, можно встретить и тамильских торговцев и ростовщиков из касты четти. Многочисленна и тамильская интеллигенция.

Малаяли. Малаяли населяют Малабарский берег. Только в IX столетии нашей эры малаяли упоминаются как народ, отдельный от тамиллов. Страна малаяли — Керала — охватывает весь Малабарский берег к югу от Курга, захватывая полностью княжества Кочин и Траванкур. Численность говорящих на языке малаялам — около 11 млн. человек. Язык малаялам близок к тамильскому, но пользуется другим алфавитом. Керала представляет относительно отсталую часть Мадраасского президентства. Порты её — Каликат, Кочин, Алеппи, имевшие в XVI—

XVII веках большое торговое значение, впоследствии стали терять его и опять начали возрождаться только в последнее время. Общественный строй Кералы характеризуется сильнейшими пережитками докапиталистических отношений. Господствующее положение в Керале занимают касты браминов и наиров. У малаяли сохранилась в значительной степени большая матриархальная семья. Даже наследование престола в княжестве Траванкур идёт по женской линии.

Наряду с этими пережитками первобытно-общинного строя в Керале грамотность населения значительно выше, чем в остальных районах Индии, главным образом за счёт высокого процента грамотных женщин. Довольно значительная часть малаяли исповедует христианство, которое здесь начало распространяться с IV века нашей эры. Христиане составляют до 25% всего населения Кералы. На языке малаялам говорят также и малабарские мусульмане — мопла (мапилла), численность которых достигает 2 млн. человек.

Каннара. Каннара, или каннада (каннарцы), населяют почти всё княжество Майсур и небольшую часть Мадрасского президентства к северо-западу от него, южную часть Бомбейской провинции, юго-западную часть княжества Хайдарабад и ряд княжеств Деккана. Страна каннара носит название Карнатак.

На территории Карнатака находятся города Бангалур, Майсур, Бхадравати, порт Мангалур. В промышленном отношении наиболее развитой является та часть Карнатака, которая входит в состав княжества Майсур. Численность говорящих на языке каннара 13 млн. человек.

Со II века нашей эры Карнатак находился ряд столетий почти непрерывно под властью одной династии, а затем до XVI столетия он входил в состав Виджаянагарской империи¹, после разгрома которой был разделён между мусульманскими султанами Деккана.

В XVIII веке почти весь Карнатак был вновь объединён под властью Хайдара Али и его сына Типпу Султана,

---

¹ Виджаянагар — империя, охватывавшая почти всё Декканское плато в средние века.

но после захвата англичанами Карнатак был вновь расчленён. Долгое пребывание в пределах одного государства способствовало национальному сплочению каннарцев, и поэтому, несмотря на сравнительную экономическую отсталость Карнатака, народ каннара представляет сложившуюся национальность.

Язык каннара принадлежит к числу дравидских и родственен тамильскому. Литература на этом языке начала развиваться первоначально под влиянием джайнизма, а затем движения бхакти, которое здесь приняло форму поклонения богу Шиве. В силу большой раздроблённости между различными административно-политическими единицами культурное развитие каннарцев очень тормозится, и они отстают в этом отношении от других крупных народностей юга Индии.

Андхра. Андхра (или телугу) являются самым крупным из дравидских народов Индии. Численность их около 30 млн. человек. Они занимают северную часть Мадраского президентства, восточную, большую часть княжества Хайдарабад и небольшую часть княжества Майсур. На территории Андхра, или, как они сами называют свою страну, Андхрадеша, находятся следующие города: Хайдарабад, Визагапатам, Неллур, Коканада, Безвада и др. В промышленном отношении Андхрадеша принадлежит к числу относительно отсталых районов Индии, но развитие промышленности на юге Мадраской провинции и особенно в городе Мадрасе оказало сильное влияние на народ андхра. Большое количество рабочих андхра работает на фабриках Мадраса и других промышленных центров президентства.

Язык телугу принадлежит к дравидским языкам, но сильно отличается от тамильского и родственных ему языков. Произведения литературы на андхра известны с XI века нашей эры. Большого расцвета она достигла в XIV веке в империи Виджаянагар. Самым видным классическим писателем на языке андхра считается крестьянин Вемана, который писал стихи, направленные против высших каст и кастовых предрассудков. Современная литература на языке андхра беднее тамильской и в значительной мере представляет подражание старым

произведениям поэтов вишнуитов. Ещё перед первой мировой войной в стране Андхра началось движение за объединение народа андхра в пределах единой административно-политической единицы. Тогда же там возникла национальная организация, принявшая название Андхра махасабха (Великий союз андхра). Эта организация объединяла очень разнородные элементы и, кроме борьбы за создание провинции Андхра, вела также культурно-просветительную работу среди телугу, требовала создания отдельного университета и т. д. Влияние её распространилось и на часть княжества Хайдарабад, которую населяют телугу, именуемую Теленгана¹. По мере обострения национальной борьбы народа андхра Андхра махасабха стала превращаться в демократическую, главным образом крестьянскую, организацию. После расчленения Индии в Теленгана поднялось крестьянское восстание против правителя княжества Хайдарабад и помещиков. Повстанцы изгнали представителей княжеского правительства из района с населением в 5 млн. человек. В 2 тыс. деревень были созданы народные комитеты и трибуналы. Земля помещиков была передана крестьянам. Крестьянским движением руководили местные организации компартии и комитеты Андхра махасабха. Несмотря на то, что правитель княжества бросил против повстанцев свои войска и отряды разакаров, созданные реакционной, помещичьей организацией Иттаhad-уль-муслимин, ему не удалось подавить восстания. В сентябре 1948 г. в Хайдарабад вступили индийские войска. Однако надо иметь в виду, что этим не может быть ликвидировано аграрное и национальное движение в стране Андхра, целью которого является ликвидация феодальных пережитков в деревне и объединение народа андхра. Компромисс индийского правительства с низамом Хайдарабада не может разрешить ни аграрного, ни национального вопроса в этом княжестве.

---

¹ Теленгана, или Телингана,—часть княжества Хайдарабад, населённая телугу.

ФОРМИРУЮЩИЕСЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ОТСТАЛЫЕ ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ

Ко второй группе относятся хиндустаны, раджастаны, бихари и панджаби. Численность народов этой группы более 190 млн., и они составляют около 48% населения Индии. Обзор народов этой группы мы начнём с Хиндустана, в узком смысле этого слова, который играл ведущую роль в истории Индии в течение многих столетий и только в период господства англичан отстал в своём развитии от приморских областей Индии.

Вопрос о национальном составе населения Хиндустана, в узком смысле этого слова, является довольно сложным. Область эта ограничена с севера Гималаями, а с запада — Пенджабом. Она охватывает: часть провинции Восточный Пенджаб, Дели, Соединённые провинции, княжества Чаттисгарха и Центральной Индии, Гвалиор, северо-восточную часть Центральных провинций. В общей сложности площадь этой области — около 750 тыс. кв. км, а население — приблизительно 90 млн. человек. Это население довольно разнородно в отношении разговорного языка, быта и исторических традиций.

Хиндустан был центром многих больших империй, охватывавших Северную Индию. Длительная политическая, экономическая и культурная связь имела своим следствием сближение между различными этническими группами этой области. Однако это сближение не привело к такому полному слиянию всех этнических групп, как это имело место в Бенгалии, Махараштре и других областях Индии.

В Хиндустане нет такого языкового единства, которое имеется в Бенгалии, Махараштре, Гуджарате и т. д. Правда, с начала XIX столетия в пределах очерченного района установилось два литературных языка, развивавшихся из одного и того же разговорного языка, именуемого в литературе хиндустан, а именно урду и хинди, или «кхари боли», т. е. «стандартный язык». Эти два литературных языка или один из них (в зависимости от условий) являются языками прессы, школы, суда, органов управления в княжествах, прозаических произведений художественной литературы, научной литературы и т. д. Однако в быту и даже в поэзии они не вытеснили ещё местных диалектов. На некоторых из этих диалектов имелась в прошлом значительная литература и написаны произведения крупнейших поэтов.

Брадж бхаша (диалект верхней части двуречья между Гангом и Джамной, от города Агры до Этавы) был до XVIII века одним из важнейших литературных языков Индии. На нём писали такие классики индийской поэзии, как Кабир, Сур Дас, Бихари Лал.

Богатая литература была также и на диалекте авадхи, распространённом в Аудхе. На авадхи написал свою «Рамаяну» знаменитый индийский поэт Тулси Дас. На багхели (разговорный язык Багхель-Кханда и княжества Рива) также имелась значительная литература.

В настоящее время все эти диалекты вытесняются из литературного обихода хиндустан. Хиндустан — разговорный язык населения восточных районов Пенджаба (область Амбалла), Дели, Мирута и Рохилькханда.

Развитие литературы на хиндустан относится к XIV веку, т. е. к периоду расцвета империи Моголов. В это же время образовался особый городской диалект хиндустан с значительной примесью персидских слов и оборотов, а также некоторых лексических элементов и грамматических форм из языков панджаби и раджастхани. Диалект этот стал называться «забан-и-урду», т. е. язык лагеря (войска). По мере ассимиляции пришлых мусульманских элементов местным населением урду всё более вытеснял из разговорного обихода персидский язык, хотя до восстания 1857 г. последний оставался

официальным языком империи Моголов и бытовым языком придворной аристократии. В начале XIX столетия появляются первые произведения на хиндустани, написанные шрифтом деванагари. В них значительная часть персидских слов была заменена словами, заимствованными из санскрита.

С начала XIX столетия хиндустани становится основным литературным языком всего Индустана, оттесняя на второй план прежние литературные языки (брадж, авадхи и др.). В 1927 г. Грирсон писал: «Теперь ни один индус в Верхней Индии не мечтает о том, чтобы писать прозу на каком-либо из индийских языков, кроме урду или хинди, но когда он пишет стихи, то он выбирает один из национальных диалектов, или авадхи Тулси Даса, или брадж слепого барда Агры»¹.

До второй половины прошлого столетия резкой дифференциации между двумя литературными формами хиндустани ещё не было. Термины урду и хинди употреблялись как синонимы. Дж. Неру писал: «До восстания 1857 г. слово урду значило хинди, за исключением шрифта. Как это хорошо известно, некоторые из лучших поэтов хинди были мусульманами. До этого восстания и даже некоторое время после него обычным термином, применявшимся к языку, был «хинди». Мусульмане, которые писали шрифтом урду, называли язык свой обычно хинди»².

Только во второй половине XIX века расхождения между урду и хинди стали увеличиваться, а теперь некоторые рассматривают их как два особых языка.

Джавахарлал Неру пишет: «Только во второй половине XIX столетия слова хинди и урду стали обозначать нечто различное. Это было, вероятно, отражением растущего национального самосознания, которое раньше пробудилось у индусов, и последние стремились к очищению хинди и к введению шрифта деванагари. Национализм их неизбежно вначале проявлялся в форме индуистского национализма»³. Это положение подтверждает

¹ «Linguistic survey», v. I, part I, p. 164.

Сур Дас — виднейший поэт, писавший на языке брадж, был слепым.

² *Nehru J. Eighteen months in India*, p. 253.

³ *Ibid.*, p. 6.

английский историк Лайел, который пишет: «Высокий хинди, противопоставленный урду, идиом новейшего развития, обязанный своей литературной разработкой в значительной мере влиянию департамента просвещения в Северной Индии и развитию индусской оппозиции мусульманским формам выражения»¹.

Политика разжигания индусско-мусульманской розни, которую английские правящие круги стали ещё более усиленно осуществлять со второй половины XIX века, привела к тому, что расхождения между урду и хинди настолько увеличались, что теперь знающий урду далеко не всегда в состоянии понимать книги, написанные на хинди, и наоборот.

Относительно значения каждой из двух литературных форм хиндустани можно сказать следующее.

Урду до расчленения Индии являлся главным литературным языком мусульман Соединённых провинций, Раджпутаны и Бихара и основным литературным языком мусульман и индусов Пенджаба и западной части Соединённых провинций, литературным языком части мусульман Деккана и Южной Индии. Но неправильно считать его литературным и тем более разговорным языком всего мусульманского населения Индии, как это хотят представить лидеры Мусульманской лиги. Среди мусульман Бенгалии только очень немногие знают урду, мусульмане Малабара говорят и пишут на языке малаялам, мусульмане Тамиль нада на тамильском языке, значительная часть городского мусульманского населения Бихара говорит на языке авадхи. В северо-западной пограничной провинции с ним соперничает в качестве литературного языка пушту, а в Кашмире — кашмири, которые к тому же являются народными языками соответствующих районов.

Хинди является основным литературным языком индусов Соединённых провинций, Бихара, Центральных провинций, большинства княжеств Центральной Индии и индусских княжеств Раджпутаны. Причём интересно

---

¹ *Lyall*, A sketch of Hindustani language, Edinburgh 1880, p. 4.

отметить, что в то время как урду более распространён в городах, хинди шире распространён в деревнях. Степень распространения этих языков и уровень развития литературы на них до расчленения Индии были, примерно, одинаковы, хотя намечалась тенденция более быстрого роста литературы и прессы на хинди.

Расчленение Индии на Пакистан и Индийский Союз будет иметь своим следствием ещё большее расхождение между этими литературными языками, и, вероятно, в результате урду в значительной мере потеряет своё прежнее значение. Учредительное собрание Пакистана приняло решение об утверждении языка урду государственным языком Пакистана. Однако это решение вызвало настолько серьёзные волнения в Восточной Бенгалии, что генерал-губернатор Пакистана Джинна вынужден был срочно выехать в столицу этой провинции Дакку для того, чтобы заверить членов Мусульманской лиги — бенгалцев, что хотя урду будет государственным языком Пакистана, но официальным языком Восточной Бенгалии будет язык бенгали. Джинна заявил также, что языки других провинций Пакистана, а именно синдхи и пушту, будут официальными языками соответствующих провинций. Таким образом, урду только формально станет государственным языком Пакистана, и его применение в качестве официального языка ограничится провинцией Западный Пенджаб.

В Индии государственными языками объявлены хинди и английский. Остальные языки будут официальными языками соответствующих провинций.

Но стремлению навязать хинди в качестве обязательного языка Индии оказывается сопротивление в ряде национальных областей. Трудно сказать также, сможет ли хинди вытеснить урду в западной части Соединённых провинций и в Восточном Пенджабе.

Таким образом, в рассматриваемой нами области даже в отношении литературного языка не сложилось ещё того единства, которое уже имеет место в Бенгалии, Ориссе, в Махараштре, Гуджарате, Синде и среди дравидских народов Южной Индии. Что касается народно-разговорных языков, которых в рассматриваемой области имеется

значительное количество, то процесс их унификации и постепенной ассимиляции языком хиндустани только начался и пока ограничивается городом.

До сих пор такие диалекты, как брадж бхаша, авадхи и ривай, не только являются основным средством общения между крестьянами, но и в городах, даже среди интеллигенции они являются обиходным языком в семьях. Более того, интерес к литературе на этих языках ещё очень велик, переиздаются произведения классиков, средневековых поэтов, писавших на этих языках, пишутся новые стихотворные произведения, издаются грамматики и т. д. Возможно, что этот интерес ограничивается только узким кругом местных любителей литературы, однако, учитывая, что эти диалекты являются и сейчас основным средством общения широких слоёв населения соответствующих районов, не исключена и другая возможность, что они возродятся вновь, станут национальными языками, и тогда народности западной и восточной части Соединённых провинций, т. е. бывших провинций Агры и Аудха, разовьются в две отдельные национальности. Требования об отделении Аудха от Агры выдвигались неоднократно, и в частности на конференции Круглого стола 1930—1931 гг. Вышеприведённые факты заставляют нас считать, что хиндустани не являются ещё сложившейся нацией.

Раджастхани, или, как их называют, раджпуты, в ещё меньшей мере могут считаться сложившейся нацией. Мы предпочитаем термин «раджастхани» термину «раджпут», ибо последний не совсем определён и имеет двоякое значение. Раджпутами называются члены главной и наиболее высоко стоящей в кастовой иерархии воинской касты Северной Индии, проживающие в Пенджабе, Кашмире, Раджпутане, Соединённых провинциях, Бихаре, Центральных провинциях и т. д. Не всё население Раджпутаны, или Раджастхана, а только его верхушечная, главным образом помещичья, прослойка принадлежит к касте раджпутов. Таким образом, термин «раджпут» обозначает не этническую и не национальную, а сословно-кастовую группу. Раджпуты как каста не объединены ни общностью территории, ни общностью языка, а только

своей сословно-кастовой принадлежностью. Термин же «раджастхани», или «раджастанец», применим к каждому жителю Раджастхана, независимо от его сословно-кастовой принадлежности. Население Раджастхана, или Раджпутаны, обладает целым рядом характерных особенностей, говорит на родственных между собой диалектах, имеет сходные нравы и обычаи, является этнической группой, объединённой общностью территории и до известной степени общностью языка. Численность всех народностей, говорящих на различных диалектах, объединяемых общим названием раджастхани, по переписи 1931 г. определялась в 13,9 млн. человек, а по данным «Обследования языков» — в 16 млн. человек. Важнейшими из этих диалектов являются: марвари — говорит на нём 8 млн. человек, мальви — 4 млн. Только на языке марвари имелась в прошлом значительная литература. Основным препятствием на пути развития Раджастхана является политическая его раздроблённость. Территория Раджпутаны разбита между 24 княжествами, из которых важнейшие: Джайпур — 3 млн. жителей, Марвар (Джодхпур) — 2,5 млн., Мевар — 1,9 млн., Биканер — 1,2 млн. жителей. В центре Раджастхана Остиндская компания аннексировала небольшую территорию, превратив её в управляемую главным комиссаром провинцию Аджмир-Марвара. Эта провинция была опорной базой английского империализма, позволявшей ему держать в своих руках воинственный Раджастхан.

Несмотря на экономическую и культурную отсталость Раджпутаны, торговцы и ростовщики крупнейшей её народности — марвари — вели свои торговые и ростовщические операции не только по всей Северной Индии, но и за её пределами — в Иране, Афганистане, а прежде и в Бухаре. В их руках сконцентрировались большие денежные накопления, и в настоящее время им принадлежат крупнейшие национальные банки Индии, они играют крупную роль в индустрии. Марварийские концерны Бирла и Далмия конкурируют на всеиндийском рынке с парсами и гуджаратцами.

Неру даёт им следующую характеристику:

«Марвари из Раджпутаны контролировали внутреннюю

торговлю и финансы и имелись во всех жизненных центрах Индии. Они были как крупными финансистами, так и мелкими сельскими банкирами; чек от известного банкира марвари был признаваем везде в Индии и даже за рубежом. Марвари до сих пор представляют крупных финансистов Индии, но добавили к этому теперь также и индустрию»¹.

Крупная марварская буржуазия не особенно заинтересована в создании автономного Раджастанхана. Она наряду с парами и гуджаратцами занимает господствующее положение на общендийском рынке и является носительницей великодержавных централистских тенденций. Народное движение за создание автономного Раджастанхана и за объединение его находится в зародышевом состоянии. Также не замечается и тенденции к возрождению литературы на языке марвари и других диалектах Раджпутаны.

Официальным языком княжеств Раджпутаны, языком школы и прессы является хинди в его стандартной форме, принятой и в Соединённых провинциях, Бихаре и Центральных провинциях, тот самый хинди, который предполагается сделать господствующим языком Индии, который до некоторой степени уже играет роль языка торговли и межнациональных сношений во всей Индии. Ликвидация княжеств, дробящих территорию Раджастанхана и препятствующих хозяйственному и культурному объединению его народов, является неперемнным условием сплочения раджастанхани в нацию.

Бихарцы являются третьей формирующейся национальностью Северной Индии. Бихарцы объединены в пределах одной провинции, и пережитки феодальной раздроблённости не препятствуют их сплочению в нацию. На территории Бихара нет княжеств. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что всё население Бихара уже оформилось как нация. Этнически население Бихара далеко не однородно, и исторически Бихар не всегда был единым целым. Представление о языке бихари как о едином языке является искусственным и введено в обиход английскими лингвистами. Население Бихара говорит

---

¹ *Nehru J.*, *Discovery of India*, p. 280.

на четырёх, довольно различных друг от друга диалектах, литературным же языком Бихара является в настоящее время стандартный хинди. В отношении национального характера бихарцы не представляют единства. Для подтверждения этих положений приведём высказывания компетентных в этом вопросе авторов.

Председатель Национального конгресса Раджендра Прасад, сам бихарец, неоднократно возглавлявший бихарское провинциальное правительство, выступая в 1936 г. на конференции «Общества пропаганды языка хинди», говорил: «Возьмите Бихар; он считается областью языка хинди, и правильно считается, но в этой области несколько местных говоров: в Шахабаде, Саране, Чампаране и в некоторых районах округа Музаффарпур говорят на бходжпури; в Дарбханге, Северном Монгхире, Северном Багалпуре, в Пурнии и в северной части Музаффарпура говорят на майтхили; в Патне, Гайе, Южном Монгхире и в Чхота Нагпуре говорят на магахи; в Бхогпуре, Сантал Паргане и в некоторых частях Монгхира на диалекте чхека-чхеки. Из них, кроме майтхили, ни один диалект не имеет письменности и письменной литературы, но все они очень сильно отличаются от современного литературного хинди, и те из говорящих на этих диалектах, кто не имеет образования, полностью литературного хинди понять не могут»¹.

Английский лингвист Грирсон следующими словами характеризует особенности отдельных народностей, населяющих Бихар: «Диалекты майтхили и магахи ближе друг к другу, и они резко разнятся от бходжпури. Достаточно сказать, что майтхили и магахи — диалекты национальностей, доведших консерватизм до крайности, в то время как бходжпури — практический язык энергичной расы, которая всегда готова приспособиться к условиям и влияние которой чувствуется во всей Индии»².

Тот же автор говорит, что бходжпурцы — воинственный народ и они поставляли до Сипайского восстания большое количество рекрутов в армию Остиндской ком-

¹ «Джамиа», Дели, май 1936, стр. 430 (на языке урду).

² «Linguistic survey», v. I, part I, p. 150.

пани, но, так как они активно участвовали в восстании, английские власти прекратили вербовку солдат в Бихаре. Бихар слабо развит в промышленном отношении. Чхота-Нагпурская область хотя и входит в провинцию Бихар, но населена различными народностями, не родственными бихарцам (санталы, мунда, ораон и т. д.), так что развитие горной промышленности и металлургии в Чхота Нагпуре мало отразилось на жизни населения пригангской части Бихара. В большей мере связан Бихар с Калькуттой, где работает большое количество бихарских рабочих.

Следует иметь в виду, что в Митхиле, т. е. в северо-восточной части Бихара, где распространён диалект майтхили, — в 30-х годах началось движение за её выделение в отдельную провинцию. Имеется также стремление возродить литературу на языке майтхили.

Индийская коммунистическая партия в своём манифесте, опубликованном в 1946 г., предлагала созвать отдельные учредительные собрания Раджастхана (Раджпутана), Хиндустана (Соединённые провинции и часть Центральных провинций) и Бихара. Однако пока ещё движение за создание автономных провинций Раджастхана и Хиндустана находится в зародыше, что же касается Бихара, то имеется даже, хотя и слабая, тенденция к выделению из его состава Митхилы.

Пенджаб представляет почти столь же неопределённую картину в отношении национального состава населения, как вышерассмотренный нами район. Пенджаб (правильнее, Панджаб) в этническом смысле слова охватывает район, орошаемый пятью крупнейшими притоками Инда: Сетледжем, Биасом, Рави, Ченабом и Джеламом. Инд составляет его западную границу, предгорья Гималаев — северную границу, водораздел Инда и Ганга — восточную. Таким образом, крайняя восточная часть Пенджабской провинции в этническом отношении принадлежит уже к Хиндустану. Пенджаб был обычно отделён политически от Хиндустана. Он часто находился под властью лежащих к западу от Индии государств: Греко-бактрийского царства, Ирана и др. При господстве мусульман Пенджаб всегда представлял особую, автономную провинцию. В начале XIX века он был объединён

под властью сикхского раджи Ранджит Сингха. Экономически отдельные районы Пенджаба ранее были хорошо связаны между собой системой рек и слабо связаны с лежащими к востоку районами Индии. На территории Пенджаба, в узком смысле этого слова, живёт около 25 млн. человек. В отношении разговорного языка весь этот район может быть подразделён на две части: восточную и западную. Граница между ними идёт приблизительно по 74° восточной долготы. Население восточной части очерченной области говорит на языке панджаби. Общая численность говорящих на панджаби не менее 18 млн. человек.

К западу от 74° восточной долготы распространены многочисленные диалекты, довольно резко отличающиеся друг от друга, но имеющие некоторые общие черты, отличающие их от панджаби. Население называет эти диалекты именем района, где они употребляются; например, мултани, бахавальпури и т. д. Афганцы называют их хинди или джатки. Английские лингвисты объединяют эти диалекты под общим названием лахнда или лэхенди, что значит на языке панджаби «западные диалекты», и считают самостоятельным языком. Общая численность говорящих на этих диалектах 7—8 млн. человек. При разделе Пенджаба между Пакистаном и Индией в 1947 г. эта этническая и языковая граница не была принята во внимание. При проведении границы между Пакистаном и Индией учитывался только религиозно-общинный состав населения, и поэтому территория Центрального Пенджаба, где господствует язык панджаби, была разделена на две, примерно равные по численности населения, части.

Панджаби, являясь основным разговорным языком большей части населения, в качестве литературного языка используется только сикхами, составлявшими 13% населения Пенджаба в старых границах. Пенджабские мусульмане и индусы пользуются в качестве литературного языка урду и в гораздо меньшей степени хинди. Так, по данным переписи 1931 г., в Пенджабе было грамотных на панджаби всего 198 484 человека, на хинди — 16 296 и на урду — 908 521 человек. Наиболее распространённым литературным языком Пенджаба является не панджаби, а

урду. На этом языке производилось обучение в большинстве школ Пенджаба, велось делопроизводство в низовых органах власти, издавались крупнейшие газеты. На панджаби обучение производилось только в сикхских религиозных школах, и на нём же издавались сикхские газеты. Однако, по свидетельству многих авторов самых разных направлений, ведущая роль урду в Пенджабе является в значительной мере результатом английской политики разжигания индусско-мусульманских противоречий и стремления английских правящих кругов опереться на мусульманскую верхушку Пенджаба. Англичанин Мэколиф, под редакцией которого был сделан перевод священного писания сикхов на английский язык, писал: «После оккупации англичанами Пенджаба чиновники, посланные для управления им, были переведены из области, которая тогда была известна как Северо-Западная провинция. Они принесли с собой урду, или, что то же, смесь персидского языка с окончаниями урду, — единственный азиатский язык, который они знали и употребление которого они находили для себя более удобным... Так урду стал официальным языком этой провинции»¹.

Руководивший переписью населения Пенджаба в 1931 г. хан Ахмад Хасан Хан писал: «По моему мнению, нет никакого сомнения, что многие лица называли урду или хинди своим родным языком, вместо панджаби, а поэтому число говорящих на языке хиндустаны было преувеличено за счёт уменьшения числа говорящих на языке панджаби»².

Можно ли считать всё население Пенджаба единой нацией? Коммунистическая партия Индии в упомянутом нами манифесте предлагала создать в Пенджабе два учредительных собрания: одно в Западном мусульманском Пенджабе, где преобладают различные диалекты лэхенди, другое в Центральном Пенджабе, где господствует язык панджаби и где сосредоточены почти все сикхи.

Что касается населения западных районов Пенджаба (Мултанская область и область Равальпинди), то едва ли

¹ *Macauliff*, op. cit., p. XXIV.

² «Census of India 1931», Punjab, part I, p. 272.

можно говорить, что там происходит сейчас процесс формирования особой, западнопенджабской нации. Это отсталый, сельскохозяйственный район, где господствуют сильнейшие пережитки феодализма и сохранились остатки деления на племена (аваны, гаккары, тиваны и др.). Коммунистическая партия Индии, выдвигая требование о созыве особого учредительного собрания для этого района, учитывала, вероятно, в большей мере религиозно-общинный момент, чем национальный. Что же касается Центрального Пенджаба, то нет оснований сомневаться, что если бы не английская политика разжигания религиозно-общинной розни и противопоставления друг другу мусульман, индусов и сикхов, то население этой основной, наиболее развитой экономически и однородной в этническом и языковом отношении части Пенджаба сформировалось бы в нацию. Именно к этой народности и следует применять название панджаби или пенджабцы. Сикхи, литературным языком которых является панджаби, составляют ядро этой народности. Раздел Пенджаба между Индией и Пакистаном безусловно ещё более задержит процесс консолидации пенджабцев в нацию.

Таково положение с образованием наций в наиболее важных исторических центрах развития индийской культуры, где сосредоточена половина всего населения Индии.

В Индии имеется большое количество племён и народностей, которые до настоящего времени мало затронуты развитием капитализма, едва вовлечены в общую хозяйственную и политическую жизнь страны и сохранили сильные пережитки первобытно-общинного строя. В общей сложности все эти народности составляют 5% населения Индии, т. е. приблизительно 20 млн. человек.

Районы расселения этих народностей следующие: 1) приграничный район Пакистана с Ираном и Афганистаном и северо-западная часть княжества Кашмир; 2) Гималаи на всём их протяжении; 3) горные районы Ассама и 4) Центрально-индийское нагорье. В этих четырёх районах сосредоточено огромное большинство народностей, которые относятся к этой группе. Эти народности и племена имеют очень мало общего между собой в отношении

происхождения, языка, быта. Мы объединяем их в одну группу только потому, что они находятся на относительно низкой ступени общественного развития, хотя и в этом отношении они далеко не однородны. Однако все включённые в эту группу народности и племена резко отстают в отношении экономического и культурного развития от рассмотренных нами выше групп.

Начнём обзор с северо-запада. Здесь обитают: белуджи и брагуи в Белуджистане и Синде; читральцы, шина, буришки, или вершики, и ряд более малочисленных горных народностей в северной части Пакистана и в Кашмире.

Белуджи, или балючи, являются самой крупной и относительно высокоразвитой народностью северо-запада, если, конечно, не считать афганцев; численность их, по данным переписи 1941 г., несколько более 1 млн. человек; из них 750 тыс. — в провинции Синд и 132 тыс. — в бывшем Британском Белуджистане, 46 тыс. — в Западном Пенджабе и 100 тыс. — в княжестве Келат. Однако большинство белуджей Синда слилось с окружающим населением, и они говорят на языке синдхи, так что численность говорящих на языке балючи (белуджском) в Пакистане и Келате не превышает 700—800 тыс. Около 700 тыс. белуджей проживает в Иране и Афганистане. Белуджи, так же как и афганцы, делятся на ряд племён. Феодалные отношения довольно давно уже стали преобладающими в Белуджистане, и имеется ряд довольно старых белуджских княжеств, крупнейшим из которых является княжество Келат. Язык белуджей относится к числу иранских и делится на 2 группы довольно сильно различающихся между собой диалектов: юго-западную и северо-восточную. Письменность на белуджских диалектах почти отсутствует. Ещё в XIX веке основным литературным языком Белуджистана был персидский, но за последние десятилетия при содействии англо-индийских властей он был в значительной мере вытеснен языком урду.

Белуджистан и княжество Келат обладают довольно значительными запасами полезных ископаемых (хромитовые руды, соль, уголь), но промышленность развита в них слабо. Основными занятиями населения являются земле-

делие и полукочевое скотоводство. Перед второй мировой войной в княжестве Келат началось демократическое движение, требованием которого было введение в княжестве представительных учреждений. Экономическая отсталость и политическая разобщённость являются основным препятствием на пути превращения белуджей в нацию.

Вторым по численности и значению народом Белуджистана являются брагуи. Они обитают в центральной части Белуджистана, и больше всего их в княжестве Келат. Общая численность их (по переписи 1941 г.) — 210 тыс. человек. Брагуи говорят на языке, резко отличном от белуджского. Язык их причисляется к дравидским, хотя он не обнаруживает особенно близкого родства ни с одним из языков Южной Индии. В отношении внешности, быта и общественного строя брагуи мало отличаются от белуджей, и процесс их ассимиляции с последними происходит довольно быстро. Язык брагуи не имеет письменности, и они пользуются в качестве письменного языка, так же как и белуджи, персидским или урду. Следует отметить, что правящая в княжестве Келат династия происходит из брагуи.

Вторая группа отсталых народностей северо-запада обитает в горах Гиндукуша. Эти народности, именуемые иногда в этнографической и географической литературе дардами, говорят на ряде языков, родственных между собой и имеющих некоторые общие черты с языком кашмири. Эти языки именуются торвали, кухистани, башгали, кховар, шина и т. д.

Мы остановимся на шина и читральцах, как на народностях более крупных, чем остальные из этой группы. Шина населяют долину Инда от Балтистана до впадения реки Тангир. Они проживают в районе Гильгита и Чилас. Численность их, вероятно, не превышает 50 тыс. человек.

Читральцы, составляющие основную массу населения княжества Читрал, так же как и шина, довольно бедные горные земледельцы и скотоводы. Княжество Читрал управляется князем, носящим титул мехтара. Численность читральцев около 50 тыс. Язык их, именуемый чатрари или кховар, не имеет письменности. Официальным

языком в княжестве до начала нашего столетия был персидский, который, однако, за последнее время начал вытесняться языками урду и пушту.

До последнего времени княжество Читрал фактически управлялось английским резидентом, в его столице был расположен английский гарнизон. В настоящее время княжество вошло в состав Пакистана.

К северу от читральцев живёт народ буришки, или вершики. Они населяют княжества Гунза и Нагар и большую часть Ясина. Их численность не превышает 10—15 тыс. Язык их стоит особняком от окружающих языков, по своему грамматическому строю напоминает яфетические языки Дагестана и, повидимому, является пережитком языков, распространённых в древности на склонах Гиндукуша. Среди вершиков, так же как среди читральцев, имеется значительное количество измаилитов¹.

В настоящее время княжества Гунза и Нагар, лежащие у подножья хребта Каракорум, через который идут дороги из Индии в Синь-цзянь, вошли в состав Пакистана.

Наиболее высокогорные, граничащие с Тибетом части Кашмира, Пенджаба, большая часть княжества Сикким и западная часть Ассама населены народностями, родственными тибетцам и говорящими на различных диалектах тибетского языка или на родственных ему языках. Численность всех этих племён и народностей в пределах Индии не превышает 400 тыс. человек, причём они разбросаны на огромном пространстве от Балтистана до Сиккима. Тибетский язык распространён среди этих народов в качестве литературного. Только балти, живущие в Балтистане и исповедующие не буддизм, как остальные тибетцы, а ислам шиитского толка, пользуются своим языком в качестве литературного. Численность этого народа 150 тыс. человек.

Один из народов этой группы — невари составляет значительную часть населения княжества Непал. Язык невари до 1769 г. был государственным языком Непала, но потом был вытеснен языком гуркхов — найпали, или

---

¹ Мусульманская секта, главой которой является Ага Хан, имеющий резиденцию в Бомбее.

гуркхали. На языке невари имеется значительная литература.

Другая группа народностей Гималаев, населяющая более низкие зоны по их южным склонам, от Пенджаба до Сиккима, — индийского происхождения и говорит на ряде родственных между собой диалектов, близких к языкам хиндустани и особенно раджастхани. Диалекты эти, так же как и говорящие на них народности, известны под общим именем пахари, т. е. горские. К этой же группе народностей принадлежат и гуркхи, которые в значительном количестве вербовались в англо-индийскую армию. Численность народностей, говорящих на различных диалектах пахари, около 3 млн. (не считая гуркхов Непала). Из всех этих диалектов только найпали развивается как самостоятельный литературный язык. На некоторых диалектах также была незначительная литература, но в настоящее время в качестве литературного языка они вытесняются стандартным хинди.

В горах Ассама обитает большое количество народностей, стоящих на разных ступенях развития. Наиболее развитыми и в то же время сохраняющими свою самобытную культуру являются манипури, или меитхеи, обитающие в княжестве Манипур, и кхаси, населяющие нагорье того же названия. Численность первых около 400 тыс., численность кхаси — 192 тыс. человек.

Довольно значительными по численности народностями Ассама являются бодо — 280 тыс., нага — 280 тыс., гаро — 226 тыс., микир — 150 тыс. и мири — более 100 тыс. человек. Это народности более отсталые в своём развитии, чем меитхеи и кхаси.

Ни одну из горных народностей Ассама нельзя считать ещё нацией, однако у меитхеи и кхаси проявляются признаки роста национального самосознания и зачатки борьбы за своё самоопределение. Языки этих двух народностей имеют письменность, причём манипурская письменность довольно древняя, тогда как письменность и периодическая печать на языке кхаси появилась лишь несколько десятилетий тому назад.

Очень значительная по численности группа отсталых народностей населяет Центральное индийское нагорье в

составе следующих провинций и агентств: Центральная Индия, Центральные провинции, княжества Чаттисгарха, Орисса, Бихар, северная часть Мадрасской провинции и Западная Бенгалия.

Важнейшими из народностей Центральной Индии являются: бхилы — 2,3 млн., гонды — около 3 млн., санталы — 3 млн., мунда — 600 тыс., ораоны — 1 млн., канды, или куи, — 700 тыс. человек. Эти народности очень различны между собой в отношении языка, быта и истории.

Бхилы, упоминаемые уже в самых древних эпических произведениях Индии, говорят на языке, близком к гуджарати, т. е. новоиндийском (индо-арийском), гонды, канды и ораоны говорят на дравидских языках, санталы и мунда — на языках группы мунда. Гонды ещё в XVII веке имели своё большое государство, называвшееся Гондавана, которое охватывало почти всю Центральную Индию, остальные народы образовывали только нестойкие союзы племён.

Однако в настоящее время колониальный гнёт и феодально-ростовщическая эксплуатация привели все эти народности к деградации и вымиранию. При содействии английского капитализма они были оттеснены князьями, помещиками и ростовщиками, захватившими их земли, в лесистые горы, мало удобные для земледелия. Районы, населённые ими, были выделены в качестве «отсталых округов» из состава провинций, и на них не распространялись никакие политические реформы. Округа эти управлялись английскими чиновниками, которые назначали и представителей от них в провинциальные законодательные органы. Таким образом, они не пользовались даже теми жалкими крохами политических прав, которые английские империалисты вынуждены были под давлением национального движения давать остальному населению Индии в виде конституционных реформ.

Оттеснённые в бесплодные и холмистые местности, эти народности не могут прокормиться своим примитивным земледелием и вынуждены идти на заработки на угольные копи, железные и марганцевые рудники и на плантации. Ораоны и санталы поставляют большую часть рабочих для

чайных плантаций Ассама, санталы, мунда и гонды составляют основной контингент рабочих в угольных шахтах Бихара и Западной Бенгалии, а также на рудниках Ориссы, Бихара и Центральных провинций. Здесь они являются объектом самой безжалостной эксплуатации, находясь на положении полукрепостных у плантаторов и промышленников. В городах они попадают в положение неприкасаемых.

Доведённые до отчаяния народы Центральной Индии не раз восставали. Особенно большую тревогу вызвало у английских колонизаторов, индийских помещиков и ростовщиков восстание санталов в 1855 г., жестоко подавленное английскими войсками. Крестьяне мунда принимали перед второй мировой войной активное участие в движении населения княжеств Ориссы. На крайнем юго-западе Индии имеются две довольно значительные народности, а именно тулу, численностью около 500 тыс. человек, кодагу — около 100 тыс., и, кроме того, несколько мелких народностей. Первые две народности по языку и культуре ближе всего к каннарцам.

В какой мере изменилось положение этих отсталых народов после предоставления Индии прав доминиона, нам ещё неизвестно. Индийская буржуазия не менее заинтересована в их эксплуатации, чем английские империалисты, и нет оснований предполагать, что создание доминионов избавит эти народности от деградации и вымирания. Только победа народной демократии в Индии может избавить эти народы от угнетения и создать условия для развития их национальных культур.

**ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ
КОНСОЛИДАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ИНДИИ,
И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ**

Процесс развития и консолидации национальностей является одним из проявлений развития капиталистических отношений, развития внутреннего рынка. Поэтому всё, что являлось препятствием к свободному развитию капиталистических отношений в Индии, препятствовало также консолидации и развитию отдельных её национальностей.

Факторы, препятствовавшие свободному развитию капитализма в Индии и в частности развитию и консолидации её национальностей, обусловлены двумя моментами:

- 1) колониальным положением Индии;
- 2) крепостью и силой пережитков феодальных отношений в ней. Оба эти момента тесно переплетены друг с другом, ибо живучесть феодальных отношений в Индии определяется в первую очередь длительным господством в ней английского империализма, длительным колониальным порабощением её.

Вопрос о том, какое влияние на развитие капиталистических отношений Индии в целом оказало её колониальное положение, выходит за рамки настоящей работы.

Одностороннее развитие индийской экономики, отсталость её, преобладание в ней сельского хозяйства над промышленностью, явившиеся результатом колониального положения Индии, тормозят развитие её экономики, задерживают также развитие и консолидацию отдельных национальностей и по сей день. В настоящей главе мы рассмотрим те особенности политического устройства Индии, которые являются основным препятствием на пути раз-

вития и консолидации отдельных национальностей и против которых в первую очередь направлено их движение.

Из подобного рода особенностей наиболее важное значение до расчленения Индии имели следующие:

1) Пережитки политической раздроблённости Индии, сохранившиеся в форме полуфеодалных, вассальных княжеств, и административно-политическое деление, не соответствующее расселению её национальностей, являющееся следствием английского господства.

2) Подчинённая роль индийцев в государственном аппарате, которую они играли в течение всего периода господства англичан.

Расчленение Индии на Пакистан и Хиндустан и предоставление этим государствам прав доминионов не устранили этих препятствий, а в некоторых случаях даже усугубили их.

Все крупные княжества и ряд мелких сохранились ещё внутри новых доминионов; административное деление Индии и Пакистана остаётся пока таким, каким оно сложилось в период английского господства; английские чиновники всё ещё занимают важнейшие посты в административном аппарате обоих доминионов, а английские офицеры командуют их армиями; в обоих доминионах государственным языком до сих пор фактически остаётся английский.

Как известно, до вступления в силу акта о расчленении Индии на два доминиона она в административно-политическом отношении делилась на две большие части: Британскую Индию в составе 11 больших, губернаторских, провинций и 6 малых, комиссарских, и индийские княжества, численность которых была около 600.

Это административно-политическое деление Индии не соответствовало ни географическим, ни экономическим подразделениям страны, ни расселению её народов. Оно складывалось в процессе завоевания Индии Англией и соответствовало лишь интересам английской бюрократической машины, управлявшей ею.

Границы между отдельными провинциями и княжествами, а также между Британской Индией и княжествами были установлены совершенно произвольно.

Этот факт не отрицают сами творцы этого административного деления. Так, отчёт комиссии Саймона следующим образом характеризует разграничение территории провинций Британской Индии от индийских княжеств:

«Границы, отделяющие княжества от Британской Индии, как правило, не соответствуют каким-либо заметным естественным рубежам. Разграничение было произведено или потому, что границы юрисдикции княжества были установлены таким образом уже давно, или в результате переговоров и соглашения в период британской экспансии. Редко случается, что политические границы какого-либо из индийских княжеств совпадают с расовыми или языковыми границами»¹.

Не более соответствуют расовым и языковым границам, а также экономическому районированию старые границы между провинциями Британской Индии.

Для иллюстрации этого положения приведём ряд примеров. В Мадрасской провинции тамильский язык является языком 41% населения, телугу — 40%, малаялам — 8%, каннара — 3,5%, урду и хинди — 2%, остальные 5,5% населения говорят на языках тулу, кханди, маратхи и др. Из 20 млн. жителей Бомбейской провинции 52% говорят на языке маратхи, около 20% — на языке гуджарати, около 15% — на языке каннара. Остальные 13% говорят на языках хинди, урду, бхили и др.

В Центральных провинциях 53% говорят на хинди, 34% — на маратхи, 6% — на гонди и 7% приходится на более мелкие языковые группы.

Из 16 млн. жителей княжества Хайдарабад 50% говорят на языке телугу, 26,5% — на маратхи, 12,5% — на каннара, свыше 10% — на языке урду и менее 1% — на ряде других языков.

В княжестве Кашмир 40% жителей говорят на языке кашмири, 25% — на панджаби, 19% — на различных диалектах, объединяемых под именем «западного пахари».

Наряду с этим сплошная территория, населённая одним народом, благодаря наличию княжеств и произволь-

¹ «Indian Statutory Commission», part I, p. 85.

ным границам провинций разбивается между большим количеством административно-политических единиц.

Так, территория, населённая народом гуджарати, разделена между Бомбейской провинцией, княжеством Барода и княжествами Катхиавара и Гуджарата. Причём из 12 млн. человек, говорящих на языке гуджарати, 3,7 млн. приходится на Бомбейскую провинцию, 2,3 млн. — на княжество Барода, 2 млн. — на княжества Гуджарата, остальные 4 млн. — на княжества Катхиавара. Из 30 млн. человек, говорящих на телугу, около 20 млн. приходится на Мадраскую провинцию, около 8 млн. — на княжество Хайдарабад и остальные 2 млн. — на княжество Майсур. Маратхи, численность которых определяется в 22 млн., разделены между следующими административно-политическими единицами: Бомбейская провинция и княжества Деккана — 12 млн., Центральные провинции и Берар — 6 млн. и княжество Хайдарабад — 4 млн. человек.

12 млн. каннара разделены следующим образом: Мадраасская провинция — 2 млн., Бомбейская провинция и княжества Деккана — 3 млн., княжество Майсур — 5 млн., княжество Хайдарабад — 2 млн. человек.

До расчленения Индии на Индийский союз и Пакистан 90% всех бенгальцев были сосредоточены в провинции Бенгалия и более 90% пенджабцев — в Пенджабе. Однако после расчленения Индии эти, более или менее однородные в отношении национального состава населения, провинции были разделены между вновь образованными доминионами.

С одной стороны, раздробление между отдельными провинциями и княжествами национальных территорий народов Индии тормозит их культурное развитие. Раздробление национальной территории между различными провинциями препятствует созданию различных национальных экономических организаций, проведению общенациональных культурных мероприятий и т. д. С другой стороны, в многонациональных провинциях нет достаточно благоприятных условий для развития каждой из населяющих её национальных групп. В них создаются трения между различными населяющими их национальностями в связи с распределением постов в администра-

тивном аппарате, распределением кредитов на школы, больницы и осуществлением других хозяйственных мероприятий.

Под предлогом многоязычия и неоднородности национального состава населения отдельных провинций английские правители тормозили перевод на языки местного населения делопроизводства не только центральных, общиндийских органов, но и провинциальных органов, хотя после первой мировой войны это требование поддерживалось не только Национальным конгрессом, но и значительно более умеренными местными организациями, в которых принимали участие многие либеральные и даже нелиберальные помещики, верные слуги английского империализма.

На индийских языках, на каждом из которых говорят миллионы людей, преподавание ведётся только в начальной и неполной средней школе, в полной же средней школе и во всех правительственных высших учебных заведениях и большинстве частных преподавание с начала XIX века и по сей день ведётся на английском языке. В результате этого окончить даже полную среднюю школу, не говоря уже о высшем учебном заведении, для индийца возможно только в том случае, если он выучит английский язык. В Индии более чем за столетний период функционирования современной системы образования лишь 3 млн. человек знакомы с английским языком.

Почти на всех важнейших индийских языках издаётся значительное количество газет и журналов. На некоторых языках, а именно на бенгали, хинди, урду, маратхи, гуджарати, тамиль и др., пишется довольно много оригинальных художественных произведений. Научная же литература на индийских языках ничтожна и ограничивается главным образом литературоведением и историей. Оригинальных работ по естественным или техническим наукам и даже по медицине почти нет, а переводные представляют главным образом научно-популярные брошюры.

Благодаря тому, что индийская интеллигенция получает образование на английском языке, а наиболее квалифицированная её часть — даже в Англии, многие индийские интеллигенты и деятели национально-освободитель-

ного движения лучше владеют английским языком, чем своим родным. Индийские учёные пишут свои научные труды на английском языке. В Индии имеется ряд писателей-индийцев, которые пишут свои произведения на английском языке. Такой отрыв интеллигенции от народа является одним из ярких проявлений тлетворного влияния, которое английское господство оказало на народы Индии, на развитие их национальных культур.

Эти последствия английского господства продолжают довлеть над Индией, и для ликвидации их потребуются большие усилия и значительный промежуток времени.

Пережитки феодальной политической раздроблённости, административные деления, не соответствующие расселению национальностей Индии и её экономическому районированию, преграды, поставленные английским империализмом на пути развития национальных языков и культур народов Индии, противоречат интересам широких слоёв населения, не только трудящихся, т. е. рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции, но и местной буржуазии.

В движении за самоопределение национальностей Индии принимают участие очень разнородные в классовом отношении элементы. В своей работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин дал классическую характеристику национальных движений. Он писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом или покупателем.

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»¹.

Именно за «государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке», за устранение «всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» и борются в той или иной мере прогрессивные элементы всех индийских народов.

Но в Индии, как в стране колониальной, борьба против феодальных элементов, тормозящих развитие её национальностей, невозможна без борьбы против опирающегося на эти феодальные элементы, консервирующего пережитки феодальных отношений английского империализма. Поэтому движение всех национальностей Индии является движением не только антифеодальным, но и антиимпериалистическим. Именно этот однородный по своему политическому содержанию характер движений отдельных национальностей Индии сделал возможным слияние всех этих движений в единое, всеиндийское, антиимпериалистическое движение, которое заслонило собой движения отдельных национальностей.

Отсюда следует, что национальные движения отдельных национальностей Индии являются по своей сущности движениями буржуазно-демократическими, антифеодальными и национально-освободительными.

Движения эти прогрессивны, ибо они направлены против пережитков феодализма, против колониального гнёта и против преград, стоящих на пути хозяйственного и культурного развития народностей Индии.

Требование ликвидации княжеств и национально-государственного размежевания Индии является, несомненно, прогрессивным, ибо без этого невозможна демократизация всего политического строя Индии, невозможно всестороннее (даже капиталистическое) развитие её экономики.

Критикуя заявление Розы Люксембург о невозможности предоставления автономии отдельным националь-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 428.

ностям России вследствие того, что население губерний России неоднородно в национальном отношении, В. И. Ленин писал:

«Смешно толковать об условиях и требованиях современного капитализма и брать не «современные» и не «капиталистические», а средневековые, крепостнические, казенно-бюрократические административные деления России, притом в самой грубой их форме (губернии, а не уезды). Ясно, как день, что не может быть и речи ни о какой, сколько-нибудь серьезной местной реформе в России без уничтожения этих делений и замены их *действительно* «современными», действительно отвечающими требованиям *не казны, не бюрократии, не рутин, не помещиков, не попов, а капитализма делениями*, — причем среди современных требований капитализма будет, несомненно, требование возможно большего единства национального состава населения, ибо национальность, тождество языка есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота»¹. Эти слова В. И. Ленина полностью применимы и к Индии.

Также прогрессивным является и требование об устранении всяких препятствий, стоящих на пути развития языка и культуры народностей Индии, ибо без развития национальных языков невозможно вовлечение широчайших масс индийских трудящихся в хозяйственную и политическую жизнь страны, поднятие их культурного уровня.

Требования национальных движений в Индии можно свести к следующим основным пунктам:

1. Ликвидация политической раздробленности страны, уничтожение феодальных княжеств и изменение административно-политического деления Индии в соответствии с национальным составом её населения.

2. Предоставление широкой автономии национальным областям Индии.

3. Устранение всех препятствий на пути развития языка и культуры народов Индии.

В конечном счёте все эти движения ставят своей целью достижение полной независимости Индии и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 156—157.

превращение её в федерацию национальных государственных образований.

Не все национальные движения в Индии с одинаковой чёткостью и последовательностью выдвигают и отстаивают выше сформулированные требования; это зависит от того, на каком уровне развития стоит данная национальность, какие общественные группы играют ведущую роль в национальном движении данной национальности. Наиболее последовательно эти требования выдвигаются такими относительно развитыми национальностями Индии, как маратхи, бенгали, каннара и андра, но их выдвигают также и другие национальности: ория, патаны, малаяли. В отношении движения народа андра за его воссоединение в докладе комиссии Саймона сказано: «Требование образования провинции Андра, или Телугу, выдвинутое впервые 17 лет тому назад (т. е. в 1912 г. — *А. Д.*), на конференции округов с населением, говорящим на телугу, остаётся в течение многих лет и сейчас превратилось в важную политическую проблему»¹.

В речи на конференции по вопросам просвещения в 1916 г. Ганди говорил: «Английский язык не повлиял в такой же степени на телугу (как на тамилы. — *А. Д.*). Они поэтому широко используют свой язык. Они не только пытаются сделать язык телугу средством преподавания, они возглавляют движение за передел Индии на основе языка населения»².

В 1935 г. конгрессовские организации конгрессовских провинций — Андра, Карнатака и Кералы — потребовали от Национального конгресса, чтобы он поддержал их требование о создании отдельных административных провинций Андра, Карнатак и Керала, объединяющих всё население, говорящее на языках телугу, каннара и малаялам³.

В 1938 г. на 7-й конференции объединённого Карнатака было выдвинуто требование об объединении в единую провинцию всех районов Бомбейской, Мадрасской провинций и Курга, населённых народом каннара, в еди-

¹ «Indian Statutory Commission», part I, p. 56.

² *Gandhi*, op. cit., p. 341.

³ «Modern Review», August 1938, p. 130.

ную провинцию. Там же высказывалось мнение о необходимости включения в эту провинцию населённых канарцами княжеств¹.

В Бенгалии требование объединения всех бенгальцев в пределах единой провинции было выдвинуто ещё в 1903 г., в период первого её раздела. Требование это особенно усиленно стало выдвигаться в связи с победой Национального конгресса на выборах в провинциальные законодательные собрания в 1937 г. В 1938 г. Амия Басу писал: «Наше требование о присоединении к Бенгалу всех районов соседних провинций с населением, говорящим по-бенгальски, основано на принципиальной базе. Бенгальцы не требуют присоединения к Бенгалии районов, где население не говорит на бенгали».

Мы уже упоминали о конференции объединённой Махараштры, состоявшейся в 1940 г., которая выдвинула требование об объединении в пределах одной административно-политической единицы всех районов с населением, говорящим на языке маратхи, включая территории княжеств и португальскую колонию Гоа.

В гораздо меньшей мере эти требования и особенно требование о выделении в самостоятельные административно-политические единицы районов Индии с однородным по национальному составу населением выдвигаются и поддерживаются буржуазией и интеллигенцией Страны тамилы и Гуджарата. И хотя конгрессовские организации Тамиль нада и Гуджарата поддерживают требования переустройства административно-политического деления Индии на основе языка населения, движение за проведение этого требования в жизнь в этих областях значительно слабее, чем в Андхрадеше, Бенгалии и т. д.

Относительная слабость движения за «национальное размежевание» Индии в Тамиль наде и Гуджарате объясняется отнюдь не слабым развитием капитализма в этих районах или тем, что гуджарати и тамилы являются менее сформировавшимися национальностями, чем, скажем, бенгальцы или андхра. Эти национальности Индии принадлежат к числу наиболее развитых. Но буржуазия

---

¹ «Modern Review», July 1938, p. 77.

Гуджарата играет особенно видную роль в промышленности и торговле Индии, а поэтому она гораздо более заинтересована в общеиндийском рынке, чем в своём национальном. Кроме того, в руках гуджаратских купцов — бания, ходжа и т. д., а также тамильских четти сосредоточена значительная часть торговли в восточноафриканских владениях Англии, в Южно-Африканском Союзе, в Малайе, на острове Маврикия, Цейлоне и даже на островах Тринидад и Ямайка. Это другая причина меньшей заинтересованности гуджаратской и тамильской буржуазии в национальном рынке, чем в общеиндийском и колониальном. По этой же причине в конгрессовских организациях Гуджарата и Тамиль нада преобладают правые группировки, т. е. политические течения, представляющие интересы крупного национального капитала, склонные к компромиссу с иноземными империалистами. Однако демократические слои населения Гуджарата и Тамиль нада принимают активное участие в антифеодальной и антиимпериалистической борьбе.

Национальная буржуазия Махараштры, Карнатака, Страны андхра и Кералы относительно слаба и более заинтересована в своём внутреннем национальном рынке, чем в общеиндийском. Кроме того, территории маратхов, каннарцев, телугу и малаяли более всего раздроблены между различными провинциями и княжествами. Поэтому национальные движения этих народов носят более ярко выраженный антифеодальный и антиимпериалистический характер и левые мелкобуржуазные элементы в них сильнее.

В крестьянском движении Кералы и Андхрадеша значительным влиянием пользуются коммунисты. Особенностью маратхского и бенгальского национальных движений является резкое классовое расслоение. В Махараштре, на территории которой находятся такие крупные промышленные центры, как Бомбей, Нагпур, Шоллапур, рабочее движение возникло ранее, чем в других областях Индии, рабочий класс более организован и политически сознателен, чем в остальных районах страны. Там наиболее сильны профсоюзы и коммунистические организации. С другой стороны, среди маратхской интел-

лигенции и буржуазии сильны шовинистические традиции и велико влияние таких организаций, как Хинду махасабха. Произошло как бы расслоение двух противоречивых тенденций, которые имели место во взглядах крупнейшего политического деятеля Махараштры — Тилака. Революционные, антиимпериалистические взгляды Тилака способствовали распространению в Махараштре социалистических идей, его антимусульманские взгляды — развитию индусского религиозно-общинного движения. Маратхский шовинизм питается также и историческими традициями маратхов, которые в XVIII веке правили почти всей Индией.

Нужно учесть, что значительная часть маратхской интеллигенции происходит из высших каст, особенно из касты браминов, и связана с землевладением. Маратхи играли ведущую роль в Национальном конгрессе в конце XIX и в начале XX века. Достаточно вспомнить такие имена, как Гокхале, Тилак. Однако с усилением влияния в Национальном конгрессе промышленной буржуазии роль маратхов в этой организации упала, они были оттеснены, как и бенгальцы, гуджаратцами, марвари и хиндустанцами.

Небезынтересно привести характеристику маратхов, которую даёт Дж. Неру в книге «Открытие Индии». Он пишет: «Бомбей стал центром и штабом промышленности, торговли, банков, страховых компаний и т. д., которые находятся во владении индийцев. Парсы, гуджаратцы и марвари играют ведущую роль во всех этих областях деятельности, и следует отметить, что махараштрийцы, или маратхи, играют в ней очень незначительную роль. Бомбей — огромный космополитический город, но его население состоит главным образом из маратхов и гуджаратцев. Маратхи проявили себя в области свободных профессий и науки; они, как и можно было ожидать, хорошие солдаты; большое число их работает на текстильных фабриках рабочими. Они стойки и выносливы, а область их бедна...»¹

---

¹ *Nehru J., Discovery of India, p. 281.*

В Бенгалии большая часть крупной промышленности принадлежит английскому капиталу. Национальная, бенгальская, промышленная буржуазия слаба. Но в Бенгалии многочисленнее, чем в любой другой провинции Индии, прослойка интеллигенции. Среди этой интеллигенции имеются как выходцы из среды крупных помещиков, завладевших землёй после проведённого англичанами земельного закона 1793 г., так и представители верхних прослоек арендаторов и субарендаторов. Эта интеллигенция по большей части принадлежит к «благородным» кастам Бенгалии — браминам и каястхам, т. е. к числу «бхадралок» («лучших людей»). Верхняя прослойка этой интеллигенции, благословлявшая англичан за то, что последние превратили бенгальских откупщиков в земле-владельцев, уже в XIX веке играла большую роль в аппарате англо-индийского правительства. Её идеологи Сурендра Натх Баннерджи, Мазумдар и другие играли видную роль в национальном движении и в Национальном конгрессе на тех этапах его развития, когда руководящую роль в нём играли либеральные помещики и узкая прослойка национальной буржуазии и интеллигенции, когда требования этого движения не шли дальше жалких реформ управления. Впоследствии эти элементы отошли от Национального конгресса и стали играть руководящую роль в таких организациях, как Либеральная федерация и Хинду махасабха. Но наряду с этим правым течением в Бенгалии ещё в XIX веке появилось демократическое, антианглийское, антиимпериалистическое течение. Провозвестником его был известный бенгальский писатель Банким Чандра Чаттерджи. Среди сторонников Тилака в Национальном конгрессе было много бенгальцев. Впоследствии среди мелкобуржуазной бенгальской интеллигенции большое распространение получило террористическое движение, выросшее из экстремизма. И в настоящее время наряду с правыми элементами, близкими к Хинду махасабхе, в Бенгалии значительным влиянием пользуются левые мелкобуржуазные группы, входящие в Форвард блок¹.

¹ Мелкобуржуазная организация, входившая до 1948 г. в состав Конгресса.

Рабочий класс Бенгалии многочисленнее рабочего класса Махараштры, но, как было указано выше, значительная часть рабочих Калькутты — не бенгальцы, и это обстоятельство затрудняет влияние рабочего класса на национальное движение Бенгалии.

Вследствие того, что в бенгальском национально-освободительном движении руководящую роль играла индусская интеллигенция из высших каст, большинство бенгальских антиимпериалистических организаций оказалось оторванным от мусульманского крестьянства Восточной Бенгалии.

Среди этого крестьянства повела работу мусульманская организация, так называемая Всебенгальская крестьянская партия (Николь бангла проджа кришок шомити), во главе которой стоял такой откровенный английский агент, как Фазлул Хакк. Перед второй мировой войной в Бенгалии очень усилилось влияние Мусульманской лиги. Таким образом была постепенно подготовлена почва для раздела Бенгалии, осуществлённого в 1947 г.

Джавахарлал Неру в работе «Открытие Индии» даёт интересную характеристику роли бенгальцев в национальном движении. Он пишет: «Бенгальцы были первыми из тех, которые стали заниматься адвокатурой, многие из них очень преуспевали и создали славу своей профессии. Они были также политическими лидерами. Они не включились в растущую промышленную деятельность или по недостатку склонности или по другим причинам. В результате, когда промышленность начала играть важную роль в жизни страны, Бенгалия потеряла свою выдающуюся роль на поприще политики. Прежний курс, когда бенгальцы растекались из своей провинции как правительственные чиновники или в других ролях, принял обратное направление, и люди из других провинций полились в Бенгалию, особенно в Калькутту, и проникли там в коммерческую и промышленную жизнь. Калькутта была и остаётся главным центром британского капитала и индустрии, и англичане и шотландцы господствуют там в деловой сфере; но их обгоняют марвари и гуджарати. Даже мелкая торговля в Калькутте часто находится в руках

небенгальцев. Тысячи шофёров такси в Калькутте — почти без исключения сикхи из Пенджаба»¹.

Действительно, когда руководство в Национальном конгрессе перешло в руки промышленной буржуазии, а либеральные помещики были оттеснены на второй план, то в руководящих органах Национального конгресса место бенгальцев заняли гуджарати и марвари. Но Национальный конгресс не олицетворяет собой национально-освободительного движения Индии в целом. Дж. Неру считает единственной движущей силой национального движения «средние классы», т. е. буржуазию, поэтому с его точки зрения нация, в которой слаба промышленная буржуазия, не может играть активной роли и в движении. Однако уже после первой мировой войны индийская буржуазия, особенно её высший слой, или вовсе отошла от антиимпериалистической борьбы, или же играла в этой борьбе роль наименее стойкого, всегда готового предать движение участника. Часто она солидаризировалась с англичанами против индийского народа. В центральных же органах Национального конгресса представители интересов крупной промышленной буржуазии продолжают играть преобладающую роль. Поэтому бенгальцы, так же как в значительной мере и маратхи, потеряли влияние в руководящих органах Национального конгресса. В Бенгалии имеются сильные профсоюзные организации и организованное крестьянское движение. Значительным влиянием не только среди рабочих, но и среди крестьянства пользуется коммунистическая партия. Большую активность проявляет демократическая часть бенгальской интеллигенции. Если роль Бенгалии в национальном движении за последнее время несколько упала, то основной причиной этого является не слабость бенгальской национальной буржуазии, а усиление религиозно-общинной розни, которая ослабила национально-освободительное движение в этой провинции. В массовых антиимпериалистических выступлениях 1945 г. рабочие и студенты Калькутты играли роль застрельщиков. Именно в Калькутте началась борьба против английского

---

¹ *Nehru J., Discovery of India, p. 281.*

правительства в сентябре 1945 г. в связи с судом над солдатами и офицерами так называемой «индийской национальной армии». Раздел Бенгалии между Хиндустаном и Пакистаном, отрыв её промышленных районов от сельскохозяйственных, несомненно, на первых порах ослабит демократическое движение в этой провинции.

В Соединённых провинциях и Бихаре местная буржуазия также относительно слаба. Промышленные предприятия находятся там в руках марвари и частично в руках английского капитала. Земельная собственность в значительной мере сосредоточена в руках крупных помещиков. Поэтому демократическое движение здесь сильно развито, крестьянство проявляло большую политическую активность и имелись сильные крестьянские организации. В промышленных центрах коммунисты пользуются большим влиянием. В этих провинциях местные конгрессистские организации находились долгое время под влиянием левых элементов, не чуждавшихся даже социалистической демагогии, а поэтому влияние Конгресса на массы очень велико.

Равнина вдоль верхнего и среднего течения Ганга, которая теперь включена в Соединённые провинции и Бихар, играла огромную роль в истории Индии. Здесь находился центр наиболее обширных империй Индии как в древний период, так и в средние века. Здесь находятся важнейшие религиозные центры Индии — Бенарес, Аллахабад и её столица Дели. Поэтому литературный язык этих провинций, сначала брадж бхаша, а затем хиндустани, распространился в качестве языка межнациональных сношений почти по всей Северной Индии, и последний в настоящее время претендует на роль государственного языка Индии.

Среди интеллигенции названных двух провинций сильны великодержавные тенденции, создающие почву для деятельности таких организаций, как Хинду махасабха и Раштрия севак санг.

В Пенджабе религиозно-общинная рознь особенно отразилась на развитии национально-освободительного антиимпериалистического движения. Мусульманское большинство его населения находилось под влиянием

помещичьей партии Юнионистов¹, открыто поддерживавшей английское господство в Индии. В Пенджабе после первой мировой войны антиимпериалистическое движение приняло особенно острый характер, но это было стихийное движение. Наиболее передовую роль в антиимпериалистическом движении Пенджаба играли сикхи, и переселение их огромного большинства в пределы Восточного Пенджаба, вошедшего в состав Индии, ослабляет демократическое движение в Западном Пенджабе. Нет никакого сомнения в том, что английские правящие круги имели это в виду при проведении в жизнь раздела Пенджаба.

Такова сжатая характеристика национальных движений основных национальностей Индии.

---

¹ Юнионисты — помещичья проанглийская партия Пенджаба.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ИНДИИ И АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В настоящей главе мы рассмотрим национальную политику английских правящих классов и таких всеиндийских политических партий, как Национальный конгресс, Хинду махасабха и Либеральная федерация. Национальная программа Мусульманской лиги будет рассмотрена ниже. Особая глава посвящена национальной программе коммунистической партии Индии.

В рядах Национального конгресса были представлены все национальности Индии. Естественно, что Национальный конгресс не мог не считаться с требованиями отдельных национальных движений. Ещё в 1903 г., протестуя против раздела Бенгалии, Национальный конгресс принял резолюцию, требующую объединения всех территорий, населённых бенгальцами, в единую провинцию.

В 1920 г., перестроив сеть своих организаций в соответствии с национальным районированием страны, Национальный конгресс этим самым принципиально высказался за перестройку на национальной, или, как принято говорить в Индии, на языковой, основе всего административного деления Британской Индии.

Это требование ещё определённое выражено в отчёте Комитета всепартийной конференции 1928 г., т. е. в так называемой «конституции Неру».

Вот что говорится в этом отчёте: «Каждый знает, что существующее разграничение провинций не имеет рациональной основы. Оно обязано только случаю и обстоятельствам, сопровождающим рост британской власти в Индии. В целом оно имеет мало отношения к географи-

ческим, историческим, экономическим или языковым границам, и даже с точки зрения чисто административной оно не является успешным».

Далее выдвигается принцип, которому конференция рекомендует следовать при перестройке административно-политического деления Индии: «Главное внимание должно быть уделено желаниям народа и языку соответствующего района. Всеми признано, что быстрое развитие в области просвещения, а также и культуры в целом в большинстве областей общественной жизни зависит от языка. Если мы хотим, чтобы провинции быстро развивались, мы должны добиться того, чтобы вся работа в них проводилась на языке их населения. Отсюда особенно желательно, чтобы провинции были организованы на базе языка населения. Язык, как правило, совпадает с особой разновидностью культуры, традиций, литературы. В областях, созданных на базе языка, все эти факторы будут помогать друг другу в общем прогрессе провинции»¹.

В резолюции «Об основных правах», утверждённой в 1931 г. в городе Карачи, которая по сути дела является программой Национального конгресса, сказано: «Гарантируется развитие культуры языка и шрифта меньшинств, а также различных языковых районов»².

В уставе Конгресса сказано: «В то время как общим языком страны должен быть хиндустан, провинциальные языки должны быть господствующими в соответствующих районах»³.

В предвыборном манифесте Национального конгресса в 1945 г. говорится: «Конгресс рассмотрел вопрос о свободном демократическом государстве, обеспечивающем основные права и свободы для всех граждан. Устройство государства, по мнению Конгресса, должно быть федеративным с предоставлением автономии его составным частям и с законодательными органами, избираемыми на основе всеобщего избирательного права. Индийская

¹ «All Parties Conference», p. 62.

² *Nehru J.*, The unity of India. Supplement.

³ *Ibidem*.

федерация должна быть добровольным союзом её различных частей».

Однако в этом манифесте не говорится, каковы будут составные части Индийской федерации, а в резолюции, предложенной Дж. Неру индийскому учредительному органу 13 декабря 1946 г., говорится об Индийском союзе как о союзе провинций и княжеств.

Руководящие круги Национального конгресса хотя и соглашались принципиально с требованиями своих местных национальных организаций в отношении создания «языковых» провинций и применения местных языков в государственном делопроизводстве и в школах всех ступеней, но они не придавали этим требованиям такого большого значения, как местные организации.

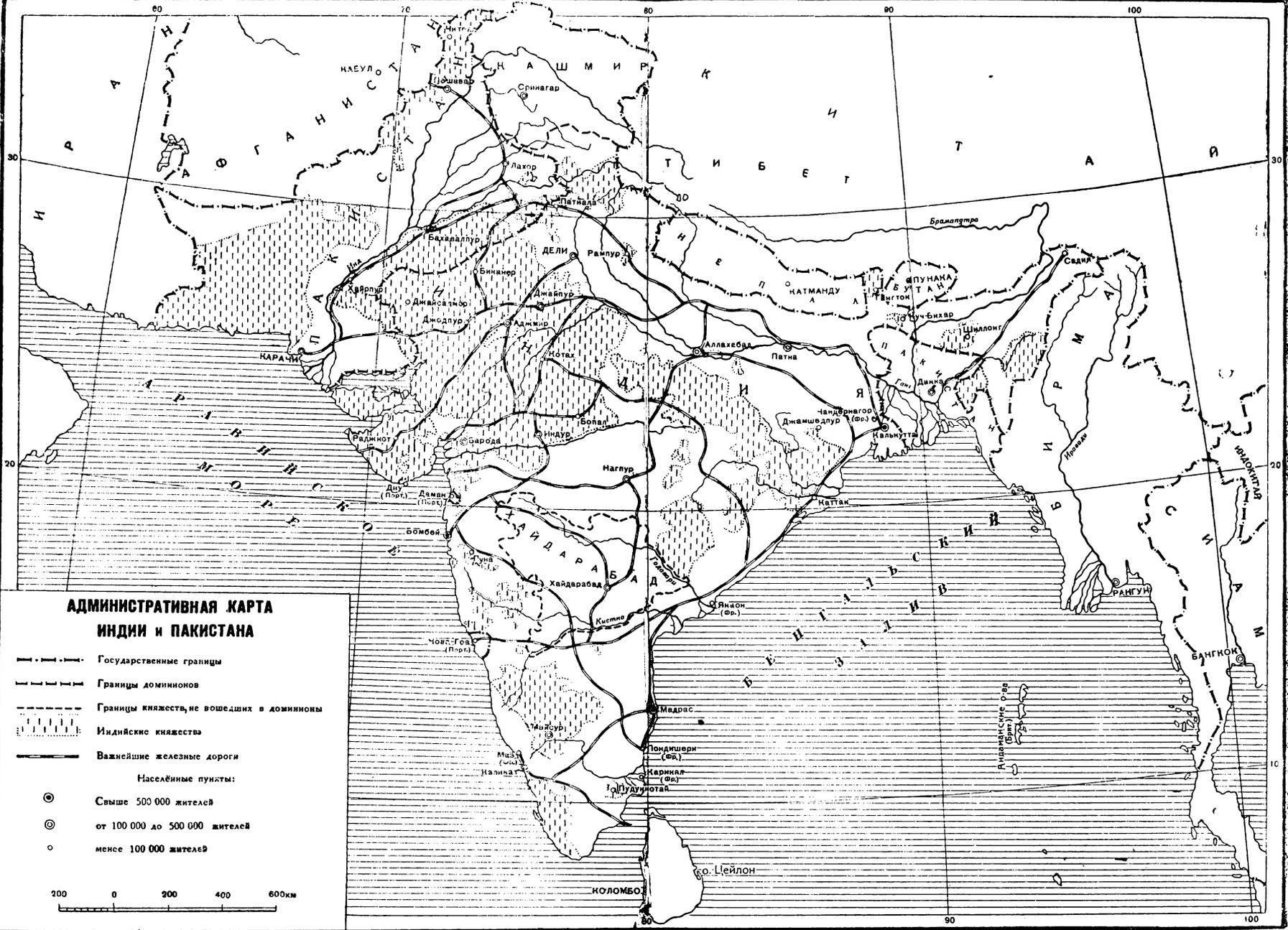
Более того, они стремились сдержать движение за преобразование административного деления, отложить осуществление его требований на более или менее отдалённое будущее.

Как будет показано ниже, особенно велико было расхождение требований ряда местных организаций Конгресса и линии центральных его органов по вопросу о княжествах. Конгресс ни в одной своей резолюции не выдвигал требования упразднения княжеств, тогда как организации конгрессовских провинций Карнатака, Махараштры и Кералы выдвигали требование упразднения княжеств как одну из важнейших задач переустройства Индии.

Всеиндийский комитет Конгресса и его Рабочий комитет неоднократно принимали решения, призывающие провинциальные комитеты прекратить агитацию за выделение «языковых» провинций.

Так, в резолюции от 25 июля 1935 г. бюро Национального конгресса вынесло следующее решение по этому вопросу: «Уверяя народы страны Андхра, Карнатака и Кералы, что создание отдельных провинций на основе языка населения будет предпринято как часть будущей схемы государственного устройства Индии, как только Конгресс будет в силах это сделать, Конгресс призывает их в то же время приостановить дальнейшую агитацию в этом направлении»¹.

¹ «Modern Review», August 1938, p. 130.

Таким образом, в то время как в ряде провинциальных организаций Национального конгресса преобладают федералистские тенденции, в центральных органах большую роль играют централистские стремления. Эти расхождения получили яркое выражение в отношении к вопросу об общеиндийском языке.

Ещё в 1916 г. Национальный конгресс принял решение о том, чтобы языком всеиндийских съездов и конференций, общеиндийских печатных органов и т. д. вместо английского языка сделать язык хиндустани. Выбор Конгресса пал именно на язык хиндустани на том основании, что этот язык играет в Северной Индии, а частично и за пределами её, в Деккане, роль межнационального языка и в большей или меньшей мере распространён среди городского населения.

В открытом письме в индийские газеты Ганди ещё в 1918 г. писал: «Хинди и только хинди в санскритизированной ли форме или в форме «урду» может стать языком сношений между различными провинциями. Он является уже таковым среди мусульман по всей Индии, а также и среди индусов, за исключением Мадрасского президентства»¹.

Дж. Неру писал по вопросу об общеиндийском языке: «Единственным возможным общеиндийским языком является хиндустани. На нём уже говорят 120 млн., и его частично понимают десятки миллионов других. Даже те, которые теперь не знают его совсем, могут выучить его гораздо легче, чем любой иностранный язык»².

Приведённые выше высказывания Неру и Ганди полностью выражают взгляды руководящих кругов Национального конгресса на вопрос об общеиндийском языке. Но далеко не все его местные организации принимают эти взгляды. Многие видные бенгальские конгрессисты, а также конгрессисты провинций Махараштры, Карнатака, Кералы, Андхрадеш и Тамиль нада выступают против признания хиндустани межнациональным языком Индии. Многие конгрессисты этих провинций и особенно

¹ *Gandhi*, op. cit., p. 250.

² *Nehru J.*, *Eighteen months in India*, p. 250.

бенгальцы и тамилы считают, что, поскольку их языки имеют более богатую литературу, чем хиндустани, они не должны быть оттеснены на второй план. Возражения против хиндустани мотивируются тем, что введение хиндустани в качестве общиндийского языка принесёт ущерб развитию местных национальных языков.

Спор об общиндийском языке и расхождении в Национальном конгрессе по этому вопросу являются одним из выражений двух тенденций в национальном движении, а именно: тенденции федерализма и тенденции централизма. Борьба этих двух тенденций в Конгрессе отражает противоречия между гуджаратско-марварской буржуазией, стремящейся к полному господству на общиндийском рынке, и более слабой буржуазией остальных народностей Индии, которая стремится вырвать свои национальные рынки не только из рук английского, но и из рук гуджаратско-марварского капитала.

Большинство приведённых выше решений Национального конгресса по национальному вопросу представляет собой компромисс между этими двумя тенденциями. Национальный конгресс не мог не считаться с требованиями своих местных организаций, поэтому он поддерживал программу изменения административного деления Индии и обещал создать условия для развития языка и культуры всех её народов, но ни в одной из своих резолюций Национальный конгресс не высказался за право наций Индии на самоопределение, вплоть до отделения и образования отдельных государств. Более того, многие видные деятели Национального конгресса участвовали в годы второй мировой войны в движении за «неделимую Индию» (Акханд Хиндустан), в котором активнейшую роль играли лидеры Хинду махасабхи и которое только подлило масло в огонь пакистанского движения.

Когда в 1944 г. Раджагопалачария повёл кампанию в Конгрессе за принципиальное признание права мусульманских областей Индии на отделение, а Ганди принял формулу Раджагопалачария и на основе её повёл переговоры с Джинной, то многие видные члены центральных органов Конгресса осуждали Раджагопалачария и Ганди. Этот факт является ярким показателем преобладающего

влияния гуджаратско-марварской группировки в центральных органах Национального конгресса.

За последнее время произошло сближение между правыми группировками Национального конгресса и Хинду махасабхой. Сближение это особенно заметно было в таких провинциях, как Бенгалия, Пенджаб, Ассам и Синд, включения которых в Пакистан требовала Мусульманская лига.

Но если Национальный конгресс выступал только против развёртывания движения, но принципиально высказывался за создание национальных областей, то Хинду махасабха и многие либералы стояли за сохранение существовавшего до расчленения Индии административно-политического деления.

Так, профессор бенаресского индусского университета Бени Прасад в своей работе «Индусско-мусульманский вопрос» писал: «Идея реорганизации административного деления Индии на основе языка населения пробуждает сепаратистские тенденции очень маленьких групп на базе их различных диалектов. Ей можно следовать только с риском атомизации страны. Она ослабляет стремление к взаимному приспособлению у групп, которые не разнятся радикально одна от другой и которые легко могут научиться жить в дружбе». Нет никакого сомнения, что профессор Бени Прасад выступает в данном случае как идеолог таких всеиндийских капиталистических компаний, как Тата, Бирла и др.

Национальные движения в Индии являются по своему характеру антифеодальными и антиимпериалистическими движениями, они ставят своей целью устранение препятствий, стоящих на пути развития отдельных народов Индии. Поэтому английские правящие круги не шли навстречу требованиям этого движения, стремились его ослабить путём разжигания религиозно-общинной розни и поддержки феодальных князей.

Современная точка зрения английских правящих кругов на национальные движения выражена особенно ярко в работе Куплэнда, который старается доказать, что это движение ведёт к «балканизации» Индии. Признавая «естественность» требования отдельных народов Индии

о создании национальных провинций, Куплэнд называет это требование опасным и грозящим тяжёлыми последствиями для Индии. Он пишет: «Но как бы естественно это движение ни было, оно может завести слишком далеко. Конечно, удобно, чтобы все члены какой-либо политической единицы говорили на одном языке. Отделение Синда от Бомбея и Ориссы от Бихара было оправдано по этой причине. Но это была не единственная причина в этих случаях, и признать, что это может само по себе стать достаточной причиной во всех подобных случаях, это значит сделать такую ошибку, которая в значительной мере является причиной современных волнений во всём мире. Это значит отождествлять культуру с политикой, культурную свободу с самоуправлением, нацию с государством»¹.

Защищая выгоды для английского империализма старое административно-политическое деление Индии, Куплэнд пытается доказать, что оно далеко не так плохо, что и при его сохранении можно с успехом осуществить провинциальную автономию. Он пишет: «Неверно также утверждение, что современная структура провинций слишком искусственна, для того чтобы провинциальная автономия с успехом могла быть применима к ним. Это один из тех экстремистских аргументов, которые выходят за пределы действительности. Далеко не все границы сталкиваются с физическими, лингвистическими или расовыми подразделениями. Если исключить религиозные различия, в общем универсальные, Бенгалия удивительно однородна в отношении расы, языка и природы страны; также и Соединённые провинции, Пенджаб, Синд и Северо-Западная пограничная провинция. И политические единицы, как бы искусственны они ни были вначале, с течением времени и в силу обычая приобретают нечто вроде «естественности». Существование из поколения в поколение сильного провинциального правительства и его законов, провинциальных судов, провинциальных университетов, провинциальных общественных служб, группы провинциальных чиновников высшего и низшего ранга

---

¹ *Coupland*, op. cit., v. III, p. 39.

должно иметь объединяющее действие, создать чувство государственности, заставить народы провинции чувствовать, что это их провинция, вдохнуть в них провинциальный патриотизм. Несмотря на языковые различия и сепаратистские движения, уже одно длительное существование придаёт Мадрасу и Бомбею значительную степень сплочённости»¹.

Так представитель английских правящих кругов воспеваёт бюрократически казённое, насквозь средневековое административно-политическое деление Индии.

При утверждении конституции 1935 г. английские правящие круги под давлением движений населения Ориссы и Синда, поддерживаемых Национальным конгрессом, а в отношении Синда также Мусульманской лигой, вынуждены были отделить Ориссу от Бихара и Синд от Бомбея. Правда, как говорит Куплэнд, не только эта причина побудила правящие круги Англии пойти навстречу требованиям национального движения. Они надеялись, что, оторвав более отсталую Ориссу от Бихара и Синд от Бомбея, создадут провинции, где будет более «спокойная» политическая атмосфера и национальное движение будет слабее. Но на деле оказалось не так. Повидимому, с точки зрения англичан, опыт этот не оправдал себя, по крайней мере в отношении Ориссы, которая оказалась одним из очагов национального движения. Именно поэтому в предложениях Петик Лоренса мы уже не видим даже признака намерения английских правящих кругов пересмотреть административно-политическое деление Индии. Наоборот, схема административного деления Индийского союза, предложенная 16 мая 1946 г., исходила из неизменности провинций и из возведения над старым административно-политическим делением Индии особых политических надстроек, созданных с учётом только религии населения.

Отрицательное отношение английских правящих кругов к переделу Индии «на основе языка» населения, т. е. к созданию однородных в отношении национального состава населения провинций, объясняется тем, что такая

---

¹ *Coupland*, *op. cit.*, v. III, p. 40.

перестройка административно-политического деления Индии ставит под угрозу важнейшие рычаги господства английского империализма в Индии, а именно — индийские княжества и религиозно-общинную рознь. Создание в пределах Британской Индии «национальных провинций» повлекло бы за собой стремление народов Индии к полной ликвидации всех административно-политических границ, дробящих на много кусков территории ряда народов Индии, и в первую очередь феодальных индийских княжеств, без ликвидации которых решительная демократизация политического строя Индии невозможна. Но и разжигание религиозно-общинной розни было бы затруднено. Индийский союз состоял бы не из государственных образований, созданных на основе религии населения, а из национальных объединений, которые *трудно было бы* противопоставлять друг другу. Создание административно-политических единиц, объединяющих в своих границах население, однородное в национальном отношении, дало бы толчок развитию национальной культуры народов Индии, ускорило бы ликвидацию феодальных пережитков и способствовало бы изжитию религиозно-общинной розни. Нужно при этом сказать, что при размежевании провинций по национальному принципу провинции эти были бы, за исключением Бенгалии, более однородны и в отношении религии населения. Поэтому коммунистическая партия Индии в своих декларациях заявляла, что национально-государственное размежевание Индии и предоставление *не провинциям и княжествам, а национальным территориям Индии* права самоопределения решило бы и индусско-мусульманскую проблему гораздо безболезненнее и более радикально, чем расчленение Индии на Индийский союз и Пакистан.

Английская политика эпохи империализма является политикой консервирования пережитков феодализма и опоры на них. Национально-государственное размежевание Индии явилось бы мероприятием демократическим, которое способствовало бы ликвидации феодальных пережитков и было бы действительно прогрессивным. Более того, без этого те преграды, которые стоят на пути развития народов Индии, которые обуславливают их чудо-

вищную отсталость по сравнению с народами Европы, Америки и Дальнего Востока, не могут быть полностью устранены.

В. И. Ленин писал в своей статье «О праве наций на самоопределение»:

«Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний «великих держав» либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т.-е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и порабощать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства»¹.

В. И. Ленин писал эти строки в 1914 г., т. е. в тот период, когда капитализм ещё господствовал во всём мире. Но и теперь, в эпоху общего кризиса капитализма, когда капитализм перестал быть уже безраздельно господствующим строем, эти слова ни в какой мере не потеряли своего значения. Без ликвидации всех феодальных пережитков невозможно ни дальнейшее развитие Индии в целом, ни развитие отдельных её народов. Только как независимая федерация национальных демократических республик Индия сможет ликвидировать свою отсталость и занять соответствующее ей место среди стран мира.

Осуществлённый в июне 1947 г. закон о расчленении Индии, лицемерно называемый английским правительством «Законом о порядке передачи власти Индии», ни в

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 430—431.

какой мере не разрешил национального вопроса. Расчленение Индии на Пакистан и Индийский союз проведено только с учётом религиозно-общинного состава населения и без учёта его национального состава.

При проведении границы между Индией и Пакистаном на западе была разрезана пополам территория Центрального Пенджаба, так что пенджабцы, которые до расчленения были почти все сосредоточены в пределах одной провинции, разделены в настоящее время между двумя доминионами.

До расчленения Индии 90% бенгальцев были объединены в провинции Бенгалия, только относительно небольшие части бенгальской национальной территории не входили в состав этой провинции. В настоящее время Бенгалия разделена на две провинции: Западную Бенгалию, входящую в состав Индийского союза, с населением в 24 млн., и Восточную Бенгалию, входящую в состав Пакистана, с населением в 39 млн. человек. Как Индийский союз, который охватывает большую часть территории Индии, так и Пакистан не являются государствами, однородными в отношении национального состава населения.

В Индийском союзе остались целиком территории тамилы, каннарцев и малаяли, а также территории — Махараштры, Гуджарата, Ориссы, Раджастан, Хиндустана и Бихара. В Пакистан вошла полностью территория Синда и Страны патанов. Территория Пенджаба и Бенгалии, как сказано было выше, расчленена между двумя доминионами; за Кашмир идёт борьба между Индией и Пакистаном, причём англо-американские империалисты вопреки воле кашмирцев поддерживают претензии Пакистана. Территория народа андхра разделена между Индийским союзом и княжеством Хайдарабад.

Таким образом, этот акт английского правительства создал новые затруднения на пути разрешения национального вопроса. Игнорирование законного и прогрессивного стремления индийских народов к созданию своих национальных государств в составе Индийского союза не может не иметь тяжёлых для Индии последствий.

В Пакистане особенно острой является патанская проблема. Движение за создание независимого Патани-

стана продолжается, и его поддерживает правительство Афганистана.

Использование правительством Пакистана афганских племён — афридиев и вазиров — для вторжения в Кашмир имело своей целью, кроме подчинения последнего Пакистану, ещё и отвлечение их от борьбы за Патанистан.

Бенгальская проблема, несомненно, также встанет и перед Индией и перед Пакистаном. Уже и сейчас как в Западной, так и в Восточной Бенгалии начинается движение за воссоединение.

Пенджабская проблема также не может считаться разрешённой после того, как 4 млн. сикхов и индусов были выселены из Западного Пенджаба, а 4 млн. мусульман — из Восточного Пенджаба.

Расчленение Пенджаба и Бенгалии, так же как и Кашмирская проблема, несомненно, будет ещё долгое время использоваться Англией и США для обострения отношений между Индией и Пакистаном.

Внутри Индийского союза до настоящего времени сохраняются старые административные деления, дробящие на много кусков территории ряда индийских национальностей. Правительство Индии является правительством крупной, т. е. в основном гуджаратско-марварской, буржуазии и не спешит с разрешением национального вопроса. Более того, боясь массового движения, оно стремится достигнуть соглашения с правителями крупных княжеств на основе признания неприкосновенности их территорий и сохранения их власти. Правительство Индии пошло на ликвидацию княжеств Ориссы, Соединённых провинций и на объединение части княжеств Деккана и Катхиавара, Пенджаба, Раджпутаны и др. Эти мероприятия не связаны с острыми конфликтами. Сами князья, чувствуя непрочность своего положения, за определённую компенсацию и с условием сохранения их частных земельных владений готовы были отказаться от своей довольно призрачной власти. Но посягнуть на такие княжества, как Хайдарабад, Майсур, Траванкур, Кочин, Барода, Гвалиор, индийская крупная буржуазия вряд ли решится, а без ликвидации этих княжеств невозможно объедине-

ние национальных земель маратхов, каннарцев, телугу, малаяли и др.

За последнее время в Индии замечается рост такой великодержавно настроенной организации, как Хинду махасабха, которая в 1945—1946 гг., в момент подъёма антианглийского движения, почти сошла на-нет. Несмотря на причастность этой организации к убийству Ганди, она продолжает действовать. В газетах и журналах, близких к Хинду махасабхе, ведётся в очень разнузданно-агрессивном тоне пропаганда за объявление языка хинди государственным языком Индии и алфавита деванагари государственным алфавитом. Когда речь шла о вытеснении английского языка из обихода общеиндийских организаций и замене его языком хиндустани, это требование было в значительной мере прогрессивным. Когда же хинди противопоставляется урду и национальным языкам ряда народов Индии, то это требование выражает великодержавные тенденции крупной индийской буржуазии.

Учредительное собрание Индии, выражая великодержавные стремления гуджаратско-марварской буржуазии, объявило государственными языками союза — языки хинди и английский. В новых законодательных учреждениях Индии депутатам будет только в исключительных случаях разрешено выступать на своём родном языке. Таким образом, индийская буржуазия, не освободившись от господства иноземного империализма, сама начала проводить политику национального неравенства и угнетения. Такова сущность буржуазного национализма. Буржуазия угнетённых наций борется за национальное равноправие, пока она угнетена, но как только она приходит к власти, то сейчас же начинает обеспечивать себе всякие привилегии в ущерб интересам других, более слабых наций. В работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин, говоря об отношении марксистов к национальному движению, писал: «Поскольку буржуазия нации угнетённой борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетённой нации стоит за свой буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями

и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации»¹.

Приняв план Маунтбэттена², крупная гуджаратско-марварская буржуазия пошла на соглашение с английским капиталом о разделе индийского рынка и стремится расширить свою сферу влияния на этом рынке, в первую голову за счёт вытеснения более слабых национальных буржуазий с их национальных рынков, и поэтому тормозит осуществление даже той, очень умеренной национальной программы, которую провозгласил Национальный конгресс до расчленения Индии. Индийская буржуазия не способна разрешить национальный вопрос.

Только победа демократических элементов и установление народно-демократического строя в Индии создаст условия для полного разрешения национального вопроса.

*   *
*

В связи с тем, что Индия в течение 200-летнего периода находилась в колониальной зависимости от Англии, развитие капитализма в ней задержалось. Задержался вследствие этого и процесс формирования наций. Он начался в XIX веке и не завершился до настоящего времени.

Развитие капитализма в колониальной Индии началось в районах, прилегающих к трём важнейшим её портам и экономическим центрам: Калькутте, Бомбею и Мадрасу. Поэтому народности, экономически тяготеющие к этим центрам, раньше других были втянуты в сферу капиталистического развития и начали складываться в нации. К числу таких народов относятся бенгалцы, ория и ассамцы в Восточной Индии, маратхи и гуджаратцы — в Западной Индии, тамилы, телугу, каннара и малаяли — в Южной Индии.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 440.

² Так именуется в индийской печати закон о расчленении Индии на Индийский союз и Пакистан.

Сюда же относятся ещё три народа северо-запада, которые также сформировались в нации, а именно: синдхи, афганцы и кашмирцы. В общем эта группа национальностей охватывает более 47,5% всего населения Индии.

В отдалённых от морского побережья областях Индии, а именно в бассейне Ганга и в Пенджабе, капитализм начал развиваться позднее, и процесс формирования наций ещё более задержался. Там нации находятся ещё в стадии становления. К этой группе относятся следующие народности: пенджабцы, раджастханцы, хиндустанцы и бихарцы, составляющие в общей сложности 48% всего населения Индии.

Кроме этих более развитых народов в Индии имеется большое количество народностей и племён, обитающих в горных, отсталых районах страны и ещё слабо втянутых в сферу влияния капиталистического развития. К их числу принадлежат белуджи, бхилы, санталы, гонды, ораоны и многие другие народности. Они составляют около 5% населения Индии.

Начиная со второго десятилетия нашего века в Индии развернулось движение отдельных её народов за самоопределение. Наиболее развитые формы это движение приняло среди бенгальцев, маратхов, андхра, каннарцев, малаяли, уткали (ория), кашмирцев, синдхи и афганцев, менее острые — среди тамилы, гуджарати.

Основными требованиями этого движения являются:

а) Перестройка административно-политического деления Индии и объединение каждой народности в пределах одной административно-политической единицы.

б) Вовлечение в государственные органы каждой административно-политической единицы людей соответствующей национальности и ведение делопроизводства на языке данной национальности.

в) Устранение препятствий на пути развития национальных языков и национальных культур и перевод преподавания в школах сверху донизу на национальные языки.

Движения эти, направленные в конечном счёте против такого пережитка феодальной раздроблённости, как

феодалы и полуфеодалы княжества, ослабляющие религиозно-общинные и кастовые связи и выдвигающие на их место связи национальные, направленные против господствующего положения англичан и английского языка, являются движениями антифеодалными и антиимпериалистическими. Именно в силу этого движения отдельных национальностей Индии слились в общендийское национально-освободительное движение.

По причине неравномерности развития капитализма внутри Индии социальные отношения в пределах отдельных национальных её районов неодинаковы, вследствие этого неодинаковый характер носит и национальное движение разных народов. Буржуазия гуджаратцев, парсов и марвари заняла уже господствующее положение на общендийском рынке. Она не в такой мере, как более слабая буржуазия других народов, заинтересована в своих национальных рынках и стремится к господству на общендийском. Отсюда тенденция её к централизму в государственном устройстве Индии. Централистскими настроениями гуджаратско-марварской буржуазии объясняется национальная политика руководящих органов Национального конгресса, который, поддерживая на словах требования отдельных национальностей Индии, всегда стремился сузить размах их движения. По этой же причине руководящие органы Национального конгресса не поддерживали требования о предоставлении национальностям Индии полного права на самоопределение, вплоть до отделения и образования отдельных государств. Только коммунистическая партия Индии разработала программу последовательно-демократического разрешения национального вопроса в Индии.

Ввиду того что движения национальностей Индии являются антиимпериалистическими и антифеодалными, английский империализм не мог использовать их в достаточной мере в целях раскола общендийского национально-освободительного движения и всячески стремился ослабить эти движения, консервируя все препятствия на пути развития национальностей Индии, разжигая религиозно-общинную рознь, поддерживая кастовый строй и охраняя феодальные княжества.

Раздел Индии на Индийский союз и Пакистан не только не разрешил национального вопроса в Индии, но создал новые трудности для его разрешения. Полное разрешение национального вопроса в Индии возможно лишь путём превращения её в федеративную демократическую республику с признанием права отдельных наций на отделение. Этим путём будут созданы условия и для полного изживания религиозно-общинной розни. Однако крупная индийская буржуазия, пошедшая на сговор с английским империализмом и идущая на компромиссы с феодальными князьями, не в состоянии разрешить национальный вопрос. «Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальностях путём совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий всё более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов»¹. Национальный вопрос может быть разрешён лишь в результате борьбы демократических сил Индии во главе с индийским рабочим классом.

Борьба против национального гнёта как английского империализма, так и крупной индийской буржуазии только обострилась после расчленения Индии, и внутри-национальный вопрос стал одним из важнейших вопросов в Индийском союзе и в Пакистане.

---

¹ *И. В. Сталин*, Соч., т. 5, стр. 393.

Ч А С Т Ь   В Т О Р А Я

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА «РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ»

В борьбе против национально-освободительного движения английский империализм широко использует внутренние, присущие индийскому обществу противоречия. Использование этих противоречий Англией имеет большую давность, и тот факт, что как при завоевании Индии, так и в дальнейшем в целях её удержания английские правящие круги умело применяли политику «разделяй и властвуй», является общеизвестным. Однако вопрос о том, какие именно противоречия использовали и используют до сих пор англичане в своей борьбе против индийского национально-освободительного движения, ещё полностью не изучен. Английские империалистические политики отлично понимали, что индийская буржуазия боится массового движения трудящихся, и поэтому неоднократно в моменты наиболее широкого размаха массового движения шли на компромисс с индийской буржуазией, делая ей незначительные уступки, откалывали часть её от национально-освободительного движения и при поддержке местной буржуазии подавляли активность рабочих и крестьян. Но соглашения с индийской буржуазией носили до определённого момента временный характер; противоречия между английской и индийской буржуазией были настолько глубоки, что, не поступившись, хотя бы частично, командными высотами в политике и отчасти и в экономике Индии, английский империализм не мог до 1947 г. превратить индийскую буржуазию в целом в своего сателлита. Английское господство препятствовало развитию Индии по капиталистическому пути, отсюда и препятствие в установлении прочного

союза между английскими правящими кругами и широкими слоями индийской буржуазии в тот период, когда Англия безраздельно правила Индией.

Английская политика «разделяй и властвуй» за 200-летний период её применения претерпела серьёзные изменения. В период завоевания Индии Англией основной формой этой политики являлось противопоставление друг другу отдельных индийских феодальных государств, причём нередко англичане противопоставляли друг другу государства, одинаково враждебные Остиндской компании. Например, в 1790 г. Остиндская компания заключила договор с маратхами и низамом Хайдарабада против Майсура. Это была политика «разделяй и властвуй» в её первоначальной форме. В районах, где Остиндская компания уже утвердилась, например в Бенгалии, она стремилась опереться на индусов — поданных мусульманских государей. Раздроблённость индийского общества на касты также немало способствовала завоеванию Индии англичанами. Значение политики «разделяй и властвуй» в тот период было огромно. Только благодаря применению этой политики Англия, имея сравнительно небольшие войска, сумела завоевать всю Индию.

Однако та форма политики «разделяй и властвуй», которая является предметом исследования в настоящей работе, сложилась не в период завоевания Индии, а после него. В 1849 г. английская Остиндская компания, подчинив себе Пенджаб, завершила завоевание всей Индии. Задолго до этого все индийские государства, сохранённые Остиндской компанией, превратились в её бесправных вассалов. Старая форма политики «разделяй и властвуй», когда одно индийское государство противопоставлялось другому, изжила себя. Англия стала править всей Индией, и ей теперь противостояла вся поработанная страна. Это создавало угрозу английскому господству. Восстание 1857 г. показало английским правителям, что, опираясь только на вооружённую силу, они не удержат Индию. Уже в процессе Сипайского восстания англичане широко использовали помощь некоторых индийских князей, особенно низама Хайдарабада. После восстания 1857—1858 гг. политика опоры на феодальных

князей и противопоставления их «мятежному» населению Британской Индии сделалась одним из краеугольных камней британского господства.

Но в конце XIX века, после того как в Индии начало развиваться организованное национально-освободительное движение, политика опоры на князей стала недостаточной, и она дополняется политикой опоры на мусульманскую помещицью и служилую верхушку. Противопоставление мусульман индусам и разжигание религиозной розни — это краеугольный камень английского господства в Индии в первой половине XX столетия.

Сущность английской политики «разделяй и властвуй» вскрыл И. В. Сталин в докладе на XII съезде РКП(б): «Чтобы с точки зрения бюрократии полегче справиться с национальностями и племенами Индии, Англия поделила Индию на Британскую Индию (240 000 000 населения) и Туземную Индию (72 000 000). На каком основании? А на том, что Англия хотела одну группу наций выделить и дать ей привилегии, чтобы тем удобнее управлять остальными национальностями»... «...Англия решила: чем мне возиться с этими национальностями, лучше выделить несколько наций, дать им некоторые привилегии и через них управлять другими, ибо, во-первых, недовольство остальных наций будет направляться в таком случае против этих привилегированных наций, а не против Англии, а, во-вторых, дешевле обойдётся «возня» с двумя — тремя нациями.

Это тоже система управления, английская. К чему она ведёт? К «удешевлению» аппарата, — это верно. Но, товарищи, если отвлечься от бюрократических удобств, то тут заложена верная смерть английскому господству в Индии, тут, в этой системе, неминуемая смерть, как дважды два — четыре, смерть английского управления и английского владычества»¹.

Новая форма политики «разделяй и властвуй» характеризовалась опорой на *феодалные пережитки*, противопоставлением их национально-освободительному движению, носившему буржуазно-демократический характер.

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 255.

ИНДИЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Англия завоевала Индию постепенно, в течение почти 200-летнего периода. Она завоёвывала её, опираясь на отдельных индийских правителей, используя их междоусобную борьбу в своих империалистических интересах. По мере того как укреплялись позиции Остиндской компании и расширялась захваченная ею территория, индийские князья попадали всё в большую зависимость от неё. Некоторые из них были оставлены на троне в качестве покорённых вассалов компании, другие были опутаны долгами и также превратились в исполнителей её воли. В первой половине XIX века все княжества Индии потеряли свою государственную независимость, стали вассалами Остиндской компании.

В 1853 г. Маркс писал: «В настоящий момент туземные государства занимают площадь в 699 961 кв. милю с населением в 52 941 263 человек, но теперь это уже не союзники, а вассалы английского правительства на самых разнообразных условиях подчинения и протектората. Общая черта этих условий — отказ туземных государств от права на самооборону, на самостоятельные дипломатические сношения и на разрешение внутренних споров без обращения к генерал-губернатору»¹.

Таково было положение княжеств накануне Сипайского восстания.

Хозяева Остиндской компании придерживались различных точек зрения о политике, которую следует осуще-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 339.

ствлять по отношению к княжествам. Ряд администраторов её стоял на той точке зрения, что индийские княжества должны быть сохранены как опора английского господства в Индии, тогда как другие считали, что индийские княжества нужно как можно скорее аннексировать и объединить под непосредственным управлением компании всю Индию.

Карл Маркс писал по этому поводу: «Вопрос об окончательном поглощении и аннексии этих туземных государств служит сейчас предметом ожесточенных споров между реформаторами, называющими такую аннексию преступлением, и дельцами, оправдывающими ее соображениями необходимости»¹.

К числу сторонников сохранения княжеств относились герцог Веллингтон, сэр Томас Монро и лорд Эльфинстон². Ярым же сторонником аннексии княжеств был генерал-губернатор Индии лорд Дальхузи. Этот последний отменил закон, разрешающий князьям, не имеющим прямых наследников, передавать трон усыновлённым наследникам; земли этих князей должны были передаваться во владение Остиндской компании. Закон этот послужил одной из причин того, что ряд князей принял участие в Сипайском восстании 1857 г.

После подавления Сипайского восстания полностью одержала верх линия, сторонниками которой были Эльфинстон, Монро и др.

В декларации королевы Виктории, обнародованной по случаю провозглашения её императрицей Индии, сказано: «Мы сегодня объявляем туземным князьям Индии, что все договоры и обязательства, заключённые с ними в период господства уважаемой Остиндской компании, приняты нами и будут строго соблюдаться; и мы ожидаем такого же соблюдения со стороны князей»³.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 339.

² Веллингтон — английский фельдмаршал и политический деятель (1756—1852); Томас Монро был губернатором Мадраса в 1808 г.; Эльфинстон — известный историк Индии и крупный чиновник Остиндской компании.

³ *Keith, Speeches and documents on Indian Policy, part I, p. 387.*

Комментируя эту декларацию, махараджа Гвалиора Синдхия заявил: «Теперь аннексиям пришёл конец, мы дышим спокойно, даже когда наши промахи доказаны и недостатки обсуждаются»¹.

Таким образом, после Сипайского восстания английское правительство отказалось от политики аннексии княжеств; оно обязалось гарантировать князьям неприкосновенность их власти и защиту на случай восстаний их подданных.

Английское правительство сохранило за собой право отстранять князей от власти в случае «чрезмерно плохого управления», но это право применялось только в том случае, когда князь отказывался выполнить требования английского правительства или если на него падало подозрение в нелояльности по отношению к английским властям. Так, в 1875 г. от власти был отстранён гаэквад (махараджа) Бароды Мульхар Рао, которого подозревали в организации убийства английского резидента. В 1891 г. был отстранён от власти джабрадж Манипура, за то что он отказался выслать из княжества человека, поднявшего восстание против англичан, а затем организовал убийство главного комиссара провинции Ассам. За это он был предан суду и казнён. Случаев же отстранения князей от власти за жестокость по отношению к подданным, за произвол, коррупцию не было. Более того, как об этом заявил в вышеприведённом высказывании махараджа Гвалиора, князья почувствовали себя после декларации Виктории спокойно и поняли, что им не грозит отстранение от власти за их «ошибки» в управлении подданными.

Известный английский юрист Сидней Лоу пишет, что князья больше, чем подданные княжеств, выиграли от установления над ними английского протектората: если до установления этого протектората князья должны были считаться с феодальными обычаями, религией и разными традициями, которые так или иначе ограничивали их произвол, должны были опасаться восстаний населения, с которыми им трудно было бы справиться своими

¹ *Low Sidney*, The Indian States and ruling princes, L. 1929, p. 36.

силами, то установление английского протектората ослабило действие всех этих факторов и тем самым сделало князя более самодержавным правителем по отношению к его подданным. Лоу пишет: «Приходится согласиться с тем, что мы ослабили действие этих сдерживающих моментов в княжествах, когда мы приняли их под свой протекторат»¹.

Однако до начала XX века британские власти ещё сохранили некоторое недоверие к князьям, считая возможным противодействие с их стороны дальнейшему укреплению английской власти в Индии. Это отношение выразилось также в том, что во всех почти договорах английского правительства с княжествами имеется статья, обязывающая князя отказаться от непосредственных сношений не только с иностранными державами, но и с другими индийскими князьями. Лорд Керзон, бывший сторонником диктаторских методов управления и считавший, что Англия достаточно сильна, чтобы управлять Индией, не ища себе опоры в каких-либо слоях индийского общества, не особенно считался и с князьями. Однако подъём национально-освободительного движения в Индии в 1905—1906 гг., в развитии которого сыграло известную роль и возмущение, вызванное антииндийскими мероприятиями лорда Керзона, явился толчком к тому, что политика опоры на полуфеодалы, реакционные элементы усилилась.

Лорд Минто в речи на совещании английских политических агентов в княжествах в 1909 г. заявил: «Краеугольный камень всей системы — признание идентичности интересов имперского правительства и дурбаров² и минимум вмешательства в дела последних»³.

В объединённом отчёте Монтегю — Челмсфорда политика Англии до образования палаты князей характеризуется следующим образом: «Отношение британского правительства к княжествам менялось время от времени, от первоначального плана невмешательства в дела за преде-

¹ Low S., op. cit., p. 22.

² Дурбар — название правительства в ряде азиатских стран.

³ Low S., op. cit., p. 51.

лами своей «кольцевой оградой» к политике «подчинённой изоляции», начатой лордом Хейстингсом, которая в свою очередь уступила место существующей концепции отношений между княжествами и правительством Индии, определяемых как союз и кооперация их с верховной властью. Несмотря на разнородность и сложность договоров, обязательств, санатов, общая позиция в отношении прав и обязанностей туземных княжеств может быть суммирована в нескольких словах. Княжествам гарантируется безопасность извне; верховная власть действует за них в сношениях с иностранными державами и другими княжествами и вмешивается во внутренние дела, если внутренний мир подвергается серьёзной угрозе. С другой стороны, отношения княжеств с иностранными державами таковы же, как и верховной власти. Они разделяют обязательства по общей защите; они несут общую ответственность за хорошее управление и благосостояние их территории»¹.

Конечно, неправильно рассматривать сближение между князьями и правящими кругами Англии только как результат одностороннего изменения политики этих кругов по отношению к князьям. Князья в начале XX века также стали в большей мере проявлять заинтересованность в активной поддержке их власти со стороны Англии.

Рост национально-освободительного движения в провинциях Британской Индии оказал стимулирующее влияние и на рост демократического, антифеодального движения среди населения индийских княжеств. И если английские правящие круги рассматривали индийских князей как одну из важнейших своих социальных опор в борьбе против национально-освободительного движения в масштабе всей Индии, то князья видели, что сохранение господства Англии над Индией является единственной гарантией сохранения их полуфеодальной власти.

Дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Индии усилило процесс сближения английских правящих кругов с реакционными, полуфеодальными

---

¹ *Montague and Chelmsford, Report on Indian Constitutional reform, Calcutta 1918, p. 297.*

элементами. Одним из выражений этой тенденции явилось стремление со стороны правящих кругов Англии укрепить политические позиции князей в Индии. И если раньше правящие круги Англии стремились не допускать никаких взаимных политических связей и даже дипломатических отношений между отдельными индийскими княжествами, то в начале XX века начали созываться под руководством вице-короля конференции князей для обсуждения различных политических вопросов.

В результате укрепления общности интересов князей и британских правящих классов в феврале 1921 г., согласно королевской прокламации, была создана палата князей, которая являлась консультативным органом при вице-короле Индии.

Как говорится в отчёте комиссии Саймона, «Установление палаты князей отмечает важный этап в развитии отношений между короной и княжествами, ибо оно влечёт за собой определённый разрыв с основами политики, согласно которой целью короны являлось скорее предотвращение совместных действий и взаимной консультации между индийскими княжествами и обращение с ними как с изолированными от своих соседей единицами. На деле этот принцип уступил уже место идее совещания и кооперации между правящими князьями Индии, но до создания палаты князей эта последняя концепция не была ещё претворена в жизнь»¹.

Если перед Сипайским восстанием преобладающей линией в политике английского правительства по отношению к княжествам была линия на их аннексию, т. е. на полную ликвидацию пережитков политической раздроблённости Индии, то после Сипайского восстания английские правящие круги стали проводить политику консервации и укрепления этой феодальной раздроблённости. Без активной поддержки со стороны английского правительства, вероятно, только ничтожное количество индийских князей сохранило бы свою феодальную власть почти в неприкосновенном виде вплоть до наших дней. В результате обострения противоречий между растущим в Индии нацио-

¹ «Report of Indian Statutory commission», part I, p. 90.

нально-освободительным движением, с одной стороны, и господствующими классами Великобритании — с другой, британские правящие круги нашли себе опору в феодальных элементах Индии, которым также угрожало развитие в Индии демократического, национально-освободительного движения. На этой основе сложился союз английских правящих кругов с феодальными и полуфеодальными индийскими князьями.

Индийские княжества представляют собой весьма разнородные политические образования. Наряду с древними княжествами, которых сохранилось очень мало, в Индии имеется огромное количество княжеств, возникших в период завоевания Индии англичанами. Всего в Индии насчитывается около 600 княжеств. Огромное большинство княжеств представляют крупные феодальные поместья, включающие несколько деревень. Но наряду с этими имеются княжества, не уступающие по территории и населению ряду европейских государств.

По данным переписи 1941 г., общая площадь, занимаемая княжествами, равнялась 715 964 кв. милям; население всех княжеств составляло 93 189 233 человека, княжества занимали 45% территории Индии, а население их составляло 23% всего её населения. По данным комитета по обследованию индийских княжеств (комитет Батлера), который производил обследование одновременно с комиссией Саймона, в Индии насчитывается 552 княжества, не считая княжеств пограничной полосы и Белуджистана. Эти княжества в отношении своего представительства в палате князей подразделялись на три группы:

- 1) 108 княжеств, правители которых персонально являлись членами палаты.
- 2) 127 княжеств, представленных 12 делегатами.
- 3) 327 крупных поместий и джагиров¹.

Наиболее крупными княжествами являются: Хайдарабад — 16,3 млн. жителей, Майсур — 7,3 млн., Траванкур — 6 млн., Кашмир — 4 млн., Гвалиор — 4 млн., Барода — 2,8 млн. и Кочин — 1,4 млн. жителей².

¹ «Report of Indian States Enquiry committee», 1941, v. I.

² «Census of India 1941», v. I.

Эти княжества непосредственно были подчинены политическому департаменту при вице-короле и не представлены в палате князей. Остальные княжества, часть которых по населению не меньше перечисленных выше, объединены в агентства.

Самым крупным является агентство Раджпутана, занимающее территорию в 132 559 кв. миль с населением в 13,6 млн. человек. Важнейшими княжествами агентства Раджпутаны являются: Джайпур, Джодхпур (Марвар), Удайпур (Мевар), Биканер и Альвар. Из княжеств центрального индийского агентства крупнейшим является Индур, а из княжеств Пенджаба — Патиала.

За исключением агентств Раджпутаны, Кашмира и Келата, княжества Индии не отделены естественными границами от остальной Индии и населены теми же народностями, что и прилегающие округа последней¹.

Территории княжеств иногда состоят из отдельных, территориально не связанных кусков (Барода, Гвалиор) и вкраплены в провинции Индии. Княжества тянутся широкой прерывистой полосой от крайних северных границ Индии до её южной оконечности, разобщая между собой страну.

Все княжества до недавнего времени были самодержавными монархиями. Только в 30 из них имелись законосовещательные органы; только в половине княжеств бюджет был отделён от личного дохода князя.

Общей чертой всех княжеств являются сильнейшие пережитки феодализма в общественном строе, более сильные и крепкие, чем в провинциях остальной Индии. Даже формально крепостная зависимость и рабство были отменены в княжествах только в 1921 г. Фактически же пережитки рабства существуют в княжествах и по сей день. Здесь сохранились барщина (бегар, ветх) и оброк в разных формах. Кроме тяжёлых налогов и арендной платы крестьянство княжеств отягощено различными феодальными поборами.

В промышленном и культурном развитии большинство княжеств отстаёт от провинций остальной Индии, и только

---

¹ «Report of Indian Statutory Commission», part I, p. 25.

за последнее время в них довольно быстро начала расти капиталистическая промышленность. Самыми развитыми в промышленном отношении княжествами являются Майсур и Барода, за последнее время их стал догонять Траванкур. Вообще княжества юга Индии в отношении уровня хозяйственного и культурного развития находятся значительно впереди княжеств Центральной и Северной Индии. Три княжества юга — Хайдарабад, Майсур и Траванкур имеют свои университеты; грамотность населения в этих княжествах значительно выше, чем в княжествах севера, а в Кочине и Траванкуре выше, чем в любой другой части Индии. Этот факт объясняется в значительной мере тем, что в данных княжествах довольно высок процент грамотных женщин.

Юридическое положение княжеств комиссия Саймона характеризовала в 1931 г. следующим образом: «Они не являются британской территорией, и их подданные не британские подданные. Отношения между каждым из них и верховной властью могут быть выведены из договоров или иных писанных документов, или санадов¹, или соглашений; но, как бы то ни было, корона в каждом случае ответственна за внешние сношения княжеств и их территориальную целостность. Около 40 княжеств, наиболее важные, имеют настоящие договоры с верховной властью. Большое число княжеств имеет какую-либо форму обязательства или санада, т. е. признание власти и привилегий, обычно, в сочетании с условиями, исходящими от верховной власти. Остальные пользуются какой-либо формой признания их статута со стороны короны»².

Из этого следует, что отношения между британским правительством и огромным большинством мелких княжеств не отличались юридической определённости и могли поэтому истолковываться англичанами по-разному. Таким образом, заявления английских политиков о нерушимости обязательств по отношению к княжествам не обоснованы. Только с крупными княжествами британское правительство вынуждено так или иначе считаться,

¹ Санад — расписка, удостоверение.

² «The Report of Indian Statutory Commission», v. I, p. 35.

ибо они представляют какую-то реальную силу, мелкие же княжества никакой самостоятельной политической роли не играли и не играют.

Княжества являлись протекторатами британской короны, и верховную власть над ними осуществлял вице-король Индии как представитель короны. Вице-король осуществлял своё руководство княжествами через политический департамент индийского правительства. В каждом крупном княжестве имелся британский резидент.

Индийские княжества не имели права сношения с иностранными державами, и если внутри Индии английские правящие круги подчёркивали мнимую суверенность княжеств, то «в международных отношениях территория княжеств занимает то же положение, что и территория Британской Индии, а их подданные находятся в положении британских подданных»¹.

В ряде княжеств были расположены крупные английские гарнизоны. Некоторые княжества имели свои собственные воинские формирования, содержащиеся на средства княжеств, но инспекторский их штат назначался англо-индийским правительством и содержался за его счёт².

Таким образом, княжества, бесправные в международных сношениях, бессильны оказать какое-либо сопротивление британским властям. Сохранение этих княжеств объясняется вовсе не их силой и тем сопротивлением, которое они оказывали англичанам при завоевании, а отходом английского правительства от политики аннексии княжеств к политике превращения княжеств в одну из главных опор британского господства в Индии. Однако, если нельзя всерьёз считать княжества суверенными государствами, из этого не следует, что их сохранение не играет серьёзной тормозящей роли в развитии хозяйственной, политической и культурной жизни всех народов Индии. Наличие княжеств препятствовало свободному развитию индийского внутреннего рынка, ибо они были отгорожены таможенными барьерами от провинций Британ-

---

¹ «Report of Indian Statutory Commission», v. I, p. 87.

² Ibid., p. 31.

ской Индии. «Большая часть расположенных внутри страны княжеств облагает на своих границах товары экспортными и импортными пошлинами. Во многих княжествах импортные и экспортные пошлины составляют часть государственного дохода, который занимает второе место после земельной подати»¹.

Княжества имеют свои законы и не разрешают свободный въезд в свои пределы жителям провинций Индии. Правительства княжеств всеми силами препятствуют развитию демократического движения в княжествах, и во многих из них были запрещены те демократические организации, которые были разрешены в провинциях Индии. Во многих княжествах была запрещена продажа демократических газет, выходящих в других частях Индии. Княжества являются одним из важнейших препятствий, стоящих на пути развития национальностей Индии.

В период, предшествовавший второй мировой войне, княжества играли выдающуюся роль в осуществлении политики английского империализма в Индии. Как мы писали выше, политика опоры на индийских князей берёт своё начало со времени Сипайского восстания. Реформа 1935 г. имела своей целью привлечение князей в общеиндийские законодательные органы, чтобы тем самым дать возможность Англии в ещё большей мере опираться на них. Все эти мероприятия явились выражением той политической линии, которая получила преобладающее значение сразу после первой мировой войны, став генеральной линией английского империализма в Индии в тот период. Во время подъёма национального движения в 1919—1922 гг. мусульмане принимали активное участие в общем национально-освободительном движении, и индуско-мусульманская рознь ослабела, поэтому роль основной опоры английского империализма стали играть князья, которые были столь же обеспокоены ростом национально-освободительного движения, как и английские правящие круги. Это стремление усилить роль князей в общеиндийской политике и получило своё выражение в акте создания палаты князей и в федеральной схеме 1935 г.

¹ «Report of Indian Statutory Commission», v. I, p. 87.

По конституции 1935 г. Индия должна была стать федерацией провинций и княжеств.

Федеральная схема должна была обеспечить князьям решающую роль в общеиндийских законодательных органах. Князья должны были получить 125 мест из 375 в федеральном законодательном собрании и 104 из 260 в государственном совете. Кроме того, князьям давалась гарантия невмешательства общеиндийских органов в их внутренние дела, они же получали право неограниченного вмешательства в дела всей Индии.

Доктор Амбедкар, выдвигавшийся английским правительством в качестве лидера неприкасаемых, писал: «Другими словами, федеральная схема даёт княжествам право законодательства для Британской Индии, в то время как Британская Индия не получает права законодательства для княжеств, если только княжества не пожелают сами быть подчинёнными законам, включённым в оба списка»¹.

Далее он доказывает, что проведение в жизнь федеральной схемы сделало бы князей арбитрами судеб Индии. «Установление федерации, — пишет Амбедкар, — означает, что господство переходит из рук парламента (английского. — А. Д.) в руки князей. Федерация делает князей арбитрами нашей судьбы. Без их согласия Индия не сможет двигаться вперёд»².

Амбедкар пришёл к заключению, что федерация уселила бы позиции британского империализма в Индии³.

Так писал Амбедкар, которого нельзя обвинить в неLOYяльности к английскому правительству.

Однако федеральная схема не была осуществлена, и, что интересно отметить, она не была принята не только Национальным конгрессом и Мусульманской лигой, но и князьями. Причина такого отношения князей к этому английскому мероприятию кроется в изменении политической обстановки в Индии и особенно в княжествах накануне второй мировой войны.

¹ *Ambedkar, Federation versus Freedom, Bombay 1939, p. 84.*

² *Ibid., p. 123.*

³ *Ibidem.*

Одним из проявлений подъёма национального движения в предвоенный период было вовлечение широких масс населения княжеств в демократическое движение. Во всех княжествах, начиная от крупнейших, как Кашмир, Хайдарабад, Майсур и Траванкур, и кончая мелкими, вроде Тальчера, Рампура и Дженканала, возникли различные демократические организации: конгрессы княжеств, конференции подданных, общества подданных и т. д., которые требовали, чтобы населению княжеств были обеспечены элементарные демократические свободы, чтобы были устранены наиболее варварские пережитки крепостничества, чтобы власть была ограничена и население было бы привлечено к управлению княжествами. Движение это вначале носило очень мирный характер. Организации подданных писали петиции князьям, обращались к генерал-губернатору, собирали съезды и конференции и выносили на них резолюции, устраивали мирные демонстрации. Но в затхлой атмосфере княжеств и это мирное движение с весьма умеренными требованиями показалось чуть ли не революцией. Князья ответили на петиции и резолюции подданных жестокими репрессиями. Жители многих деревень княжеств Ориссы вынуждены были скрываться в лесах от насилий князей и их опричников, тысячи участников движения в Кашмире, Хайдарабаде, княжествах Гуджарата и Катхиавара были брошены в тюрьмы. Английские власти безукоризненно выполнили своё обязательство по поддержке тирании и средневековья в княжествах; английские войска расстреливали подданных княжеств. При помощи английских войск князья сумели подавить движение. Однако движение это показало, что старые феодальные устои власти князей уже сгнили и готовы рухнуть и что их поддерживает только английское господство в Индии. Поэтому князья стали противиться всяким мероприятиям, которые могли бы ослабить английскую власть в Индии и поставить их даже формально под контроль каких-либо представительных учреждений.

Ещё в 1928 г. комитет Батлера, посланный английским правительством в Индию для изучения положения княжеств в связи с подготовкой конституционной реформы, писал: «Княжества требуют, чтобы без их собственного

согласия права и обязательства верховной власти не присваивались лицам, которые не находятся под её контролем, например, какому-либо индийскому правительству в Британской Индии, ответственному перед индийскими законодательными органами»¹.

И правительство, ссылаясь на якобы нерушимые договоры с князьями, пошло навстречу этому требованию. Вхождение князей в федерацию было обусловлено их согласием. Наоборот, требование Конференции народов индийских княжеств, которая была организована в 1927 г., о введении в княжествах «представительных учреждений» под «эгидой правителей» было отвергнуто комитетом Батлера. В отчёте комитета Батлера говорится: «Обещание короля-императора поддерживать в неприкосновенности привилегии, права и достоинство князей влечёт за собой обязанность защищать князей против попыток устранить их от власти и заменить их власть другой формой правительства»². Британское правительство заявило, что никакое давление не будет оказано на князей в целях введения в княжествах представительного правления и что это зависит исключительно от воли князей.

Несмотря на все эти заверения, князья с большим опасением отнеслись к реформе 1935 г. и так и не дали своего окончательного согласия на вступление в федерацию. Они боялись, что их участие в общеиндийских представительных органах неизбежно повлечёт за собой более тесную связь политической жизни княжеств с провинциями и усилит влияние более развитого национально-освободительного движения последних на население княжеств. Начавшееся в княжествах демократическое движение усилило эти опасения. Князья были настолько напуганы развёртывающимся в княжествах демократическим движением, что не считали возможным провести в жизнь конституцию 1935 г.

После начала второй мировой войны князья заявили о своей лояльности британскому правительству и готовности оказать ему всемерную помощь как войсками, так

¹ «Report of Indian States Enquiry committee», p. 58.

² Ibid., p. 23.

и иными средствами. Однако они отнеслись очень настороженно даже к тем ограниченным конституционным мероприятиям, которые намечалось провести в Индии во время второй мировой войны.

Князья сохранили своё отрицательное отношение ко всяким конституционным мероприятиям и попрежнему отказывались от вступления в любой индийский союз, если он не гарантирует полной неприкосновенности их привилегий. Своей неизменной позицией в этом отношении они иногда даже затрудняли манёвры британского империализма. Так, в 1942 г. в связи с миссией Криппса палата князей приняла следующее решение по вопросу о своём отношении ко всяким конституционным изменениям в Индии: «Эта палата много раз заявляла, что любая схема, чтобы быть приемлемой для княжеств, должна эффективно защищать их права, проистекающие из договоров, обязательств и санадов и т. д., и обеспечить будущее существование, суверенность и автономию княжеств, гарантированную им, и предоставить князьям полную свободу должным образом выполнять свои обязанности перед короной и своими подданными; поэтому она отмечает с особым удовлетворением заявление премьер-министра о выполнении договорных обязательств по отношению к княжествам»¹. Князья заявили Криппсу, что они готовы участвовать в разработке любой новой конституции, совместимой с целостностью княжеств.

В последующих своих планах государственного устройства Индии английское правительство продолжало линию опоры на князей. Стремясь включить княжества в состав будущего Индийского союза для того, чтобы иметь там надёжные опорные пункты, английские правящие круги всегда оговаривали, что княжества должны войти в состав союза как автономные единицы и права князей, зафиксированные в договорах, не подлежат ущемлению.

Так, в английских предложениях от 16 мая 1946 г. предполагалось превратить Индию в союз провинций и княжеств, в который княжества входят как автономные

¹ «Statement and draft declaration», I., 1942, p. 16.

единицы, представленные в законодательных органах союза делегатами, назначаемыми правителями. Правительство Индийского союза согласно этому проекту не должно было вмешиваться во внутренние дела княжеств.

Последний английский конституционный акт, а именно закон от 18 июня 1947 г., предлагал князьям вступить в любой из образованных в Индии доминионов, т. е. в Индийский союз или в Пакистан.

Английские империалисты этим пунктом давали указание князьям о том, чтобы они вступили в один из доминионов Индии, причём подразумевался Индийский союз. Они считали, что присутствие представителей князей в учредительном собрании Индийского союза усилит там позиции сторонников оставления этого союза в составе Британской империи и после июня 1948 г.

Однако в отношении к таким крупным княжествам, как Хайдарабад, Кашмир, Траванкур и Майсур, английские правящие круги имели другие намерения и поощряли сепаратизм их князей. Предполагалось, что эти княжества, оставшись «независимыми государствами», будут являться плацдармами, опираясь на которые Англия будет давить на индийские доминионы извне.

И если впоследствии вышеупомянутые крупные княжества вступили в Индийский союз, то это объясняется, прежде всего, давлением массового движения на их правительства, а вовсе не желанием их правителей и английских империалистов.

До 1935 г. Национальный конгресс формально был организацией Британской Индии и до известной степени придерживался политики невмешательства во внутренние дела княжеств. Более того, он отрицательно относился к борьбе народов княжеств против князей. Однако в период предвоенного подъёма национального движения отношение Национального конгресса к княжествам стало меняться. Намечавшееся включение княжеств в федерацию поставило вопрос о форме представительства этих княжеств. Английское правительство, ссылаясь на то, что договоры, заключённые с князьями, предписывают сохранение существующего режима в княжествах, предусматривало назначение князьями представителей в индийские

законодательные органы. Национальный конгресс не согласился с этим не только потому, что это являлось бы нарушением самых элементарных требований демократии, но и потому, что Конгресс понимал, что представители князей будут верной опорой английского империализма в индийских законодательных органах. Конгресс поддерживал требование Конференции народов княжеств о том, чтобы представители от княжеств избирались населением на тех же основаниях, что и представители Британской Индии. Требование это, выдвинутое ещё в 1927 г., было отвергнуто комитетом Батлера. В 1937 г. в княжествах начался подъём массового демократического движения. Конгресс заявил о своём сочувствии этому движению. В октябре 1937 г. Всеиндийский комитет Конгресса принял решение, осуждающее репрессии, применявшиеся правительством княжества Майсур по отношению к участникам демократического движения, и приветствовал народ Майсура в его борьбе, призывая население княжеств и всей Индии поддерживать его.

На сессии Национального конгресса в Харипуре (февраль 1938 г.) была принята резолюция о политике по отношению к княжествам. Резолюция гласит: «Пурна суверенитет, или полная независимость, которая является целью Конгресса, должна быть установлена во всей Индии, включая и индийские княжества, ибо целостность и единство Индии должно быть так же сохранено при свободе, как оно сохранялось при подчинении. Единственный род федерации, который может быть приемлем для Конгресса, это такой, в котором княжества будут участвовать как свободные единицы, пользующиеся той же степенью демократии, как и остальная Индия»¹. В то же время Конгресс заявил, что он не будет принимать прямого участия в борьбе народов княжеств, но разрешает отдельным своим членам оказывать этой борьбе содействие по мере своих способностей.

Движение в княжествах продолжало нарастать в течение всего 1938 г. Начавшись в Майсуре, оно перекинулось в Хайдарабад, в Траванкур, в Кашмир и в княже-

¹ *Coupland*, op. cit., part II, p. 172.

ства Ориссы. Население под руководством конгрессов княжеств, народных союзов (Праджа мандаль, Праджа паришад) и конференций требовало введения в княжествах представительного правления и упразднения наиболее варварских феодальных порядков (барщины, оброка и т. д.). Правители княжеств жестоко подавляли это движение при помощи английских войск. Конгрессиистские правительства провинций соблюдали нейтралитет, дружественный к участникам демократического движения.

14 декабря 1938 г. Рабочий комитет принял резолюцию о том, что Конгресс считает себя вправе защищать население княжеств от применения против него вооружённых сил и полиции, вызванных из Британской Индии¹.

3 февраля 1939 г. близкая к Национальному конгрессу калькутская газета «Эдванс» писала: «До сих пор Конгресс ничего не делал, кроме оказания моральной поддержки народам княжеств в их борьбе... Борьба, которую ведут теперь народы княжеств против автократии, делает им честь... И с некоторых пор в конгрессовских кругах усиливается чувство, что активная поддержка населения княжеств в его героической борьбе не может далее откладываться».

Неру признал, что: «Будучи предоставлена сама себе, эта система (княжества) исчезла бы, но, несмотря на свою очевидную устарелость и упадок, она искусственно укрепляется и поддерживается британским империализмом».

На сессии Национального конгресса в Трипури (в феврале 1939 г.) была принята более радикальная резолюция о княжествах, чем на сессии в Харипуре. Резолюция эта начинается следующими словами: «Конгресс неоднократно заявлял, что Индия едина и неделима и что деление страны на Британскую Индию и Индийскую Индию (или индийские княжества) есть искусственное изобретение британского империализма, рассчитанное на раскол солидарности индийского народа».

Далее, в резолюции говорилось, что Конгресс требует тех же прав и свобод для народа в княжествах, как и в

---

¹ *Coupland*, op. cit., part II, p. 174.

Британской Индии, выражает своё сочувствие народам княжеств в их борьбе за гражданские свободы и ответственное правительство и что только в силу особых обстоятельств Конгресс ограничивался до сих пор оказанием им моральной поддержки. Но вследствие событий в Раджкоте, Джайпуре и других княжествах, где князья, поддержанные верховной властью и политическим департаментом, решили сопротивляться требованиям народа о гражданских свободах и ответственном правительстве и применять безжалостные репрессии для проведения своей политики, Конгресс не может удовлетвориться выражением морального сочувствия и поддержки движения народов княжеств.

Конгресс постановляет, что впредь он будет проводить более активную политику помощи народам княжеств, где и когда того потребуют обстоятельства.

Резолюция разрешила конгрессовским комитетам в княжествах принимать активное участие в движении, что прежде было запрещено.

Эти решения были приняты под давлением демократического движения в княжествах, и центральные органы Конгресса не были последовательны в проведении новой линии, предпочитая придерживаться старой линии, примиренческой по отношению к князьям. Ганди после подавления движения в Раджкоте призывал к прекращению движения в остальных княжествах, ибо оно начинает принимать насильственные формы. Этот призыв Ганди, выражавший боязнь крупной индийской буржуазии слишком широкого размаха массового движения в княжествах, не приостановил движения. Левые элементы, пользовавшиеся значительным влиянием в местных органах Конгресса, продолжали поддерживать движение в княжествах. Особенно активно помогали этому движению коммунисты. Но центральные органы Конгресса устранились от активной помощи движению в княжествах, и оно, не поддержанное активными выступлениями организаций Британской Индии, было задавлено.

Вопрос о судьбе княжеств встал после войны, в связи с новым подъёмом национально-освободительного движения. Руководство Конгресса до 1947 г. было ещё

заинтересовано в поддержке со стороны демократического движения княжеств.

Дж. Неру, снова избранный председателем Конференции народов княжеств, в речи на её годичной сессии в 1945 г. изложил прежнюю программу. Он заявил, что мелкие княжества должны быть объединены с теми провинциями, с которыми они связаны в экономическом и культурном отношениях, крупные же могут войти в Индийский союз как автономные единицы с тем, однако, условием, чтобы их население получило те же политические права, что и население остальных областей Индии. Но в этом выступлении Неру уже заявил, что крупные князья могут остаться у власти в качестве конституционных монархов.

Таким образом, даже так называемые левые лидеры Конгресса в период, когда Конгресс не пошёл ещё на сговор с английским империализмом, не ставили задачу полной ликвидации княжеств.

Совместимость сохранения монархического режима в княжествах с республиканским режимом в Индийском союзе ещё более определённо подчёркивает Неру в речи, произнесённой на заседании Учредительного собрания Индийского союза 13 декабря 1946 г. Подчёркивая, что он сам является противником монархического строя, Дж. Неру заявил: «Если население какого-либо княжества выразит желание иметь какую-либо форму правления, если даже она будет монархической, им дана будет возможность её иметь»¹.

Желание руководства Национального конгресса достигнуть компромисса с правителями крупных княжеств выразилось в том, что оно согласилось на то, чтобы 50% представителей княжеств в Учредительное собрание Индийского союза назначались князьями и только 50% избирались законодательными органами. Таким образом, сговор с английским империализмом имел следствием также и сговор с его агентурой — индийскими князьями.

---

¹ *Nehru J., India's Charter of Freedom, Delhi 1946, p. 20.*

Мусульманская лига открыто поддерживала князей и враждебно относилась к демократическому движению в княжествах.

Правительство Пенджаба, возглавлявшееся членом Мусульманской лиги Сикандер Хаят Ханом, активно помогало князьям в подавлении движения в княжествах Пенджаба. Хотя Сикандер Хаят Хан не был правоверным членом Лиги, но его политика в отношении княжеств была одобрена руководством Мусульманской лиги.

Джинна не раз заявлял, что он считает княжества суверенными государствами и поддерживает «законные» права князей. Во время движения в княжестве Раджкот, которое на некоторое время приковало к себе внимание всей Индии, бомбейская Мусульманская лига протестовала против «вмешательства» Национального конгресса во внутренние дела этого княжества.

Мусульманская лига выступала на стороне князей даже в тех случаях, когда князья были индусы, а борющиеся против них подданные — мусульмане. Так, например, Мусульманская лига отказалась поддержать народное движение кашмирцев и выразила своё сочувствие кашмирскому махарадже. И во время войны этот союз Мусульманской лиги с князьями сохранился. В 1944 г. Джинне удалось отколоть от Кашмирской национальной конференции небольшую группу, которая заявила, что она не борется против князя.

Мусульманская лига никогда не поддерживала требования о том, чтобы представители от княжеств в центральные индийские органы выдвигались населением.

Политика Хинду махасабхи по отношению к княжествам не отличалась от политики Мусульманской лиги. Эта организация также поддерживала князей независимо от их религии.

После расчленения Индии огромное большинство княжеств вошло в состав Индийского союза и лишь очень небольшое — в Пакистан. Правительства ряда княжеств, поощряемые английскими агентами, долго не желали вступать в Индийский союз. Например, князья Бхопала, Индура, Траванкура, Кашмира и низам Хайдарабада заявили, что их княжества останутся независимыми госу-

дарствами. Однако под влиянием демократического движения населения, настаивавшего на вхождении княжеств в Индийский союз и на проведении в княжествах демократических реформ, правители большинства княжеств вынуждены были войти в Индийский союз. В некоторых княжествах, например в Траванкуре, борьба против сепаратизма князей приняла очень острый характер. Почти во всех княжествах, вошедших в Индийский союз, были также проведены под давлением массового движения те или иные демократические реформы: созданы законодательные учреждения, снижены налоги и т. д. Правительство Индийского союза, поддерживая требование населения о вступлении княжеств в союз, стремилось, однако, сдерживать это движение, не дать ему принять слишком широкий размах и добивалось компромисса на приемлемых для князей условиях. В ряде княжеств сами правители, чувствуя, что теперь их английские покровители не могут им помогать так открыто, как они делали это раньше, пошли на некоторые уступки и провели незначительные демократические реформы.

Под давлением массового движения внутри княжеств индийское правительство дало согласие на объединение ряда княжеств. Так, в декабре 1947 г. было создано новое княжество — Саураштра, в которое вошли все княжества Катхиаварского полуострова. Это новое княжество с 4-миллионным населением управляется правителем, избираемым князьями, и народным собранием, избираемым населением. И здесь под давлением вице-премьера правительства Индии, правого конгрессиста Валлабхаи Пателя, был достигнут компромисс между князьями и буржуазией княжеств.

Объединились также 7 княжеств Деккана с общей численностью населения в 700 тыс. человек. Новое княжество управляется по очереди одним из 7 князей, при котором имеется избранное имущими слоями населения законодательное собрание.

Княжества Ориссы были включены в состав этой провинции, но князья сохранили свои земли, превратившись в крупных феодальных помещиков. Так же был разрешён вопрос о княжествах Соединённых провинций. Затем

произошло объединение княжеств Раджпутаны в союз, получивший название Раджастхана, части княжеств Центральной Индии, которые назвали своё объединение Мальвийским союзом, княжеств предгорной части Восточного Пенджаба и т. д. Вместо 600 княжеств в Индии, по заявлению Пателя, останется всего 25 крупных и объединённых княжеств. Хотя в результате объединения княжеств и происходит частичная ликвидация феодальной раздроблённости страны, но, с другой стороны, князья, объединяясь, укрепляют свои политические позиции, и этим затрудняется полная ликвидация феодальной раздроблённости и власти феодальных князей.

Княжество Хайдарабад упорно не входило в Индийский союз. Низам, стремясь получить поддержку буржуазных элементов княжества, пошёл на некоторые уступки их требованиям. Было создано правительство, ответственное перед законодательным органом, и в 1947 г. заключено временное соглашение с правительством Индийского союза об отказе княжества от непосредственных сношений с иностранными государствами и о совместной обороне. Однако крестьянство княжества Хайдарабад не удовлетворилось этими уступками и продолжало вести борьбу за свержение правительства низама. В Теленгане крестьянское и в то же время национальное движение приняло характер вооружённого восстания. Правительство Индии и Национальный конгресс не поддерживают это движение. Однако неспособность низама подавить движение в княжестве и его тайные связи с Пакистаном и Англией были использованы правительством Индии для ввода своих войск в Хайдарабад (в сентябре 1948 г.) и включения этого княжества в состав Индийского союза. Низам капитулировал, но оставлен индийским правительством правителем Хайдарабада.

Правительство Индийского союза проводит политику сговора с князьями, добываясь от них уступок имущим слоям населения княжеств, и в то же время помогает князьям расправляться с крестьянским движением.

Демократическое движение, в котором участвуют широкие слои населения княжеств, включая и буржуазию,

не удовлетворённые куцыми реформами, осуществлёнными князьями, развивается нарастающими темпами.

Правительство Индии, представляющее интересы крупной индийской буржуазии, индийских промышленных магнатов, не заинтересовано в дальнейшем углублении демократического движения в княжествах, оказывает давление на руководителей близких к Конгрессу организаций, понуждая их к заключению компромисса с князьями. Оно опасается, что это движение даст толчок к усилению крестьянского движения в провинциях Индии.

Вследствие этой политики процесс ликвидации политической раздроблённости национальных территорий и ликвидации феодальных пережитков в аграрных отношениях тормозится. Он не будет завершён, пока в Индии у власти стоит крупная индийская буржуазия.

Кашмирская проблема, выдвинувшаяся на первый план после расчленения Индии, заслуживает специального рассмотрения. Княжество Джамму и Кашмир, лежащее на крайнем севере Индии, в Гималаях, охватывает площадь в 32 258 кв. км. Население его немного более 4 млн. человек. Национальный состав населения княжества довольно разнороден. Наиболее крупную и развитую национальность представляют кашмирцы, численность которых достигает 1½ млн., второе место занимают догры — народность, родственная по языку пенджабцам, затем идут различные горные народности, говорящие на разных диалектах западного пахари, и гуджары, ведущие полукочевой образ жизни и занимающиеся скотоводством.

Большинство населения Кашмира — мусульмане, но среди догров преобладают индусы. Правит Кашмиром махараджа княжества Джамму, происходящий из догрских раджпутов.

Мы уже писали, что национальное движение кашмирцев начало развиваться после крестьянского восстания 1931 г. Тогда же возникла Мусульманская конференция, впоследствии переименованная в Национальную конференцию Кашмира. Влияние этой организации распространилось на всё княжество, и её филиалы были созданы и в Джамму, где членами их были также индусы-догры.

После второй мировой войны народное движение в Кашмире выдвинуло требование о смещении махараджи, превращении Кашмира в демократическую республику, предоставлении его народам права самоопределения и т. д. Национальная конференция Кашмира выросла численно и усилила своё влияние. Правительство махараджи, применяя самые жестокие репрессии, стремилось при помощи англичан подавить движение. Национальная конференция была загнана в подполье.

После расчленения Индии правительство Пакистана потребовало включения Кашмира в Пакистан. Махараджа заявил о своём намерении вступить в Индийский союз.

Тогда в Кашмир через территорию Пакистана начали вторгаться отряды патанских племён: махсудов, афридиев и др. В Джагире Пунч¹ было создано марионеточное правительство «Свободного Кашмира». Войска махараджи были разбиты, и отряды патанов подошли близко к столицам Кашмира — городам Сринагар и Джамму. Махараджа, желая заручиться поддержкой населения, освободил из тюрьмы шейха Абдуллу, который создал из деятелей демократического движения чрезвычайную администрацию, ставшую осуществлять власть вместо оказавшегося бессильным правительства махараджи.

Созданным новой администрацией отрядам самообороны при помощи индийских войск удалось оттеснить захватчиков в западные районы княжества, но военные действия не прекратились, и через Пакистан вторгались всё новые и новые отряды патанов.

Тогда индийское правительство обратилось в Совет безопасности Организации Объединённых Наций, и последний выделил комиссию для наблюдения над проведением в Кашмире плебисцита.

Другой инцидент, возникший между Индией и Пакистаном по вопросу о княжестве Джунагад, был ликвидирован довольно быстро. Княжество Джунагад расположено в Катхиаваре. Население его около 800 тыс. человек. На принадлежащем княжеству побережье Аравийского

---

¹ Джагир Пунч — небольшое вассальное княжество в западной части Кашмира.

моря имеется 16 мелких портов. Правитель княжества (мусульманин) заявил о своём намерении присоединиться к Пакистану, несмотря на то, что княжество не соприкасается территориально с Пакистаном. Правительство Индии предупредило князя, что оно не допустит присоединения Джунагада к Пакистану и введёт в княжество войска. Население княжества, 80% которого индусы, не поддержало правителя, и он бежал после этого в город Карачи — временную столицу Пакистана.

В начале 1948 г. в княжестве был проведён плебисцит, и огромное большинство голосов было подано в пользу вступления в Индию.

К Пакистану присоединились лишь немногие княжества, а именно: Бахавальпур, мусульманское княжество Пенджаба с населением в 1,3 млн. человек, княжества Читрал, Гунза и Нагар. Кроме того, заявили о своей готовности сотрудничать с Пакистаном патанские княжества Сват и Дир.

Княжество Келат, самое большое княжество Белуджистана, с населением в 253 тыс. жителей, граничащее с Ираном, вначале выразило желание сохранить прежние отношения с Англией. По настоянию последней хан Келата требовал возврата ему территории Пишинского нагорья, где расположена Кветта¹. Однако в марте текущего года хан Келата изъявил согласие вступить в Пакистан.

В княжестве Келат и пограничной с Афганистаном полосе, по имеющимся сведениям, сохраняются военные базы Англии. Именно для того, чтобы держать под своим контролем всю северо-западную границу Индии, англо-американские империалисты так открыто помогают Пакистану в кашмирской авантюре.

Княжества и теперь не потеряли своего значения опоры английского империализма в Хиндустане и Пакистане. Особенно велико значение в этом отношении крупных княжеств юга Индии — Хайдарабада, Майсура и Траванкура.

---

¹ Кветта — важнейший укрепленный район на афгано-пакистанской границе.

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ
И СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
МЕЖДУ ИНДУСАМИ И МУСУЛЬМАНАМИ**

Противопоставление индийских князей и феодальных помещиков национально-освободительному движению является одной из основных линий английской политики «разделяй и властвуй». Второй, ставшей впоследствии основной, линией этой политики является разжигание индусско-мусульманской розни, противопоставление мусульман индусам.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей английской политики разжигания религиозной розни, мы приведём некоторые справочные данные о религиозных общинах Индии.

Важнейшими религиозными общинами Индии являются индусы, численность которых определяется переписью 1941 г. в 255 030 428 человек и которые составляют более 66 % населения; мусульмане — 94 389 428, или 23 %; сикхи — 5 601 447, или 1,4 %; христиане — 6 316 549, или 1,6 %; джайны — 1 449 286, или 0,3 %; буддисты — 232 093, или 0,06 %; парсы — 114 890, или 0,03 %; кроме того, по переписи 1941 г., 25 441 489 человек, или 6 % населения, отнесены в группу так называемых племенных общин. Остальные 1,61 % приходятся на более мелкие религиозные общины. Цифры эти дают не совсем верную картину, ибо английская политика разжигания религиозной розни наложила свой отпечаток и на индийскую статистику. Поэтому пользоваться её данными нужно весьма критически. Переписи населения в Индии не должны рассматриваться как объективные, более или менее точно отражающие действительность статистические документы. Особенно за последнее время цензы

стали важным политическим документом: на данные переписи опираются в своей борьбе различные антагонистические политические партии и группы Индии, и в первую очередь английские правящие круги, в руках которых находится весь статистический механизм. Это вынуждены признать даже такие апологеты английского господства в Индии, как доктор Амбедкар.

Особенно выделяется в смысле необъективности ценз 1941 г. Ценз этот проводился во время войны и в предвидении неизбежной острой политической борьбы после неё.

В новом цензе произведено одно существенное и принципиальное изменение, которое явно преследует определённые политические цели.

Вместо данных о религии в нём даются данные об общинах. В предисловии к первому тому ценза это изменение объясняется чисто техническими моментами, а именно тем, что при неграмотности населения почти невозможно получить точные сведения о вероисповедании того или иного жителя, причём подчёркивается, что эта трудность особенно велика при определении религии индусов.

«Дело заключается в том, — сказано в вводной статье первого тома ценза, — что, в то время как между исламом или христианством и другими религиями существует как бы определённая стена или ограда, через которую новообращённый должен переступить, те религии, которые называются неопределённым именем анимизма, и та, что обозначается неопределённым и всеобъемлющим понятием индуизма, не отделены друг от друга ничем, кроме широкой полосы «ничьей» земли...»¹

Вместо более или менее определённого понятия «религия» в цензе введено совсем неопределённое и нечёткое понятие «община» — понятие, которое может быть распространено на такие различные общности людей, как сельская община, каста, религиозная община, нация и даже профессиональная группа.

В результате этого изменения терминологии перепись 1941 г. дала очень странные результаты. По переписи

¹ «Census of India 1941», v. I, p. 28.

1931 г. в Индии вместе с Бирмой насчитывалось 8 млн. последователей различных племенных религий.

Однако, по данным переписи 1941 г., оказалось, что за десятилетие с 1931 по 1941 г. число последователей племенных религий не только не уменьшилось, но резко возросло. В одной Индии, без Бирмы, по данным переписи 1941 г., к «племенной общине» отнесено более 25 млн. человек. Можно подумать, что процесс ассимиляции первобытных племён и разложения первобытно-общинного строя в Индии за это десятилетие не только прекратился, но начался обратный процесс возрождения этих племён и их быта. Конечно, такого попятного движения в Индии не было. Дело заключается в том, что все переписи до 1941 г. учитывали отдельно религию и отдельно племенную принадлежность населения, а перепись 1941 г. обе эти совершенно различные общности сваливает в одну кучу.

Бросается в глаза тот факт, что только племена и народности, принявшие индуизм, отнесены в графу «племенных общин», тогда как племена, исповедующие ислам, оставлены в рубрике «мусульмане», а таких мусульманских племён в Индии не мало. Пережитки племенно-родового строя у белуджей, брагуи и даже афганцев (патанов)¹ не менее крепки, чем у санталов, бхиллов и гондов. Степень же их ассимиляции более крупными народами меньше, чем у последних. Белуджи в Белуджистане сохранили свой язык и не только не имеют тенденции к ассимиляции с соседними народами Индии, но проявляют явную тенденцию к превращению из группы родственных племён в нацию, чего нельзя сказать пока ни о бхилах, ни о гондах. Тот факт, что в данных переписи 1941 г. численность индусов занижена, признаётся и её организаторами.

В вводной статье первого тома сказано:

«Общее положение может быть суммировано следующим образом: во всей Индии из каждых 100 индийцев — 66 индусов, 24 мусульманина и 6 человек племенного происхождения. Допуская, что среди племён имеется значительная пропорция более чем наполовину ассимилированных, нужно считать, что индусский элемент превышает две трети населения»¹.

¹ «Census of India 1941», v. 1, p. 30.

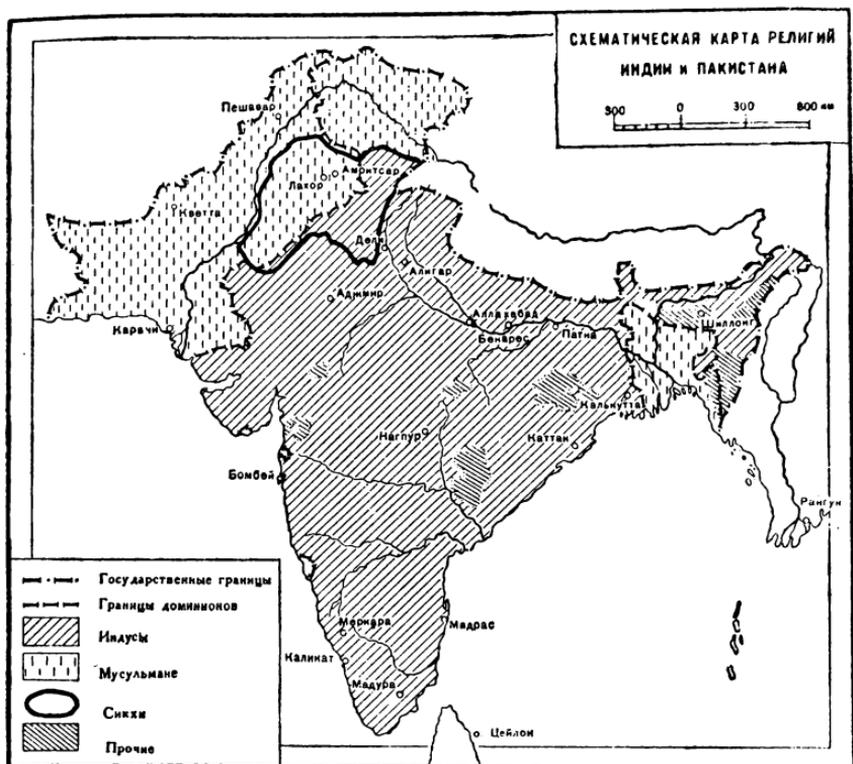
Из этого следует, что данными переписей населения, в особенности последних, надо пользоваться с большой осторожностью и крайне критически. Это политические документы, и нельзя смотреть на них как на источники, дающие беспристрастное и объективное, так сказать, фотографическое отражение индийской действительности. В частности, в отчёте Комитета Сапру¹, источнике, на который нам придётся сослаться, вообще ставятся под сомнение все цифры, относящиеся к группировке населения по религии. В этом отчёте приводится интересная таблица процентного соотношения численности трёх важнейших религиозных общин в Пенджабе, по данным всех переписей, начиная с 1881 и по 1941 г. Считаем не лишним привести её²:

Религиозная община	Годы						
	1881	1891	1901	1911	1921	1931	1941
Мусульмане	47,53	47,39	49,61	51,07	51,05	52,40	58,22
Индусы	43,84	44,08	41,27	35,79	35,06	30,38	29,11
Сикхи	8,22	8,09	8,63	12,11	12,38	14,29	14,92
Прочие	0,41	0,44	0,49	1,03	1,51	2,93	2,75

Комментируя эту таблицу, авторы отчёта пишут: «Между 1881 и 1901 гг. мусульмане в Пенджабе были в меньшинстве. Только после переписи 1911 г. они оказались в незначительном большинстве. Не стоит подчёркивать, что в провинции с таким почти равномерным распределением населения по религиям незначительное численное превосходство, появившееся в течение нескольких лет или десятилетий тем или иным образом, не может быть основанием для претензий, влекущих за собой передачу мил-

¹ «Constitutional proposals of the Sapru committee», Bombay 1945. Комитет Сапру был создан для примирения Конгресса с Лигой и разработки общего проекта индийской конституции. Сапру — крупный индийский юрист, один из лидеров либералов.

² Ibid., p. 132.

лионов людей из подданства одного независимого государства в подданство другого»¹.

Всё же за неимением более точных данных мы вынуждены оперировать материалами переписи.

Различные религиозные общины распределены крайне неравномерно по отдельным провинциям и княжествам, но главнейшие из этих общин, а именно индусы и мусульмане, в разных соотношениях встречаются по всей Индии. Индусы составляют абсолютное большинство — от 66 до 89% — в следующих провинциях: Мадрас — 88%, Бомбей — 87, Соединённые провинции — 84, Бихар — 82, Центральные провинции — 86 и Орисса — 83, Аджмир Мервара — 77, Кург — 89, Дели — 66%.

¹ Речь идёт о разделе Индии на Пакистан и Хиндустан.

Из больших княжеств индусы составляют абсолютное большинство населения: в Хайдарабаде — 85%, в Майсуре — 91, в Траванкуре — 61, в Гвалиоре — 88, в Бароде — 81, в агентстве Раджпутана — 82% и в др.

Мусульмане составляют абсолютное большинство населения в Северо-Западной пограничной провинции — 91%, в Синде — 72, в Пенджабе — 56, в Бенгалии — 53 и из малых провинций в Белуджистане — 87%.

Из крупных княжеств мусульмане составляют большинство населения в княжестве Кашмир — 76%, и в княжествах Белуджистана — 97%. На юге Индии, в центре её и по верхнему и среднему течению Ганга индусы составляют огромное большинство населения — 80%, тогда как районы с преобладанием мусульман занимают две оторванные друг от друга зоны, а именно — северо-западную часть Индии, т. е. провинции Северо-Западная пограничная, Синд, Белуджистан, Пенджаб, княжество Кашмир, а также княжества Белуджистана и полосу так называемых независимых племён, и северо-восточную часть Индии, т. е. провинцию Бенгалии и прилегающую часть Ассама. На северо-западе мусульман насчитывается 28 млн., и они составляют более 60% населения. На востоке, в Бенгалии вместе с Ассамом, мусульман — 36,5 млн., и они составляют 52% населения. В индусских провинциях везде имеется мусульманское меньшинство, составляющее в Мадрасе 7%, в Бомбее — 9,6, в Соединённых провинциях — 14, в Бихаре — 10, в Ориссе — 1,8, в Центральных провинциях — 4, в Хайдарабаде — 10, в Майсуре — 5, в Траванкуре — 7, в Гвалиоре — 5, в Бароде — 8, в Раджпутане — 9%; в мусульманских провинциях также имеется индусское меньшинство. В Северо-Западной пограничной провинции индусы составляют 5,9%, в Белуджистане — 8,9, в Кашмире — 10, в Пенджабе — 27, в Синде — 26, в Бенгалии — 42%.

Другие религиозные общины имеют локальное распространение. Так, огромное большинство сикхов сосредоточено в Пенджабе и княжествах Пенджаба, где их проживает 5 млн. из общего числа 5,6 млн. В остальных провинциях сикхи сосредоточены в городах и по большей части являются отходниками из Пенджаба. В Пенджабе

сикхи составляли до его расчленения 13% всего населения.

Джайны составляют всего 0,3% населения Индии. Наиболее значительная их группа обитает в Раджпутане, где они составляют 2,4% населения, и в княжествах Катхиавара, где они составляют 5% населения.

Большинство парсов сосредоточено в городе Бомбее; христиане рассеяны по всей Индии небольшими группами. Это главным образом неприкасаемые, обращённые миссионерами в христианство, или представители различных отсталых народностей. Древние христиане, обращённые в христианство сирийскими миссионерами ещё в IV веке нашей эры, сосредоточены на Малабарском побережье, главным образом в княжествах Кочин и Траванкур. В Кочине христиан около 400 тыс., и они составляют 28% населения, а в Траванкуре около 2 млн., т. е. 32% населения. Буддизм исповедуют в Индии только некоторые горные народности Гималаев.

Многие английские и мусульманские авторы подчёркивают тот факт, что якобы между индусами и мусульманами Индии имеются резкие социальные различия. Индусы богаты и образованны, это главным образом помещики, капиталисты и ростовщики, тогда как мусульмане бедны и необразованны. Конечно, в такой общей форме это утверждение не соответствует действительности и является чистой демагогией, но нельзя отрицать того факта, что в силу ряда исторических причин некоторые социальные различия между мусульманами и индусами имеют место.

Огромное большинство мусульман Индии являются обращёнными в ислам индусами. Однако в редких случаях мусульманским правителям удавалось обратить в свою религию всё население какой-либо большой области Индии. Только в Синде, Кашмире и в полосе, населённой афганцами, ислам стал религией подавляющего большинства населения. В других случаях ислам приняла, с одной стороны, очень узкая группа представителей высших прослоек индусского общества, присосавшихся к государственному аппарату завоевателей, с другой стороны, довольно широкие низшие слои этого общества, в

значительной мере так называемые неприкасаемые, для которых принятие религии завоевателей означало некоторое повышение их социальной позиции. Обращённых же из среды высших и средних слоёв индусского общества было относительно мало. Поэтому ещё в период господства мусульман в большинстве районов Индии (кроме северо-запада) сложилось такое положение, что мусульмане составляли сравнительно узкую верхушечную служилую и землевладельческую (в феодальном смысле этого слова) прослойку и довольно многочисленный слой обращенцев из низших каст, огромное большинство которых фактически к тому времени занималось уже не своей традиционной, обычно ремесленной профессией, а сельским хозяйством и занимало низшие ступени многоступенной лестницы арендаторов и субарендаторов. Некоторые касты или подкасты почти целиком восприняли ислам. Так, например, в Пенджабе к таким мусульманским по преимуществу кастам относится каста араин (мелкие землевладельцы-огородники), мираси (музыканты) и др. В Соединённых провинциях, в Бихаре значительная, если не бóльшая, часть касты ткачей — джулаха приняла ислам, и эти ткачи стали именоваться муминами. Почти все крестьяне-арендаторы в Восточной Бенгалии и юго-западном Ассаме приняли ислам. Факт преобладания ислама в Восточной Бенгалии, где мусульмане господствовали в течение менее длительного периода, чем, например, в Бихаре или Аудхе, известный бенгальский лингвист С. К. Чаттерджи объясняет тем, что почти до самого завоевания Бенгалии мусульманами популярной религией в Восточной Бенгалии оставался буддизм. Буддистские крестьяне угнетались браминами и каястхами из Западной Бенгалии, в руках которых была сосредоточена земля и которые при индусских правителях стояли у власти. Поэтому эти крестьяне с распростёртыми объятиями встретили мусульманских завоевателей, видя в них избавителей от браминского гнёта, и легко восприняли их религию¹. На юге Индии, за исключением Малабарского побережья, куда ислам был занесён арабскими купцами,

---

¹ *Chatterji S. K.*, op. cit., v. I, p. 209.

мусульманское господство было относительно менее продолжительным, и поэтому там массового обращения в ислам низших каст не было. Там и до наших дней мусульмане составляют очень узкую помещичье-бюрократическую и торговую верхушку, и они сосредоточены главным образом в городах. Уже при господстве мусульман торговля и ростовщичество были сосредоточены главным образом в руках индусов. Эти исторически сложившиеся отношения продолжают существовать и сейчас, и в результате в ряде районов Индии сложилось такое положение, что там, где огромное большинство населения составляют мусульмане, индусы сосредоточены в городах, и в их руках находится торговля и ростовщичество, а местами они же являются и помещиками. Наоборот, в районах, где преобладает индусское крестьянство, там помещики нередко бывают мусульманами, и удельный вес мусульман среди городского населения относительно высок. Так, в Пенджабе мусульмане составляют более половины всего населения и немного более одной пятой части городского; 31 % пенджабских индусов проживает в городах, тогда как среди мусульман на долю городского населения приходится всего 14 %. В Бенгалии мусульмане составляют 52 % населения провинции и менее 40 % её городского населения. Среди индусов Бенгалии на долю городского населения приходится 17 %, а среди мусульман — 4,6 %; в Синде 43 % всего индусского населения проживает в городах и всего 10 % мусульманского.

Наоборот, в Соединённых провинциях мусульмане составляют всего 14 % населения и 30 % городского; из всех индусов провинции на городское население приходится 9 %, а из мусульман 30 %. В Бомбее, где мусульман всего 10 %, они составляют около 20 % городского населения, и в то время как из каждой тысячи индусов в городах проживает всего 233 человека, на тысячу мусульман приходится 533 горожанина. В Мадраасской провинции всего 8 % мусульман, а в городах их около 15 %, на тысячу мусульман приходится 293 горожанина. В княжестве Хайдарабад мусульмане составляют 10 % всего населения, а в городах их число доходит до 28 %; из всех мусульман княжества более 39 % приходится на городское

население¹. В княжестве Барода мусульмане составляют всего 8% населения, но около 50% их сосредоточено в городах, и они играют важную роль в торговле, причём многие из них ведут крупную торговлю в Африке. Составитель XVII тома «Индийской переписи 1941 г.» пишет о мусульманах Бароды: «Значительный элемент их населения состоит из предприимчивых эмигрантов, которые выехали для торговли и предпринимательства в Африку, Бирму и другие места»².

В городе Бомбее, где огромное большинство населения — индусы, ростовщицеством занимаются патаны — мусульмане. На Малабарском побережье, в районе расселения мопла, земля сосредоточена в руках браминов и наиров-индусов, а мусульмане мопла являются арендаторами и сельскохозяйственными рабочими.

Подавляющее большинство как индусов, так и мусульман — трудящиеся и главным образом бедные и беднейшие крестьяне, арендаторы и сельскохозяйственные рабочие. Но тот факт, что в разных районах Индии социальное положение индусов и мусульман различно, что они в ряде районов занимают различные ступени общественной лестницы, конечно, нельзя упускать из вида. Этот факт облегчает направление *классовой* борьбы крестьян против помещиков и ростовщиков в русло религиозной борьбы, и, как мы увидим ниже, это положение было широко использовано английскими империалистами и реакционными лидерами религиозно-общинных организаций Индии. Социальные различия между индусами и мусульманами носят локальный характер, а не всеиндийский. В большинстве районов Индии индусское крестьянство эксплуатируется индусскими же ростовщиками, помещиками и князьями. И в мусульманских районах Индии мусульмане-помещики играют немалую роль. Кроме того, эти различия возникли не сейчас, не в последние годы. Они существовали в большинстве случаев ещё до завоевания Индии англичанами, но, как утверждают единогласно даже официальные английские источники, до начала нашего столе-

¹ «Census of India 1941», v. I, p. 60.

² Ibid., v. XVII, p. 64.

тия индуско-мусульманская рознь не была всеиндийской проблемой и стала таковой только в начале XX столетия. Таким образом, культурные отличия, разница обычаев и разное социальное положение индусов и мусульман в ряде районов Индии не могут объяснить того факта, что индуско-мусульманская рознь за последнее время стала выпячиваться на первый план политической жизни Индии. Но если эти факты сами по себе и не могут объяснить остроты, которую приняла эта рознь, то почву для разжигания этой розни они создают. И в этом отношении особенно важное значение имеет разный характер верхушечных прослоек индусов и мусульман.

После завоевания Индии англичанами капитализм особенно быстро стал развиваться в следующих трёх районах: в Калькутте и прилегающих к ней районах, в Бомбее с прилегающими районами и в Мадрасе. Это всё районы с огромным преобладанием индуского населения. Поэтому и первые капиталисты в Индии были индусами или парсами. К этому надо добавить, что и до завоевания Индии англичанами торговля и кредит были сосредоточены в руках индусов. Отсюда понятно, что индульская буржуазия является гораздо более мощной, чем буржуазия мусульманская. Почти вся промышленность и банки в Индии, крупные страховые компании, каботажное судоходство находятся в руках англичан или принадлежат индусам и парсам. Среди индийской буржуазии мусульманская прослойка очень тонка. Правда, в Гуджарате и в некоторых других районах Индии имеются значительные мусульманские торговые фирмы, но в индийской торговле в целом удельный вес мусульманского капитала невелик.

Основу мусульманской верхушки составляет не буржуазия, а помещики и старая, в значительной мере разорившаяся, феодальная знать. Кроме того, среди мусульманских верхушечных групп довольно видную роль играет военная прослойка. Отсюда, во-первых, большая связь мусульманской верхушки с феодалами и князьями и особенно с феодальным землевладением и большая зависимость её от английских правителей Индии. Этот характер мусульманской верхушки значительно облегчил

англичанам противопоставление её общеиндийскому национально-освободительному движению.

Отсталость же мусульманских масс, а также тот факт, что мусульманские массы стали пробуждаться к сознательной политической жизни в тот момент, когда политическая атмосфера Индии была уже отравлена религиозно-общинной борьбой, облегчили мусульманской верхушке и возглавляемой ею Мусульманской лиге вовлечение мусульманских масс в русло религиозно-общинной борьбы.

ГЛАВА II

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН ИНДУСАМ

Ещё до завоевания Индии англичанами социальный состав индусской и мусульманской общин Индии был неодинаков. Мусульмане состояли из двух прослоек: численно небольшой группы правящей феодальной аристократии, которой в виде джагиров, инамов¹ и т. д. была роздана большая часть земель и деревень, и огромной, но бесправной массы бывших неприкасаемых, составлявших низшую прослойку крестьян-арендаторов.

Духовенство, торговые и ростовщические индусские касты, очень сплочённые и имевшие возможность откупаться от насильственного обращения в ислам, а также большая часть крестьян и ремесленников сохранили свою старую религию. Индусская аристократия сохранилась только там, где старые индусские княжества или полностью сохранили свою независимость, или находились лишь в вассальной зависимости от мусульманских правителей. Некоторые мусульманские правители преследовали индусов, облагали их особым налогом — джазия, как иноверцев. Но в большинстве случаев индусы не подвергались преследованиям, и их торговля и ремёсла процветали при господстве мусульман. Благодаря этому отчуждённость между индусами и мусульманами в Индии была не больше, а, скорее, меньше, чем рознь между различными христианскими сектами в Европе.

Ещё в период завоевания Индии англичане от времени до времени сталкивали индусских правителей с

---

¹ Джагиры и инамы — различные формы феодальных земельных пожалований.

мусульманскими, используя религиозную рознь. Ввиду того, что в период завоевания Индии Остиндской компанией большая часть страны входила в состав империи Великих Моголов, ей пришлось вести борьбу главным образом против наместников-мусульман, опиравшихся на мусульманскую феодальную знать и на мусульманские войска. Вследствие этого английские завоеватели пытались найти поддержку у индусских подданных этих правителей, поддерживая их борьбу против мусульманской феодальной знати. Эта более враждебная к мусульманам, чем к индусам, линия английской политики продолжалась и в первый период английского господства.

Английский земельный закон 1793 г. ставил цель создания в Индии класса помещиков, который должен был стать опорой английского господства. Этот закон превратил мусульманских правителей округов и сборщиков налога в Бенгалии в частных землевладельцев и в то же время явился причиной их полного разорения. Мусульманская аристократия была опутана долгами индусским ростовщикам. Как только земля стала её собственностью, большая часть её за долги перешла в руки последних. Этот момент был одной из причин обострённых отношений между обедневшей мусульманской знатью и индусскими ростовщиками и торговцами.

Вахабитское движение, начавшееся в Индии в 20-х годах прошлого столетия и окончательно подавленное англичанами только в 1863 г., и особенно восстание 1857 г., зачинщиками которого английские правящие круги считали мусульман, ещё более усилили антимусульманскую направленность английской политики.

Некоторые лояльные к Англии мусульманские чиновники ещё во время восстания пытались изменить это отношение и реабилитировать мусульманскую знать в глазах английских правителей. В этом отношении особенно интересна брошюра Саид Ахмад Хана «Причины индийского восстания»¹, опубликованная в 1858 г., т. е. сразу после восстания.

---

¹ Саид Ахмад Хан, Асаб-и-Багават-и-Хинд, Агра 1903 (на языке урду).

Саид Ахмад Хан — крупный мусульманский деятель конца XIX столетия, поставивший своей задачей поднятие материального благосостояния разорившейся мусульманской знати. Он считал, что для этого надо привлечь мусульманскую знать на английскую службу, надо, прежде всего, преодолеть укоренившееся недоверие английских правящих кругов к мусульманской знати.

В упомянутой брошюре Саид Ахмад ставил своей задачей доказать следующие положения: во-первых, представить мусульман пассивными участниками восстания и, во-вторых, указать англичанам, что, пойдя навстречу требованиям индийских мусульман, а именно, предоставив им службу в государственном аппарате, англичане могут обрести в лице мусульманской знати серьёзного и верного союзника. Саид Ахмад не видел классового расслоения среди мусульман. В его глазах вся мусульманская община — это бывшие джагирдары¹, военные и чиновники мусульманских императоров и навабов (наместников), и в защите интересов именно этой группы он видел свою основную задачу.

В брошюре «Асаб-и-Багават-и-Хинд» Саид Ахмад писал: «Мусульмане не жители этой страны. Они пришли с предыдущими царями в Индию в качестве служащих и осели здесь. Поэтому все они служилые люди и вследствие недостатка службы были более недовольны, чем коренные жители страны. Служба почётного солдата, которая наиболее соответствует нравам невежественных жителей этой страны, мало требуется нашему правительству. Правительственное войско состоит главным образом из телангов², и благородные люди считают позорным служить в нём. Для благородных осталась только служба в кавалерии, но она столь малочисленна, что с прежней кавалерией её нельзя и сравнивать»³.

Действительно, положение прослойки этих «благородных» людей резко ухудшилось. Их земли постепенно

¹ Джагирдар — держатель джагира, т. е. земельного участка и деревень, дававшихся государством в пользование за службу.

² Теланги, или телинги, — так называют иногда народ телугу.

³ Саид Ахмад Хан, Асаб-и-Багават-и-Хинд, стр. 43—44 (на языке урду).

перешли в руки ростовщиков-индусов, которые обогнали их и на служебном поприще. Это создавало среди мусульманской знати враждебное отношение к индусам и порождало чувство сожаления о прошлых днях мусульманского величия.

Однако английское правительство далеко не сразу переменило своё отношение к мусульманской знати. Брошюра Саид Ахмада оказалась в 1858 г. гласом вопиющего в пустыне. Английское правительство было настолько напугано восстанием, что и не думало о привлечении индийцев на государственную службу, стремясь, наоборот, по возможности обходиться без них.

Бывший министр по делам Индии — Эмери в речи от 21 сентября 1940 г. следующим образом охарактеризовал английскую политику этого периода: «На деле в течение полустолетия, которое последовало за установлением прямого правления короны, после бунта, мы были слишком заняты немедленным улучшением администрации, чтобы предвидеть политические проблемы будущего и готовиться к ним посредством прогрессивного расширения поля деятельности индийцев в исполнительной и законодательной областях. Наоборот, вся тенденция была направлена на то, чтобы устранить те элементы туземного самоуправления, которые ещё существовали»¹.

Только в 70-х годах XIX века, когда начало зарождаться организованное национально-освободительное движение, английское правительство обратило внимание на деятельность Саид Ахмада и стало оказывать ему содействие.

Когда был организован всеиндийский Национальный конгресс, Саид Ахмад занял по отношению к нему враждебную позицию и призывал своих последователей воздержаться от участия в движении, возглавляемом этой организацией.

Несмотря на то, что в тот период вице-король Индии лорд Дафферин и его сотрудники относились положительно к созданию Конгресса, считая, что он будет представлять только лояльную оппозицию против английского господства и отвлекать индийскую интеллигенцию

---

¹ *Ameru, India and freedom, 1940, p. 22.*

от участия в массовой борьбе, Саид Ахмад видел, что началась организованная борьба индийской, главным образом индусской, буржуазии против английского господства. Он почувствовал, что Национальный конгресс, несмотря на свою внешнюю лояльность к английскому правительству, по сути дела является хотя и умеренной, но антиправительственной организацией, и считал, что мусульманская верхушка должна занять позицию поддержки правительства.

В отчёте Комитета Сапру по этому вопросу говорится: «Около тридцати лет, с 1857 г., мусульмане были в немилости, ибо их подозревали в том, что они играли выдающуюся роль в восстании. Однако после образования индийского Национального конгресса в 1885 г. и острой реакции на его образование крупного мусульманского лидера сэра Саид Ахмад Хана произошла перемена. Будучи в течение многих лет большим патриотом, стоящим за единую нацию, обнимающую обе общины, которую он настойчиво описывал как индусскую нацию, он постепенно пришёл к тому взгляду, что правильной политикой для мусульман в их положении является неуклонная лояльность к британскому правительству и воздержание от всех форм политической активности, которая могла бы повести к конфликту с правителями. Если не принять во внимание нескольких отступлений под влиянием особенно острого общинного возбуждения или религиозных эмоций, основная масса более консервативных мусульманских лидеров осталась верной политике сэра Саида»¹.

Саид Ахмад оказал огромное влияние не только на мусульман, но и на отношение к ним английских правителей. Организованный Саид Ахмад Ханом Алигархский мусульманский колледж (теперь университет) получил поддержку со стороны правительства; ведущую роль в нём на первых порах играли профессора и воспитатели — англичане. С течением времени этот колледж стал не только центром обучения мусульманской знати, но и центром религиозно-общинного движения мусульман,

¹ «Sapru Committee report», p. 99.

направленного против Национального конгресса. Именно в стенах этого колледжа, как утверждает в докладе комитета Сапру, зародилась идея посылки к вице-королю Индии в 1906 г. мусульманской делегации, которая положила начало Мусульманской лиги.

В отчёте Комитета Сапру сказано: «Было бы плохой политикой, если бы британское правительство выступило прямо в роли противника самоуправления Индии. Рассказ о событиях, приводимый ниже, покажет, как было избегнуто прямое проявление конфликта. В то время как г-н Дадабхай Наороджи требовал свараджа, сепаратистское движение мусульман, всё значение которого не было понято в то время, стало формироваться. Оно росло неуклонно и за последние пять или шесть лет достигло огромной силы. Сэр Саид Ахмад Хан основал в 1877 г. в городе Алигархе мухаммеданский англо-восточный колледж, который после развился в Алигархский мусульманский университет. Колледж был не только местом, где мусульманская молодёжь получала западное воспитание, но под активной инспирацией и руководством первых трёх принципалов — Бека, Моррисона и Арчболда — он стал центром большой политической активности. Господин Бек оказал немалое влияние на сэра Саид Ахмада в отношении радикального изменения политических взглядов последнего, которое произошло после того, как национальное движение нашло своё организационное выражение в создании индийского Национального конгресса»¹.

Далее, цитируя книгу Ахмада Туфайля, написанную на урду, под названием «Будущее мусульман», отчёт приводит ряд документов, свидетельствующих о том, что упомянутая выше депутация мусульманской знати была организована с помощью и по указанию английских чиновников, которые приняли участие также в направлении её деятельности против индусов.

В отчёте приводится высказывание первого руководителя Алигархского колледжа — Бека, который писал: «Мусульманам и англичанам необходимо объединиться

---

¹ «Sapru Committee report», p. 100.

в целях борьбы против этих агитаторов и препятствовать введению демократической формы правительства, не соответствующей нуждам и характеру страны. Поэтому мы пропагандируем лояльность к правительству и англо-мусульманское сотрудничество»¹.

Далее, отчёт Комитета Сапру приводит также документ, свидетельствующий о том, что преемник сэра Саид Ахмад Хана — наваб Мохсин-уль-Мульк, один из организаторов депутации 1906 г., — получал инструкции от руководителя колледжа Арчболда, и последний даже подготовил адрес, представленный депутацией вице-королю Индии лорду Минто.

Леди Минто в книге «Индия, Минто и Морли» сообщает, что вечером того дня, когда Минто принял делегацию мусульман, им было получено письмо от одного чиновника, который писал: «Я должен послать Вашему превосходительству хотя бы строчку, чтобы сказать, что сегодня произошло очень, очень важное событие. Было сделано государственное дело, которое на много лет будет оказывать своё влияние на Индию и её историю. Это не что иное, как отвлечение 62 млн. жителей из рядов злостной оппозиции». Леди Минто добавляет от себя: «Такого же взгляда придерживались в Белом Доме»².

Депутация эта, председателем которой был глава секты измаилитов Ага Хан, просила вице-короля о следующем:

«1) Чтобы значение мусульманской общины во всякой схеме представительства не измерялось бы только численностью её населения, но её политической важностью, той ролью, которую она играла немного более ста лет тому назад, и по тому вкладу, который она внесла в дело защиты империи.

2) Представительные учреждения европейского типа, если они не приспособлены к социальным, религиозным и политическим условиям, сложившимся в Индии, могут выдать национальные интересы мусульман, которые представляют особую общину, на милость несочув-

¹ «Sapru Committee report», p. 101.

² *Minto Mary, India, Minto and Morley, L. 1935, p. 74.* Белый Дом, резиденция вице-короля Индии в Калькутте.

ствующего им большинства. Поэтому необходимо, чтобы выборы мусульманских представителей как в провинциальные, так и в центральные законодательные органы и в органы местного самоуправления производились только мусульманами.

3) Чтобы мусульмане имели адекватную долю мест в правительственном аппарате и при заполнении этих мест не проводился бы конкурс, ибо усилия мусульманских воспитателей всегда были направлены главным образом на выработку характера, а не конкретных знаний»¹.

Английское правительство удовлетворило эти требования мусульманской знати, инспирированные английскими чиновниками. Акт 1909 г. об управлении Индией (известный под названием реформы Морли — Минто) предоставил избирательные права ничтожной группе индийцев. При этом впервые в истории Индии была введена система выборов по религиозно-общинным куриям, и за мусульманами были резервированы специальные места в законодательных органах.

Мусульманская верхушка получила также и просимый ею «перевес», т. е. большее количество мест в государственном аппарате и законодательных органах, чем пропорциональная численность мусульман среди населения соответствующей провинции. Реформа Морли — Минто обычно представляется английскими авторами как первый серьезный шаг в деле подготовки Индии к получению прав полного самоуправления, однако в этом отношении реформа является лишь ничтожной и чисто формальной уступкой требованиям индийской буржуазии. Зато в осуществлении английской политики противопоставления мусульман индусам эта реформа сыграла огромную роль. Она явилась первым этапом на пути осуществления политики, которая после этого неуклонно проводилась и проводится до сих пор английским правительством. Не только индийцы, сторонники Национального конгресса, но и сами англичане, даже английские министры, признают, что эта реформа обострила рознь между индусами и мусульманами. В одной из речей

¹ «Report of the Indian Statutory Commission», p. 183—184.

Эмери заявил, что введение раздельного голосования индусов и мусульман по куриям «сделало пропасть между двумя общинами непреодолимой». Вместе с тем как Эмери, так и другие английские правительственные деятели и авторы пытаются доказать, что английское правительство не желало введения куриальной системы выборов и ввело её только под давлением мусульманской общины. В частности, указывается, что либерал Морли, который был в 1909 г. министром по делам Индии, якобы очень неохотно согласился на это¹. Эти утверждения не соответствуют действительности.

Введение куриальной системы выборов оказалось весьма эффективным средством раскола национально-освободительного движения. С её введением индусско-мусульманская проблема стала превращаться в одну из важнейших проблем политической жизни Индии, сделалась одним из важнейших рычагов английской политики «разделяй и властвуй». Введение религиозно-общинных курий и общинного представительства имело своим следствием то, что религиозно-общинная рознь приняла характер политической борьбы всеиндийского масштаба, что мусульманская религиозная община превратилась в политическую организацию, в которой руководящая роль принадлежит феодально-помещичьей верхушке общины. Поскольку каждая община отдельно выбирает своих представителей, всё обсуждение кандидатур ведётся внутри общины, подготовка выборов также идёт внутри общины. Община замыкается в себе и отрывается от остальной массы населения. Такое положение оказалось очень выгодным для английских правителей Индии, ибо оно затруднило вовлечение широких и более отсталых мусульманских масс в национально-освободительное движение и в классовое движение трудящихся. Более того, оно помогло мусульманской верхушке, пользуясь лозунгом «Ислам в опасности, берегитесь господства индусов», увлечь за собой довольно широкие слои трудящихся мусульман. Характерно, что за введением религиозно-общинного представительства и выборов по куриям после-

¹ *Amery*, op. cit., p. 23.

довал раскол культурных, спортивных и т. п. организаций на индусские и мусульманские.

В своих работах, посвящённых национальному вопросу, Ленин и Сталин показали, какой вред может нанести единству рабочего движения так называемая культурно-национальная автономия, пропагандировавшаяся социал-демократами в Австрии, воспринятая меньшевиками и Бундом.

В работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин, критикуя национальную программу Бунда, писал:

«Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем — таковы *учреждения* культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится ещё вредней, когда её навязывают «нации», существование и будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности «нации», не только полезные, но и вредные, — лишь бы «спасти нацию» от ассимиляции, лишь бы «уберечь» её»¹.

Сторонники культурно-национальной автономии требовали, чтобы нации были превращены в своего рода экстерриториальные союзы, пользующиеся определёнными государственными правами.

Это их требование не только с точки зрения рабочего движения, но и с точки зрения последовательного демократизма было реакционным, ибо его осуществление неизбежно привело бы к отчуждению между нациями, к идейному подчинению трудящихся каждой нации своей буржуазной или буржуазно-помещичьей верхушке.

Как мы показали выше, мусульмане Индии в целом не являются нацией, это только религиозная община. И вот реформа Морли — Минто превратила мусульман всей Индии в своеобразную политическую организацию, отнюдь не демократическую, имеющую право посылать своих представителей в законодательные органы и в органы местного самоуправления, выдвигать своих пред-

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 340.

ставителей на различные государственные посты и т. д. В результате этого усилилось разобщение между мусульманами и индусами, усилилось подчинение трудящихся мусульман идеологическому влиянию полуфеодальной мусульманской верхушки. Английские конституционные реформы преследовали цель: укрепить и усилить религиозно-общинную рознь, чтобы противопоставить мусульман индусам и осуществлять на новой основе традиционную политику господствующих классов Англии — «разделяй и властвуй».

Начавшийся в период первой мировой войны подъём национально-освободительного движения, особенно бурный позднее — в 1919—1922 гг., создал угрозу подрыва основ английской политики «разделяй и властвуй». Обещание английского правительства предоставить после войны Индии права доминиона оказало влияние и на Мусульманскую лигу. В этот период в её руководстве получили перевес более прогрессивные представители мусульманской интеллигенции, что создало условия для сближения между Национальным конгрессом и Мусульманской лигой. В 1916 г. в Лакнау одновременно заседали Конгресс и Лига. С тех пор до 1918 г. практиковался одновременный созыв ежегодных сессий. В 1916 г. между Лигой и Конгрессом было заключено соглашение. Сближение Конгресса и Лиги очень обеспокоило английские правящие круги, и при введении нового акта об управлении Индией (так называемой реформы Монтегю — Челмсфорда) англичанами была сделана очередная попытка расширить брешь между индусами и мусульманами. Ссылаясь на Лакнауское соглашение, английское правительство расширило принцип общинного представительства и курИАльных выборов. Но в период подъёма национально-освободительного движения 1919—1922 гг. этот манёвр не дал ожидаемых английскими правящими кругами результатов. Индусы и мусульмане совместно боролись против английского господства. Новым манёвром, рассчитанным на разжигание религиозной розни, был акт 1935 г.

Конституция 1935 г. в своих существенных чертах явилась продолжением и дальнейшим развитием политиче-

ской линии на разжигание индусско-мусульманской розни, начало которой было положено реформой Морли—Минто.

В 1935 г. число избирателей было увеличено до 35 млн. человек (почти в семь раз против реформы 1919 г.). Но и это составляло всего 14 % ¹ населения провинций Британской Индии. Согласно новой конституции провинциям была предоставлена так называемая автономия. В провинциях были созданы законодательные органы, избираемые населением. Провинциальные правительства должны были нести ответственность перед этими законодательными органами. Таким образом, создавалась видимость установления в провинциях парламентарного строя. Вот что пишет по этому поводу Куплэнд: «Что же случилось в 1937 г.? 1 апреля провинции стали автономными, то есть освобождёнными от контроля центра во всех провинциальных делах, и их правительства стали полностью ответственными правительствами, за исключением вопросов особой компетенции. Таким образом, в отношении провинций эволюция к парламентскому самоуправлению была завершена, и, как следовало ожидать, этот факт сам по себе должен был выдвинуть на первый план религиозно-общинный антагонизм, который рос шаг за шагом вместе с этим эволюционным процессом» ².

Но в действительности акт 1935 г. не установил парламентарного режима в провинциях. Уже один тот факт, что в провинциях вся полнота власти осталась за губернатором, что губернатор сохранил «право вето» в отношении любого решения провинциального правительства и даже в случае необходимости имел право распустить правительство и управлять провинцией через назначенных им лиц, говорит о том, что пресловутая «провинциальная автономия» являлась такой же фиктивной уступкой английского правительства, как и все предыдущие. Более того, избирательная система, предусмотренная «Общинным законом», придала универсальный характер религиозно-общинной системе избирательных курий и резервации мест в законодательных учреждениях за религиозными общинами.

¹ Население провинций Британской Индии в 1931 г. исчислялось в 256,7 млн. человек.

² *Coupland*, op. cit., v. III, p. 22.

Согласно «Общинному закону» 1932 г. были введены следующие курии: общая (главным образом индусская), курия угнетённых классов, т. е. неприкасаемых, мусульманская, сикхская, курия индийских христиан, англо-индийцев, европейская и курия отсталых районов. Кроме этих курий, выделенных по религиозному или расовому принципу, были созданы классово-сословные курии, а именно: коммерческая и промышленная курия, курия землевладельцев, университетская и рабочая. Для женщин образовались особые курии в составе религиозно-общинных курий.

В общей сложности в провинциальные законодательные органы избиралось 1548 депутатов. Из них 1411 депутатов избиралось по религиозно-общинным и расовым куриям и 137 по классово-сословным. После протеста Национального конгресса и соглашения, заключённого Ганди с лидерами неприкасаемых (Пунский пакт)¹, курия неприкасаемых была упразднена, за неприкасаемыми было резервировано 148 мест из предоставленных по общей курии.

В результате депутатские места разделялись следующим образом по куриям: общая курия (включая неприкасаемых) получила 807 мест, мусульманская — 490, христиане — 21 место, сикхи — 35, европейцы — 26, отсталые районы² — 20, англо-индийцы — 12 мест, торговцы и промышленники — 55 мест, землевладельцы — 36, университеты — 8 и рабочие — 38 мест.

Таким образом, индусы и неприкасаемые, составляющие 70% населения провинций Британской Индии, получили всего 55% мест, в то время как мусульмане, составляющие 23% населения, получили 33% мест. В особенно привилегированное положение были поставлены англичане. Европейская курия была предназначена только для тех европейских капиталистов, которые не занимали официальных постов в правительственном аппарате и не служили в армии. Численность их ничтожна, не превышает

¹ См. главу о кастах.

² Так называются англичанами районы, населённые различными отсталыми народностями. См. выше, гл. 6.

10—15 тыс. Эта ничтожная кучка не только получила 25 мест по своей курии, но за ней было резервировано 36 мест по торгово-промышленной курии. Даже там, где национальный, индийский капитал преобладает над английским (например, в Бомбее), европейские промышленники избирали больше депутатов, чем индийские. Таким образом, конституция 1935 г. ущемила права даже индийских капиталистов, не говоря уже о трудящихся.

В 1934 г., т. е. через 2 года после опубликования «Общинного закона», была опубликована инструкция вице-короля Индии о порядке комплектования центрального и провинциального государственного аппаратов. В этой инструкции указывалось, что за мусульманами утверждается 25 % вакансий, заполняемых по конкурсу, а за остальными меньшинствами—8,33 %. При этом инструкция оговаривала, что если остальные меньшинства не смогут представить кандидатов, удовлетворяющих требованиям конкурса, то их места заполняются мусульманами.

«Общинный закон» и инструкция 1934 г. превратили религиозные общины Индии в своего рода политические корпорации, избирающие депутатов в законодательные органы, выдвигающие кандидатов на должности чиновников и т. д. Этим достигалось противопоставление религиозных общин и особенно мусульман и индусов друг другу и создавались условия для раскола национально-освободительного движения по религиозно-общинной линии. Но предвоенный подъём национально-освободительного движения и события, развернувшиеся в Индии во время второй мировой войны, показали недостаточность этих методов разжигания религиозно-общинной розни, и в период войны произошло серьёзное изменение той тактики, которую английские правящие круги применяли для противопоставления друг другу важнейших религиозных общин Индии.

Прежде чем перейти к изложению этой смены методов английскими правящими кругами, нам придётся вкратце остановиться на характеристике индийских политических организаций, игравших и играющих роль орудия английского империализма в осуществлении политики «разделяй и властвуй».

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛИГА

Важнейшей из религиозно-общинных политических организаций Индии является Мусульманская лига. Ядром, вокруг которого сложилась и развилась Мусульманская лига, была упомянутая выше делегация мусульманской знати, посланная в 1906 г. к вице-королю лорду Минто.

Первая конференция Мусульманской лиги состоялась в декабре 1906 г. На ней присутствовали представители мусульманской знати, главным образом помещики-талукдары из Соединённых провинций, представители правящих мусульманских кругов княжества Хайдарабад и др. Первым председателем Лиги был избран глава секты измаилитов — Ага Хан III. Ага Хан III с самого начала своей деятельности был тесно связан с английскими правящими кругами. В 1906 г. он возглавлял делегацию мусульман, отправленную к лорду Минто. Как первый председатель Лиги он основал фонд Алигархского университета. Во время турецко-итальянской войны 1912 г. и балканских войн 1912—1913 гг. он, пользуясь своим влиянием на общины измаилитов в арабских странах, стремился нейтрализовать неблагоприятную реакцию в мусульманских странах на английскую политику во время этих войн.

С изменением обстановки в стране изменилась и программа Лиги. На первых этапах своего развития Лига ставила своей задачей расширение представительства мусульман в различных законодательных и муниципальных органах, а также большее вовлечение их в государственный аппарат. В 1913 г. Мусульманская лига заявила,

что её целью является достижение самоуправления Индии в пределах Британской империи¹, но при этом она не отказалась от требования резервирования за мусульманами мест в законодательных органах и от куриальной системы выборов.

Несмотря на расхождение по вопросу о системе выборов, в период первой мировой войны между Мусульманской лигой и Национальным конгрессом было достигнуто соглашение.

Вот что сказано по этому поводу в отчёте комиссии Монтегю—Челмсфорда: «В 1913 г. Лига провозгласила, что она ставит своей целью установление самоуправления такого рода, который соответствовал бы Индии, и за это её горячо приветствовал Конгресс. Влияние в тот период панисламистских чувств не способствовало курсу на союз с индусами; но в то время действовали также и более сильные причины, которые сближали прогрессивные партии обеих сторон. Ввиду этого новый национализм, вызванный к жизни войной, получил преобладание на конференции в Лакнау в 1916 г. и Конгресс и Лига заключили формальное соглашение, а консервативная часть мусульман, оставшаяся вне этого соглашения, игнорировалась»².

Соглашение, заключённое в Лакнау, делало уступку Мусульманской лиге. Национальный конгресс, который выступал против религиозно-общинного представительства и куриальных выборов, согласился на признание и даже на распространение их на Пенджаб и Центральные провинции, где они актом Морли — Минто не были предусмотрены. Мусульманам была гарантирована третья часть всех мест в центральном законодательном собрании Индии. Акт 1919 г. об управлении Индией (реформа Монтегю — Челмсфорда) взял в этом вопросе за основу лакнаускую резолюцию. В заключении лакнауского пакта активное участие принял Тилак. Тилак и Джинна, который в то время был ещё конгрессистом, считали, что религиозно-общинное представительство и куриальная

¹ «Indian Yearbook» 1934—1935, p. 951.

² «Report on Indian Constitutional Reform», p. 137.

система выборов будут временным явлением¹. Это соглашение между Конгрессом и Лигой было заключено в тот период, когда начался подъём национально-освободительного движения. Как Национальный конгресс, так и Лига считали, что англичане вынуждены будут под давлением национально-освободительного движения выполнить своё обещание о предоставлении Индии прав доминиона. Лига и Конгресс в то время ставили перед собой задачу достижения статута доминиона. Это также облегчало достижение соглашения. Но уже в 1918 г. в Конгрессе произошёл раскол. Откололась более умеренная его часть, которая осталась на прежних позициях, тогда как большинство членов Конгресса к этому времени уже выдвигало требование полной независимости и в этом духе интерпретировало лозунг «Сварадж». Отколовшаяся от Национального конгресса группа образовала новую партию, так называемую Всеиндийскую либеральную федерацию. Среди либералов было много лиц, участвовавших в деятельности Национального конгресса с самого его начала, например, Сурендра Натх Баннерджи, Тедж Бахадур Сапру и др. Немного позднее (в 1921 г.) из Национального конгресса вышел и Мухаммад Али Джинна.

В 1919—1922 гг., в период наиболее бурного подъёма национально-освободительного движения, Мусульманская лига отошла на задний план. Мусульманские массы в такой же мере были вовлечены в антиимпериалистическое движение, как и индусские. Наиболее влиятельной мусульманской организацией в это время был Халифатский комитет, во главе которого стояли два брата Мухаммад Али и Шавкат Али. Как символ единения Конгресса с халифатским движением общее руководство этим движением было ручено Ганди.

Халифатское движение началось как движение протеста против изгнания турецкого султана и лишения его престола. От этого произошло и название движения, так как султан Турции считался халифом всех мусульман. Но если в глазах мусульманской интеллигенции вопрос о халифате ещё имел какое-то значение, то массы,

¹ «Sapru Committee report», p. 107.

участвуя в движении, мало думали о халифе и о Турции. Они, как и индусские массы, поднялись на борьбу против своих угнетателей — английских империалистов. Англо-афганская война 1919 г. ещё более усилила недовольство мусульманской интеллигенции внешней политикой Англии. Ввиду близости Афганистана к Индии сочувствие Афганистану носило более действенный характер, чем сочувствие Турции. Много студентов и учителей из среды индийских мусульман вступило добровольцами в афганскую армию. Многие мусульмане дезертировали из индийских частей и перебежали на сторону афганской армии. Враждебное отношение афганского короля Амануллы к английскому империализму вызвало симпатию к нему со стороны индийской мусульманской интеллигенции, особенно патанской.

Мусульманское движение переросло Лигу. После подавления демократического движения 1919—1922 гг. Индия переживала период тяжёлой реакции. В рядах борцов за независимость наступило разочарование. Это разочарование в значительной мере объяснялось тем, что руководство Конгресса во главе с Ганди выступило против массовой активной антиимпериалистической борьбы и взяло курс на соглашение с английским империализмом. В конечном счёте Конгресс принял реформу Монтегю — Челмсфорда и на её основе пошёл на сотрудничество с англичанами. Буржуазными группами, руководившими в тот период национально-освободительным движением, было заключено соглашение с английскими империалистами.

Одним из признаков реакции в Индии явилось обострение индусско-мусульманской розни. К периоду, когда в Индию была направлена комиссия Саймона, эта рознь снова стала серьёзным фактором, тормозящим развитие национально-освободительного движения.

Попытка Национального конгресса, сделанная им в 1928 г., разработать общую с мусульманскими организациями платформу потерпела неудачу. Конституция Неру хотя и была составлена при участии отдельных мусульман, но мусульманские организации и влиятельные мусульманские круги не приняли участия в её разработке.

В 1928 г. была создана новая организация — «Всепартийная мусульманская конференция». В 1929 г. в Дели она приняла резолюцию, в которой требовала сохранения общинного представительства, куриальных выборов и не менее 33 % мест для мусульман в центральных законодательных органах Индии.

Эта резолюция находилась в резком противоречии с так называемой конституцией Неру, которая отвергала куриальные выборы и высказывалась против общинного представительства.

С 1919 г. по 1934 г. Мусульманская лига находилась в состоянии развала. В 1928 г. в ней произошёл раскол. Её левое крыло требовало бойкота комиссии Саймона. Именно в период упадка влияния Лиги к её руководству пришёл Джинна.

В 1930, 1931 и 1932 гг. в Лондоне были проведены три Конференции круглого стола по индийскому вопросу. Несмотря на то, что представители индусов и сикхов выступали против общинного представительства и куриальных выборов, в 1932 г. был опубликован «Общинный закон», сделавший принцип общинного представительства и куриальных выборов всеобщим.

Опубликование «Общинного закона» и включение его в Белую книгу 1935 г. (о конституционной реформе), содействовали консолидации Лиги. Однако Мусульманская лига не сразу вновь стала ведущей организацией мусульман, она долго ещё была одной из многих мусульманских организаций, причём в Национальном конгрессе ещё в 1938 г. было больше мусульман, чем в любой из этих организаций.

Усиление Лиги связано с деятельностью в ней Джинны.

Мухаммад Али Джинна родился в 1876 г., в городе Карачи, в семье гуджаратских мусульман-ходжа¹. Он получил юридическое образование в Англии и с 1896 г. работал секретарём у известного индийского деятеля, одного из основоположников Национального конгресса, парса — Дадабхаи Наороджи. Джинна отнюдь не был

¹ Ходжа — мусульманская торговая община, большинство ходжа — измаилиты, последователи Ага Хана.

фанатичным мусульманином. Он был женат на парсианке, и дочь его вышла замуж за парса. Он вступил в Национальный конгресс и был избран как конгрессист в центральное законодательное собрание. Но в 1921 г. Джинна вышел из Национального конгресса. Обычно выход Джинны из Конгресса объясняют тем фактом, что он не был согласен с методами борьбы Ганди. Это правильно только отчасти. Джинна, который был близок к старому поколению конгрессистов, отошёл от Конгресса, опасаясь демократизации и радикализации его. Выйдя из Конгресса, Джинна вступил в Мусульманскую лигу. В 1934 г. Джинна стал не только председателем, но и полномочным диктатором Лиги¹.

Джинна в отличие от первых лидеров Лиги не был связан с помещичьими кругами Северной Индии и с князьями. Он не гнушался социальной демагогией и умело применял её. На массовых митингах он клеймил английское господство, но всё же основной огонь своей критики направлял против Национального конгресса. В официальных заявлениях и обращениях он проявлял лояльное отношение к английскому правительству, добиваясь поддержки требований Лиги.

В международных вопросах линия Джинны также отличалась лишь внешней непоследовательностью. Он никогда не выступал открыто за Гитлера, но не только терпел в рядах Лиги открыто профашистские элементы, а даже и сам солидаризировался с политикой Гитлера. Выступая на словах за демократию, Джинна апеллировал к консерваторам, просил у них поддержки требований Лиги. Благодаря этой двуличной политике Джинна сумел, с одной стороны, расширить влияние Лиги на мусульманские массы и в то же время сохранить основную политическую линию Лиги — линию борьбы за расширение привилегий мусульманской помещичьей верхушки и поддержки английских правящих классов.

Однако приход Джинны к руководству Лигой не сразу превратил её в главную мусульманскую организацию, хотя влияние её и начало расти. В 1932 г. в Лакнау

¹ Джинна умер в сентябре 1948 г., будучи генерал-губернатором Лакистана.

была созвана сессия Всепартийной мусульманской конференции. На этой сессии видную роль играл Джинна. Конференция приняла 14 пунктов, предложенных Джинной.

В основном эта резолюция сводилась к следующему:

1. Индия должна быть превращена в федерацию. Во всех провинциях должно быть обеспечено эффективное представительство меньшинств в законодательных органах.
2. В центральных законодательных органах за мусульманами должна быть резервирована третья часть всех мест.
3. В Пенджабе, Бенгалии и Северо-Западной пограничной провинции мусульманам должно быть гарантировано постоянное большинство в законодательных органах.
4. Обеспечение полной религиозной свободы.
5. Обеспечение достаточного представительства мусульман в министерствах и на государственной службе.
6. Выделение Синда.
7. Защита мусульманской культуры и т. д.

Сближение Лиги с Конгрессом на этой платформе не состоялось. Более того, на очередной Конференции круглого стола, где религиозно-общинный вопрос был сделан центральным, английскому правительству удалось, опираясь на программу, сформулированную Джинной, разжечь религиозную рознь. В этом отношении конференция была типичным образцом «миротворчества» английского правительства.

В 30-х годах началось сплочение «мусульман-националистов», т. е. тех мусульман, которые стояли ближе к Национальному конгрессу, чем к Лиге. Кроме мусульман-конгрессистов в эту группу входила партия Джамият-и-Ахрар, пользовавшаяся некоторым влиянием в Пенджабе, Джамиат-Уль-Улема, организация мусульманских духовных учёных, которая под влиянием Абуль Калам Азада поддерживала Конгресс. Мусульмане-националисты провели в 1932 г. конференцию и приняли на ней решение против куриальных выборов. Однако они поддерживали требование федеративного устройства Индии.

В 1934 г. совет Мусульманской лиги принял «Общинный закон». В том же году делались попытки объединить Лигу и Всепартийную мусульманскую конференцию под руководством Лиги. Но это объединение не было доста-

точно действенным. Только в 1936 г. Лига поглотила все мусульманские организации, кроме связанных с Национальным конгрессом. На бомбейской сессии в 1936 г. Мусульманская лига приняла решение об участии в выборах провинциальных законодательных собраний, но на этих выборах она потерпела поражение, особенно в провинциях мусульманского большинства.

Итоги выборов показали, что Лига пользуется влиянием только в тех провинциях, где мусульмане составляют меньшинство, и притом меньшинство главным образом имущее. Более того, даже среди верхушечной прослойки мусульман Пенджаба и Бенгалии Лига не имела влияния. Там действовали две местные мусульманские партии — Пенджабская партия юнионистов, партия преимущественно помещичья и не строго мусульманская, лидером которой в то время был Сикандер Хаят Хан, и Бенгальская крестьянская партия, которую возглавлял Фазлул Хакк. Партия эта, применяя антииндусскую демагогию, пользовалась значительным влиянием среди мусульманского крестьянства Восточной Бенгалии. Она направляла крестьянское движение в русло религиозно-общинной борьбы, отвлекая его от борьбы против английского господства. Её лидер Фазлул Хакк был неприкрытым английским агентом.

В 1937 г. в Индии вновь начался подъём национально-освободительного движения, он охватил широкие массы населения страны. Не остались в стороне и мусульмане. Лозунг независимости Индии был не менее популярен среди мусульман, чем среди индусов. Мусульманская лига, программным требованием которой оставалось достижение Индией статуса доминиона, начала опять терять влияние. Джинна как опытный политик понял это, и в 1937 г. на сессии в Лакнау Мусульманская лига изменила свою программу.

В резолюции, принятой на этой сессии, цель Лиги определялась следующим образом: «Решено, что целью всеиндийской Мусульманской лиги должно быть достижение полной независимости Индии в форме федерации свободных демократических государств, в которых права и интересы мусульман и других меньшинств должны

быть адекватно и эффективно обеспечены конституцией»¹.

Принятие этой резолюции способствовало расширению влияния Мусульманской лиги среди мусульманской интеллигенции и учащейся молодёжи. Число её рядовых членов, особенно в Пенджабе и Восточной Бенгалии, значительно выросло.

С другой стороны, победа Национального конгресса на выборах вызвала большое беспокойство всех реакционных групп, не желавших независимости. Такие партии, как Пенджабская партия юнионистов, где ведущую роль играли мусульманские помещики, и так называемая Бенгальская крестьянская партия, были бессильны в борьбе против Национального конгресса во всендийском масштабе. И хотя эти партии, ещё более лояльные к английскому правительству, чем Мусульманская лига, раньше относились критически к её деятельности, но перед лицом опасности дальнейшего усиления национально-освободительного движения они пошли на соглашение с Мусульманской лигой. Вся партия юнионистов, во главе с премьером Пенджаба Сикандер Хаят Ханом, вступила в состав Мусульманской лиги, а так называемая Крестьянская партия раскололась, и в Мусульманскую лигу вступило только её правое крыло во главе с премьером бенгальского провинциального правительства — Фазлуд Хакком.

Благодаря поддержке реакционных групп и присоединению некоторых из них к Лиге последняя усилила своё влияние на правительства Пенджаба и Бенгалии.

Таким образом, усиление Мусульманской лиги после её поражения на выборах объясняется двумя причинами: изменением её тактики и программы, что позволило ей расширить влияние на широкие массы мусульман, и союзом с различными реакционными группами, благодаря чему окрепли её позиции в правительствах тех провинций, где мусульмане составляли большинство населения.

Для того чтобы дискредитировать в глазах мусульманских масс Национальный конгресс и привлечь их на

---

¹ «Indian Yearbook», 1938—1939.

свою сторону, руководство Мусульманской лиги и её местных организаций не останавливалось ни перед чем. Оно обвиняло конгрессовские правительства провинций в притеснении мусульман, в навязывании им языка хинди вместо урду, в принуждении петь гимн Конгресса — «Банде Матарам» и т. д. В конце 1938 г. Мусульманская лига опубликовала «Отчёт комитета», назначенного её советом для расследования жалоб мусульман в конгрессовских провинциях. В отчёте Конгресс обвинялся в отеснении мусульман от власти, в стремлении расколоть ряды Мусульманской лиги. Далее указывалось, что Конгресс, поднимая трёхцветный флаг на правительственных зданиях, вводя в школах пение индусского гимна «Банде Матарам», обряды почитания Ганди и т. д., якобы нарушает гражданские права мусульман.

В декабре 1939 г. Фазлул Хакк опубликовал памфлет под названием «Страдания мусульман под властью Конгресса». Эти выступления руководителей Мусульманской лиги были инспирированы английскими правящими кругами, которые не без основания считали, что победа Национального конгресса на выборах означает нарастание антиимпериалистического движения, и всячески стремились расколоть это движение по религиозно-общинной линии. Однако, как всегда, английские правящие круги проводили свою политику, прячась за спиной Мусульманской лиги, пытаясь представить усиление религиозно-общинной розни стихийным процессом.

Однако создание конгрессовских правительств в восьми провинциях не было расценено индийцами как стремление англичан отречься от власти. Всем было известно, что эти правительства пользовались только номинальной, а не реальной властью. Эти правительства существовали недолго, и во главе их стояли обычно очень умеренные, правоконгрессиистские элементы.

Оппортунизм и нерешительность конгрессовских правительств, а также и некоторые мероприятия, проведённые ими, как то: введение церемонии почитания Ганди, пение индусского гимна «Банде Матарам» в школах и т. п., облегчили английским правящим кругам и их политическому орудию — руководству Мусульманской лиги —

задачу привлечения путём демагогии на сторону Лиги довольно широких мусульманских масс и особенно мусульманской интеллигенции.

Систематически проводя политику предоставления привилегий мусульманской верхушке, противопоставляя в основном феодально-помещичью мусульманскую верхушку — буржуазной индусской, английские правящие круги превратили мусульманское религиозно-общинное движение и Мусульманскую лигу в наиболее мощное оружие политики раскола национально-освободительного движения. Всячески раздувая, преувеличивая, выпячивая на первый план, объявляя непримиримыми противоречия между индусами и мусульманами, английские империалистические круги направляли руководство Мусульманской лиги, подталкивали его на выдвижение таких требований, которые явно не могли быть приняты индусской буржуазией. Этим предотвращалась «опасность» объединения в антиимпериалистической борьбе индусских и мусульманских массовых организаций, руководство которыми находилось в руках у верхушечных слоёв соответствующих общин.

Упомянувшийся уже нами Р. Куплэнд в книге, посвящённой конституционной проблеме, доходит до того, что заявляет, будто бы корень индийской проблемы заключается не в борьбе народов Индии против английского господства за своё национальное освобождение и государственную самостоятельность, а в противоречии между индусами и мусульманами. Он пишет: «Именно в конфликте между двумя этими великими партиями, или, точнее, в индусско-мусульманской розни, которая отражается в этом конфликте, нужно искать основное препятствие к соглашению. Разве не ясно, что если бы при поддержке Конгресса и Лиги были урегулированы индусско-мусульманские отношения, то было бы возможно полное и окончательное предоставление политической свободы всей Индии»¹.

Куплэнд, как и комиссия Саймона, утверждает, что: «В своей основе это конфликт двух культур, конфликт между двумя религиями и резко различным образом

¹ *Coupland*, op. cit., part III, p. 16.

жизни и мысли, которые эти религии накладывают на своих последователей»¹. Пока английская власть в Индии носила автократический характер, говорят апологеты британского империализма, «нейтральная власть навязывала терпимость», с рождением индийского национализма «почти автоматически стал расти полным ростом индусско-мусульманский антагонизм»².

Ещё раньше комиссия Саймона писала: «Пока власть твёрдо держалась в британских руках и не было мысли о самоуправлении, индусско-мусульманское соперничество было ограничено более узким полем. Это было не только потому, что присутствие нейтральной бюрократии ослабляло напряжение. Другой причиной было то, что членам одной общины не приходилось бояться преобладания другой»³.

Основное положение, которое выдвигают и защищают Куплэнд, комиссия Саймона и все другие английские авторы, стоящие на официальной точке зрения, заключается в том, что не английские правящие классы виновны в обострении индусско-мусульманской розни, что это конфликт между двумя культурами и что развитие политического сознания индийцев влечёт за собой с «автоматической неизбежностью» обострение розни между двумя важнейшими религиозными общинами Индии. При этом апологеты британского империализма совершенно умалчивают, что индусско-мусульманский антагонизм является следствием английской политики «разделяй и властвуй».

Руководство Мусульманской лиги, особенно в предвоенные годы, не останавливалось перед применением социальной и антиимпериалистической демагогии. Искусно играя на ненависти мусульманских масс к индусским ростовщикам и торговцам, лидеры Мусульманской лиги, будучи выразителями интересов мусульманских помещиков, широко использовали то положение, что в районах, где среди крестьянства преобладают мусульмане, среди помещиков, ростовщиков и торговцев пре-

¹ *Cupland*, op. cit., part III, p. 16—17.

² *Ibidem*.

³ «The Report of Indian Statutory Commission», p. 29.

обладают индусы. Они направляли классовую ненависть мусульманских крестьян и ремесленников в русло религиозно-общинной борьбы. Отнюдь не желая разрыва с Англией, но учитывая ненависть мусульманских масс к английским порабощителям Индии, руководящие круги Лиги не останавливались перед тем, чтобы объявить целью Мусульманской лиги достижение полной независимости Индии. Этой демагогией они сумели увлечь за собой довольно широкие массы мусульманской демократической интеллигенции и мусульманского крестьянства.

ГЛАВА 13

ХИНДУ МАХАСАБХА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС

Неправильно было бы думать, что английский империализм опирался только на мусульманских помещиков и компрадоров. Князья, которые являются и теперь ещё наиболее надёжной опорой английского империализма, — в огромном большинстве индусы. Индусы преобладают и среди помещиков Южной и Центральной Индии, а также Бенгалии. В Бомбейской провинции была помещичья партия, именуемая «Небраминской партией», открыто поддерживавшая английских правителей Индии. В Мадраасской провинции помещичья проанглийская партия называлась Джастис парти — «Партией справедливости». Но эти организации имели местное, а не общендийское значение и подобно другим местным помещичьим организациям не могли быть использованы для раскола национально-освободительного движения во всеиндийском масштабе. Индийская либеральная федерация, в рядах которой преобладали индусы, также выступала против полной независимости Индии, но её влияние ограничивалось очень узким кругом капиталистов и главным образом чиновников. Организацией, которая, по мнению английских правящих кругов, должна была подрывать влияние Конгресса среди индусов и завершить дело полного раскола национально-освободительного движения по религиозной линии, была Хинду махасабха.

Хинду махасабха, т. е. «Великий союз индусов», была создана в 1906 г., т. е. тогда же, когда и Мусульманская лига, но до 20-х годов почти не проявляла себя на политической арене. Начиная с 1919 г. каждый спад волны национально-освободительного движения сопро-

вождался ростом религиозно-общинной розни, разжигавшейся английскими правящими кругами и их индийской агентурой. Поражение движения 1919—1922 гг. объясняется отходом от него, компромиссом с английским империализмом буржуазного руководства Национального конгресса. Этот предательский акт руководства Конгресса внёс замешательство в ряды борцов против английского господства и способствовал разжиганию религиозно-общинной розни. В 1922 г. по всей стране прокатилась волна индусско-мусульманских погромов. В связи с этим стало вырождаться халифатское движение, перешедшее с рельсов борьбы против английского империализма на рельсы религиозно-общинной борьбы. Под лозунгом защиты интересов индусов от мусульман в 1923 г. ожила и Хинду махасабха. В 1925 г. был созван её первый конгресс, на котором председательствовал Лала Ладжпат Раи.

Поясняя задачи индусского религиозно-общинного движения, Лала Хардиал писал в лахорской газете «Пра-тап»: «Я заявляю, что будущее индусской расы Хиндустана и Пенджаба покоится на следующих четырёх столпах: 1) индусская община, 2) индусское господство, 3) обращение в индуизм мусульман и 4) покорение и обращение в индуизм Афганистана и пограничной полосы. Пока индусская нация не выполнит этих четырёх задач, безопасность наших детей и правнуков будет всегда под угрозой и мирное существование индусской расы невозможно»¹.

Активный конгрессист Свами Шраддхананд начал кампанию за проведение церемонии шудхи² над мусульманами. В ответ на это мусульманские религиозно-общинные лидеры начали кампанию «таблиг ва танзим»³, т. е. обращения индусов в ислам. Английская пресса ловко использовала эти кампании в интересах британского империализма. Английская газета «Пайонир» и другие

¹ *Ambedkar, Thoughts on Pakistan, Bombay 1941, p. 126.*

² *Шудхи* — церемония очищения, проводимая над людьми для того, чтобы вновь обратиться в индусскую веру.

³ «Таблиг ва танзим» — пропаганда ислама среди иноверцев, в данном случае — индусов.

раздували все случаи насильственного обращения инду-сов в ислам и мусульман в индуизм, искусственно накаля атмосфере религиозной розни.

Таким образом, первые же шаги деятельности Хинду махасабхи были широко использованы английскими правящими кругами в интересах раздувания религиозно-общинной розни и ослабления национально-освободительного движения.

Хинду махасабха с 1925 г. укрепила своё влияние среди индусской буржуазной и помещичьей интеллигенции в ряде районов, прежде всего в Пенджабе и Бенгалии, где индусы находятся в меньшинстве, а также в Махараштре и Соединённых провинциях (Бенарес), где исторические традиции способствовали развитию националистического индусского движения. Приведённая выше программа Лала Хардиала и по сей день остаётся программой Хинду махасабхи. Так же, как Мусульманская лига, Хинду махасабха не является религиозной организацией. Её лидеры Саваркар и другие ничуть не более религиозны, чем был Джинна, неправоверность которого известна всем в Индии. Религиозные лозунги являются для лидеров Хинду махасабхи лишь прикрытием демагогии, рассчитанной на привлечение отсталых масс.

В декабре 1939 г. на сессии Хинду махасабхи Саваркар, бывший в то время её председателем, заявил: «Хинду махасабха не индусская миссия. Она предоставляет разрешать религиозные вопросы, касательно деизма, монотеизма, пантеизма и даже атеизма, различным индусским религиозным школам. Это не Великий союз индусской религии, а Великий союз индусской нации»¹.

Отражая великодержавные устремления крупной индусской буржуазии и помещиков, Хинду махасабха игнорирует интересы всех других религиозных общин. Эта линия руководства Хинду махасабхи всецело отвечала интересам английских правящих кругов, тем более, что, несмотря на свои внешне антианглийские лозунги, Хинду махасабха имела очень умеренную политическую программу, добиваясь для Индии только статуса доминиона.

¹ *Ambedkar, Thoughts on Pakistan, Bombay 1941, p. 127.*

Английские правящие круги надеялись, что им удастся расколоть всё национально-освободительное движение по религиозно-общинной линии. Они рассчитывали, что так же как Мусульманской лиге удалось увлечь за собой довольно широкие демократические слои мусульман, так и Хинду махасабха делается ведущей организацией среди индусов. Однако политически более зрелые массы в более развитых индусских провинциях не пошли за Хинду махасабхой. Их не удалось отвлечь от борьбы против английского империализма в русло религиозно-общинной борьбы в той же мере, как это удалось сделать в отношении мусульманских масс. Поэтому Хинду махасабха всегда оставалась узкой, чисто верхушечной, организацией.

Национальный конгресс с самого своего основания не был религиозно-общинной организацией. Однако в силу указанных выше особенностей развития капитализма в Индии в Национальном конгрессе, особенно на первых порах, участвовали преимущественно представители индусской буржуазии и интеллигенции, хотя в нём состояли и мусульмане. На первой сессии Конгресса из 72 делегатов было три мусульманина, на второй сессии — 33 мусульманина из 440 делегатов, в 1890 г. из 702 делегатов было 156 мусульман. Слабое участие мусульман наложило отпечаток на политику Конгресса. Он принял довольно ярко выраженную индуистскую окраску. Некоторые видные лидеры Конгресса апеллировали открыто к индусским традициям и высказывали враждебное отношение к мусульманам (например, Балгангадхар Тилак). В Бенгалии, Пенджабе и Махараштре организации Национального конгресса стояли очень близко к Хинду махасабхе. Конгресс неоднократно блокировался с Хинду махасабхой на выборах. Одно время председателем Хинду махасабхи был видный конгрессист пандит Малавия. Мусульманские религиозно-общинные деятели и английские правящие круги широко использовали это в целях отчуждения мусульманских масс от Национального конгресса.

Национальный конгресс, однако, долго недооценивал в должной мере вредных для национального движения результатов той политики, которую проводил английский

империализм в целях откола от него мусульман. Правда, были моменты, когда Национальному конгрессу удавалось заключать соглашения с Мусульманской лигой. Так было, например, в 1916 г. (Лакнауский пакт), но эти соглашения носили временный характер. Серьёзных попыток завоевать влияние на мусульманские массы Конгресс не предпринимал в силу буржуазного характера его руководства. Его программа в отношении меньшинств носила общий характер и не могла быть противопоставлена демагогическим лозунгам Мусульманской лиги.

Основным программным документом Национального конгресса считается резолюция об «Основных правах и обязанностях», принятая в 1931 г. в Карачи.

В отношении меньшинств эта резолюция ограничивается тремя пунктами:

«Культура, язык и шрифт меньшинств и различных языковых районов должны быть охраняемы.

Все граждане равны перед законом, без различия религии, касты, убеждений или пола.

Никакие ограничения не могут налагаться на гражданина или гражданку в силу его или её религии, касты, убеждений или пола в отношении общественной службы, почётных или государственных должностей или выполнения какой-либо профессии или призвания»¹.

Эти положения носят слишком общий и неопределённый характер.

В этой резолюции нет специального упоминания о мусульманах, а между тем в 1931 г. опять начала раздуваться индусско-мусульманская рознь, и для борьбы против агитации Лиги и других мусульманских организаций, стремившихся сплотить мусульман и противопоставить их индусам, эта программа была безусловно недостаточна. Резолюция, принятая в 1931 г. в Карачи, совершенно не касается аграрного вопроса и говорит только об освобождении крестьян от задолженности по аренде и о контроле над ростовщичеством. Эта экономическая программа была также слишком недостаточна, чтобы усилить влияние Конгресса среди мусульманских

---

¹ *Nehru J., The unity of India, p. 406.*

трудящихся масс, главным образом крестьян. Только в 1936 г. Национальный конгресс принял более развёрнутую, хотя далеко не радикальную программу по аграрному вопросу.

Такое невнимание Конгресса к нуждам крестьянства и мусульманскому вопросу не случайно. Даже после первой мировой войны, когда состав Конгресса демократизировался, руководство этой организации выражало интересы крупной промышленной буржуазии, главным образом индусской, которая не заинтересована в разрешении аграрного вопроса и не хотела считаться с интересами мусульманских масс.

В предвыборном манифесте, принятом 22 августа 1936 г., Национальный конгресс осуждает «Общинный закон», но советует договориться по этому вопросу с мусульманами: «Попытка одной группы получить какие-либо выгоды для своей общины от британского правительства за счёт другой группы имеет своим результатом нарастание общинной розни и эксплуатацию обеих групп правительством. Эта политика едва ли соответствует достоинству индийского национализма; она не годится в борьбе за независимость. Она, в конечном счёте, не приносит выгоды ни одной из партий; она отвлекает внимание от основной проблемы».

И далее, в этом же манифесте говорится: «Необходимо иметь в виду, что вся общинная проблема, несмотря на её важность, не связана с основной проблемой Индии — беднотой и безработицей. Это не религиозная проблема, и она затрагивает только кучку людей в верхушке. Крестьяне, рабочие, ремесленники и торговцы и нижний слой среднего класса всех общин ею не затрагиваются, а именно они несут своё бремя»¹.

Эти общие положения показывают, что Конгресс не учитывал, что хотя крестьяне и рабочие и даже низшие прослойки мусульманской интеллигенции действительно не получают никаких выгод от тех привилегий, которые попадают в руки мусульманской верхушки, но многие особенности отношений между религиозными общинами

---

¹ *Nehru J., Unity of India, p. 404—405.*

создали условия, благоприятные для вовлечения мусульманских масс в русло религиозно-общинной политики, чуждой их интересам. Для высвобождения их из-под влияния реакционной верхушки недостаточно абстрактных рассуждений. Вести же борьбу за облегчение положения мусульманских масс Конгресс не хотел, ибо в его руководстве значительным влиянием пользовались и пользуются индусские ростовщики и помещики, эксплуатирующие, в частности, и мусульманских крестьян.

Официальная точка зрения Конгресса на индусско-мусульманскую проблему изложена Неру в статье «Расхождение путей». Он писал в этой статье:

«...Этот общинный вопрос является по существу вопросом защиты определённых частных интересов, и религия была всегда выгодным орудием в этих целях. Те, кто обладает феодальными привилегиями и частными интересами, боятся изменений и делают соратниками британского империализма. Британское правительство, с другой стороны, с удовольствием использует общинный аргумент, чтобы отрицать свободу, демократию или всякое серьёзное изменение и удерживать свою власть и привилегии в Индии. Это «raison d'être» («смысл существования») и оправдание общинного вопроса в Индии. Кто-то недавно назвал индийских князей пятой колонной Британии в Индии.

Религиозно-общинная рознь и её защитники могут быть отлично включены в современной борьбе в эту колонну. Неудивительно поэтому, что агенты этой розни и князя отлично сговариваются и сотрудничают друг с другом. Они имеют общую цель—сорвать освобождение Индии, чтобы их своекорыстные интересы могли процветать»¹.

Далее он писал о том, что методы религиозно-общинных организаций очень напоминают методы нацизма: «Религиозно-общинное движение началось в Индии требованием своей доли постов на государственной службе и в законодательных органах. Теперь оно развилось в антидемократическое движение, требующее раздела Индии»².

¹ Nehru J., *Unity of India*, p. 386—387.

² Nehru J., *Unity of India*, p. 386—387.

Но так как Конгресс не выдвинул программы, которая могла бы быть противопоставлена с успехом демагогическим лозунгам Мусульманской лиги, то последняя всё время усиливала своё влияние на мусульманские массы. Если на выборах 1937 г. она получила большинство по мусульманской курии только в провинциях, где мусульмане находятся в меньшинстве, то в 1946 г. она оказалась самой сильной мусульманской организацией во всех провинциях Индии.

Только в период второй мировой войны в Национальном конгрессе некоторые его лидеры начали понимать, что их программа в религиозно-общинном вопросе недостаточна, что нужно учесть глубину недоверия к индусам, посеянного английской политикой среди отсталых мусульманских масс. Результатом этого явилась платформа Раджагопалачария, принятая также и Ганди. Однако в руководящих кругах Конгресса эта платформа подверглась критике, несмотря на авторитет Ганди.

Так же как Национальный конгресс был не в состоянии выработать последовательной национальной программы и боялся признать за национальностями Индии их право на самоопределение, вплоть до отделения, он не смог парализовать влияния феодально-помещичьего руководства Мусульманской лиги, противопоставив её демагогической программе демократическую программу разрешения религиозно-общинной проблемы. Последовательное проведение в жизнь права наций на самоопределение, переустройство на национальной основе всего административного деления Индии разрешило бы, в основном, и религиозно-общинную проблему. Но руководство Национального конгресса, выражая великодержавные устремления гуджаратско-марварской буржуазии, предпочитало переговоры с английскими правителями и лидерами Мусульманской лиги и отвергало программу разрешения национального и религиозно-общинного вопроса на основе права наций на самоопределение как якобы не соответствующую индийским условиям.

ИНДУССКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Политическая обстановка в Индии в период второй мировой войны была очень напряжённой. Национальный конгресс отказался поддерживать Англию в войне, если она не декларирует предоставление Индии полной независимости после войны и не создаст немедленно национальное правительство. В Индии началось массовое антиимпериалистическое движение, принявшее угрожающие для английского господства размеры. Власть князей, которые заявили о полной поддержке Англии в войне, была сильно расшатана предвоенным массовым движением. Либералы и Хинду махасабха хотя и заявили о своей готовности поддержать Англию, но их влияние в стране было слишком незначительно, и они также требовали от Англии некоторых политических уступок.

Мусульманская лига к началу второй мировой войны значительно расширила своё влияние среди мусульманской интеллигенции почти всех провинций Индии и стала самой сильной мусульманской организацией. После объявления Индии воюющей стороной Джинна имел беседу с вице-королём лордом Линлитгоу. После этой беседы Джинна сделал следующее заявление: «Если Британия хочет вести успешную войну, она должна верить мусульманам Индии, представляемым их организацией — Мусульманской лигой»¹.

---

¹ «Bombay Chronicle», 8. IX. 1939.

17 сентября 1939 г. Джинна сделал сообщение о своей беседе с вице-королём исполнительному совету Мусульманской лиги.

18 сентября 1939 г. исполнительный совет Мусульманской лиги принял резолюцию по вопросу о войне.

Резолюция эта приводится ниже в кратком изложении:

1) Исполнительный совет одобряет линию вице-короля, пригласившего для переговоров Джинну, и заявляет, что резолюция от 27 августа 1939 г. отражает взгляды мусульман.

2) Он одобряет отсрочку введения федерации и желает, чтобы федерация была отменена и просит заново пересмотреть всю конституцию.

3) Мусульмане недовольны провинциальной автономией, которая ставит их под власть индусов, угрожающих их имуществу, чести и вере.

4) Мусульманская лига возражает против федерации, потому что последняя ставит меньшинство в подчинённое положение большинству. Индия не является национальным государством, и демократия к ней неприменима.

Мусульманская лига указывает, что «действительное и серьёзное сотрудничество мусульман с Великобританией в этот час испытаний не может быть обеспечено, если правительство и вице-король не смогут обеспечить мусульманам правосудия и справедливости в провинциях, управляемых Конгрессом, где теперь их свобода, личность, собственность и честь находятся под угрозой и где попираются даже их элементарные права».

5) Лига обращается к правительству с просьбой применить специальные полномочия в провинциях, где правит Национальный конгресс.

6) Мусульманская лига требует от правительства, чтобы не проводилось никаких изменений конституции без её согласия¹.

Резолюция эта встретила сильную оппозицию со стороны ряда членов совета Лиги, которые высказывались

---

¹ «Bombay Chronicle», 19. IX. 1939.

за поддержку требований Конгресса в отношении декларации о независимости и создания национального правительства.

Сикандер Хаят Хан и его сторонники, наоборот, требовали принятия резолюции о безоговорочной поддержке Англии в войне. Только благодаря манёврам Джинны удалось избежать раскола в совете Мусульманской лиги. Этот факт показал и английскому правительству и руководству Мусульманской лиги опасность, которая создавалась для них благодаря включению в программу Лиги требования о предоставлении Индии полной независимости. Это требование усилило тягу среди мусульман к созданию единого фронта всех антиимпериалистических организаций.

Для того чтобы в самом начале прервать эту тенденцию и направить ненависть мусульманских масс против индусов и особенно против Национального конгресса, руководство Мусульманской лиги начало поддерживать различные планы раздела Индии на два государства: индусское — Хиндустан и мусульманское — Пакистан. Кроме того, оно попыталось усилить ненависть к Конгрессу проведением демонстраций в связи с отставкой правительства восьми провинций, во главе которых стояли конгрессисты.

Мусульманская лига вынесла решение о проведении 8 декабря 1939 г. праздника в честь «избавления мусульман от ига Национального конгресса». В ряде городов Индии 8 декабря были проведены демонстрации. В этих антиконгрессовских демонстрациях, организованных Мусульманской лигой, кроме членов этой организации участвовали также другие реакционные организации, так, например, в Мадрасе к Лиге присоединилась помещичья «Партия справедливости», а в Пуне — Хинду махасабха.

С другой стороны, явно пробританский характер этого «празднования» вызвал большую оппозицию среди мусульман. Так, в Бенгалии 16 членов провинциального законодательного собрания — мусульмане заявили протест против проведения «Дня избавления».

Конференция моминов (мусульман-ткачей) Соединённых провинций также приняла резолюцию протеста про-

тив «Дня избавления». Появилась оппозиция против него и внутри Мусульманской лиги.

Вместе с тем руководством Лиги вновь стали выдвигаться обвинения против конгрессовских правительств в угнетении мусульман. Фазлул Хакк выступил с обширной декларацией, в которой приводил случаи «угнетения» мусульман этими правительствами. Обвинения эти сводились к следующим пунктам:

1. В провинциях, где были конгрессовские министерства, усилились столкновения между индусами и мусульманами.

2. При проведении различных официальных актов поднимался конгрессовский флаг.

3. Пение индусского гимна «Банде Матарам» в школах.

4. Усиление нападков на Мусульманскую лигу.

5. Введение в школах языка хинди.

6. Введение в школах конгрессовской схемы обучения¹.

Мусульманская лига сделалась центром притяжения для всех организаций, враждебно настроенных к Национальному конгрессу. Лондонская газета «Таймс» с удовлетворением отмечала этот факт².

В мусульманской прессе всё чаще стали появляться проекты разделения Индии на два государства: индусское — Хиндустан и мусульманское — Пакистан.

Из различных проектов этого рода приведём проект, выдвинутый профессорами Алигархского мусульманского университета Саидом Зафарулла Хасаном и Мухаммад Афзал Хусейном Кадыри. Эти профессора предлагали разделить Индию на 3 части: 1) Северо-западная часть, в составе провинций Пенджаб, Северо-Западная пограничная провинция, Синд и Белуджистан; 2) Северо-восточная — в составе Бенгалии (за исключением её юго-западных, индусских районов), округа Сильхет (провинция Ассам) и округа Пурния (Бихар). Остальная часть Индии должна представлять индусское государство —

¹ «Bombay Chronicle», 18. XII. 1939.

² «Times», 8. IX. 1940.

Хиндустан, но внутри этого Хиндустана должны быть выделены автономные мусульманские провинции: Дели и Мирут. Княжество Хайдарабад с Бераром и Карнатиком должно получить независимость.

Газеты, издающиеся в Индии англичанами, широко рекламировали эти планы.

3 февраля 1940 г. бюро Мусульманской лиги впервые официально выдвинуло требование раздела Индии на два государства: индусское и мусульманское, в качестве своего основного программного требования.

Председатель Заграничного комитета Мусульманской лиги Абдулла Гарун в корреспонденции в газету «Манчестер Гардиан» следующим образом излагал это решение:

1) Мусульмане Индии, которые составляют 90 млн., являются отдельной нацией, имеющей такое же право на самоопределение, как и другие нации.

2) Индийские мусульмане ни в коем случае не соглашались быть низведенными на положение меньшинства.

3) Для того чтобы осуществить право мусульман на самоопределение, мусульмане должны иметь свою самостоятельную родину в форме автономного государства.

4) Мусульмане, живущие в остальных частях Индии, должны рассматриваться как подданные упомянутого выше государства, и их права и привилегии должны быть полностью обеспечены.

5) Всякая конституция Индии, которая будет противоречить этим принципам, встретит решительное сопротивление со стороны нации индийских мусульман¹.

В марте 1940 г., т. е. почти одновременно с сессией Национального конгресса в Рармгархе, была созвана в Лахоре сессия Мусульманской лиги. Сессия эта приняла резолюцию, которая стала центральным пунктом всей политической деятельности Лиги. Резолюция эта известна под названием пакистанской резолюции. Ниже приводится текст тех пунктов лахорской резолюции, которые касаются раздела Индии:

«Постановлено, что обдуманной точкой зрения этой сессии всеиндийской Мусульманской лиги является то,

¹ «Manchester Guardian», 26. II. 1940.

что никакой конституционный план не будет осуществим в этой стране или приемлем для мусульман, если он не будет базироваться на следующих основных принципах: чтобы соприкасающиеся географически области были разбиты на районы, которые были бы составлены таким образом и с такими, в случае необходимости, территориальными изменениями, чтобы районы, в которых мусульмане составляют численное большинство, как, например, в Северо-западной и Восточной зонах Индии, были бы сгруппированы, чтобы составить «независимые государства», в которых составляющие их единицы должны быть автономными и суверенными; что адекватные, эффективные и мандатные гарантии должны быть специально предусмотрены в конституции для меньшинств в этих единицах и в областях для защиты их религиозных, культурных, экономических, политических, административных и других прав и интересов в консультации с ними; в других районах Индии, где мусульмане составляют меньшинство, для них и других меньшинств должны быть также специально предусмотрены в конституции адекватные, эффективные и мандатные гарантии для защиты их религиозных, культурных, экономических, политических, административных и других прав и интересов в консультации с ними.

Эта сессия, далее, уполномочивает Рабочий комитет в соответствии с этими основными принципами разработать проект конституции, предусматривающий в конечном счёте восприятие соответствующими областями всех прав, как то: оборона, внешние сношения, связь, таможня и другие функции, которые могут стать необходимыми»¹.

Как видно из приведённого выше текста, резолюция эта не отличается полной ясностью как в отношении точного определения границ предполагаемых мусульманских государств, так и в определении отношений этих государств к остальным частям Индии.

Характерно, что в отличие от приведённого выше проекта резолюции, принятого в феврале Рабочим комитетом Мусульманской лиги, эта резолюция не требует,

¹ «Sapru Committee report», Supplement. XXI.

чтобы все мусульмане Индии, живущие за пределами Пакистана, считались его подданными.

Резолюция допускает изменение территорий существующих административных единиц при их выделении. Повидимому, в тот период авторы резолюции считали, что выделению в Пакистан подлежат только те округа и районы Пенджаба и Бенгала, в которых мусульмане преобладают.

После марта 1940 г. Пакистан сделался боевым кличем Мусульманской лиги. Требование раздела Индии и создания Пакистана стало в чрезвычайно короткий период популярным среди широких слоёв мусульманского населения Индии. Лозунг этот был более популярен в тех провинциях, где мусульмане составляют меньшинство и которые не могли быть включены в состав Пакистана, чем в провинциях, где мусульмане составляют большинство и которые, по мнению Лиги, подлежали включению в состав Пакистана. Ответной реакцией на движение за расчленение Индии на Хиндустан и Пакистан явилось движение за «Неделимый Хиндустан» — «Акханд Хиндустан». В этом движении руководящую роль играли некоторые правые конгрессисты, например, известный бомбейский адвокат Мунши, либералы, многие профессора — индусы и члены Хинду махасабхи. Это движение было выгодно английским правящим кругам, так как оно ещё более усиливало отчуждение между индусами и мусульманами.

Значительный интерес представляет история идеи раздела Индии. Некоторые считают, что впервые идея Пакистана была выдвинута в 1929 г. индийским поэтом Мухаммад Икбалем. Обычно при этом ссылаются на его речь, произнесённую на сессии Лиги в 1929 г. Однако в 1929 г. в своём выступлении Икбаль и не думал поднимать вопроса о разделе Индии на два самостоятельных государства. Он считал, что независимая Индия должна быть федерацией и внутри федерации, в качестве одной из частей её, рекомендовал создать объединённое мусульманское государство в составе Пенджаба, Белуджистана, Синда и Северо-Западной пограничной провинции.

Таким образом, нельзя считать Икбаль в прямом смысле отцом пакистанского движения. В своём выступ-

лении он только пытался поставить вопрос о разрешении религиозно-общинной проблемы путём изменения границ провинций и группировки 4 провинций на западе. Конечно, воззрения Икбала сильно проникнуты религиозно-общинным духом, и известная связь между идеей Икбала и идеей полного раздела есть, но не Икбаль был инициатором движения за Пакистан.

Кроме того, Икбаль никогда не считал, что мусульмане Индии должны создать своё, совершенно отдельное государство, и не предполагал, чтобы новое административно-политическое деление было построено исключительно с учётом религии населения.

В 1937 г., т. е. за год до своей смерти, он писал Джинне: «В этих условиях очевидно, что единственный путь к мирной Индии это перераспределение страны по линии расовых, религиозных и языковых связей»¹. Это показывает, что между взглядами Икбала и современной программой Лиги имеется огромная и притом принципиальная разница и имя Икбала используется для поднятия престижа Пакистана без достаточных на то оснований.

Требование раздела Индии на два государства: мусульманское — Пакистан и индуское — Хиндустан, было сформулировано впервые группой кембриджских студентов-мусульман в их заявлении на имя Конференции круглого стола. В числе этих студентов был и Чаудхари Рахмат Али, который в своих брошюрах именуется творцом идеи Пакистана.

В упомянутом выше заявлении впервые употребляется слово «Пакистан». Вот что пишет по этому поводу Кренков в «Энциклопедии ислама».

«Пакистан означает «страна чистых» (пак). Слово «пак» — чистый — не переводится точно на английский язык. Оно означает всё, что для мусульманина благородно и священо в жизни. Имя Пакистан, которое должно быть применено, хотя и не официально, к пяти мусульманским провинциям северо-запада современной Индии, состоит из букв, взятых из имён его составных частей: Пенджаб —

---

¹ *Vahid Syed Abdul*, Iqbal, Lahore 1944, p. 31.

северо-западная граница (жители которой по большей части афганцы), Кашмир, Синд и Белуджистан. Эти территории были окрещены именем Пакистан Ч. Рахмат Али, основателем национального движения за Пакистан в 1933 г., с тем чтобы сохранить их историческую национальную и культурную целостность, как нечто различное от Хиндустана в собственном смысле этого слова»¹.

Представители мусульман, а в том числе и Мусульманской лиги, на Конференции круглого стола отнеслись к заявлению кембриджских студентов пренебрежительно. Один из этих представителей назвал это требование «хи-мерическим и неосуществимым». До 1939 г. ни на одном из заседаний Мусульманской лиги не выдвигалось требование раздела Индии на религиозно-общинной основе. Тем не менее — в Англии, в Кембридже, на улице Монтегю Род, 16, вдали от реальной борьбы индийского народа, идея Пакистана продолжала развиваться. Чернила, бумаги и карты не оказывали Ч. Рахмат Али никакого сопротивления, а климат и политическая атмосфера в Англии благоприятствовали ему. И вот, начав с Пакистана, этот «политический деятель» дошёл до требования полного дробления всей Индии на религиозно-общинной основе. В своих новых планах он уже требует создания в Индии 8 мусульманских государств: Пакистана на северо-западе, Бангистана или Банг и Ислама на северо-востоке, Османистана в Хайдарабаде, Хайдаристана для мусульман Соединённых провинций, Фаррухистана для мусульман Бихара, Муинистана для мусульман Раджпутаны, Сиддикистана для мусульман Центральной Индии и Маплистана для мусульман Малабара. Кроме того, он предлагает создание двух мусульманских государств на Цейлоне и образование мусульманских государств на всех островах, принадлежащих Индии. Вся Индия должна быть превращена из Индии в Динию, т. е. страну религии². Диния в целом должна быть: «общим владением дравиданизма и дравидов, акхутизма и акхутов³, кастового

¹ «Encyclopedia of Islam» № 4, Leiden 1937, p. 174.

² *Rahmat Ali*, The millat and her ten Nations, Cambr. 1946.

³ Акхутами Ч. Рахмат Али именуется неприкасаемых, производя это слово от арабского слова «ах» — брат.

индуизма и кастовых индусов, буддизма и буддистов; ислама и мусульман; скхизма и сикхов, христианства и христиан и зороастризма и парсов»¹.

Однако до 1938 г. не только план Пакистана, но и «теория двух наций» не была принята ни Мусульманской лигой, ни какой-либо другой мусульманской организацией Индии. Наоборот, многие мусульманские деятели Индии, борясь против попытки Хинду махасабхи третировать мусульман Индии как пришельцев, доказывали, что мусульмане Индии такие же индийцы, как и индусы.

Так, один из лидеров Мусульманской лиги, Дехлави, в 1939 г. говорил: «Мусульмане ввиду того, что они исповедуют религию, отличную от вытекающей из брахманской философии, называются иностранцами и чужаками. Те, кто называют нас этим именем, забывают, что только ничтожное меньшинство между последователями пророка Мухаммада могут претендовать не на индийское происхождение».

Но в октябре 1938 г., т. е. год спустя после победы Национального конгресса на выборах в большинстве провинций Индии, впервые Мусульманская лига выдвинула, хотя ещё в неопределённой форме, требование о применении права на самоопределение к мусульманам Индии, якобы представляющим единую нацию, отличную от индусов.

Мы уже выше указывали, что «теория двух наций» значительно раньше этого была выдвинута английскими правящими кругами.

После этого прошло более года, прежде чем Мусульманская лига открыто выдвинула требование раздела Индии на индусское и мусульманское государства в качестве своего основного программного требования. Правда, ещё до упомянутого выше решения Мусульманской лиги различные планы раздела Индии получили широкое распространение в индийской печати. Кроме приведённого нами выше плана профессоров Алигархского мусульманского университета заслуживает упоминания план Абдул

---

¹ *Rahmat Ali, India — The continent of Dinia, or the Country of Doom, Camb. 1946.*

Латифа, который предлагал провести взаимное переселение индусов и мусульман, чтобы создать однородные в религиозном отношении области.

Представители английских правящих кругов в своих выступлениях, статьях и заявлениях характеризовали требование расчленения Индии как «экстремистское и не соответствующее интересам обороны Индии» и её экономического развития. Однако в то же время в английской прессе, близкой к правительству, усиленно подчёркивалось, что мусульман в Индии 90 млн. и с их желанием приходится считаться. Во всех важнейших декларациях, сделанных английским правительством во время войны, в той или иной форме поощрялось движение за расчленение Индии на Пакистан и Хиндустан.

В предложениях английского кабинета, переданных индийским лидерам через Стаффорда Криппса в марте 1942 г., предусматривалась возможность невхождения в Индийский союз тех провинций и княжеств, которые этого не пожелают.

Этот пункт предложений не без основания был расценён многими как поощрение требования Мусульманской лиги о расчленении Индии.

Участник миссии Криппса Куплэнд писал по вопросу о Пакистане: «Никто из знающих современную обстановку в Индии не может честно ставить под вопрос силу влияния, которое получила идея Пакистана, над умами индийских мусульман. Сегодня это основной факт индийской политической жизни, и обсуждение индийской проблемы не может быть успешным, если не признать этого факта и не постараться понять его причин. Эти причины не надуманные и мистические, они вытекают из того, что было сказано и сделано и что было изложено в предыдущих частях этого отчёта»¹.

Далее Куплэнд приводит доводы в пользу раздела. Он сводит их к пяти пунктам:

1) Раздел Индии избавит более 50% мусульман Индии от угрозы установления «власти индусов», превратит их из меньшинства в постоянное большинство.

---

¹ Coupland, op. cit., part III, p. 75.

2) Раздел разрешит лучше, чем что-либо иное, проблеме меньшинств во всей Индии. Он создаст такой баланс сил, который уравновесит если не по численности населения, то в отношении национального положения мусульманские государства с индусскими.

3) Раздел Индии облегчит проблему защиты Индии. Если на западе Индии будет Пакистан, то нападение на Индию со стороны соседних мусульманских государств будет невероятным.

4) В единой Индии неизбежно понижение удельного веса мусульман в армии, а этот факт отрицательно отразится на благосостоянии населения Пенджаба, для которого пенсии за службу в армии имеют немалое значение.

5) Мусульмане Индии смогут добиться экономического самоопределения только посредством раздела.

Что же касается мусульман, которые останутся внутри Хиндустана, а их численность будет около 25 млн., то они также выиграют от раздела. Куплэнд приводит заявление, сделанное в связи с этим вопросом Рахматом Али, который писал: «В то время как для нас это будет национальная цитадель, для них он будет моральным якорем. Пока якорь держится, всё хорошо, но если он ослабнет, то всё пойдёт прахом».

В этой же главе Куплэнд приводит теорию заложников, по которой индусское меньшинство в Пакистане будет являться как бы заложником, отвечающим за судьбы мусульманского меньшинства в Хиндустане¹.

Далее Куплэнд доказывает, что хотя экономически отделение Пакистана будет невыгодным для его населения, однако развитие индустрии в Индии идёт и может идти только в ущерб её сельскому хозяйству, а поэтому чисто сельскохозяйственный характер экономики Пакистана будет якобы более соответствовать естественному направлению, в котором должна развиваться экономика Индии².

В этих словах Куплэнда сформулирована та программа, которая проводилась английским правительством после войны.

¹ *Coupland*, op. cit., part III, p. 75—80.

² *Ibid.*, p. 101 etc.

После провала миссии Криппса и последовавшего за ним обострения борьбы между Национальным конгрессом и английским правительством руководство Мусульманской лиги, вначале выражавшее недовольство тем, что английское правительство не декларировало о своём намерении разделить Индию на два государства, заявило о приемлемости предложений, переданных через Криппса. Однако события, начавшиеся в Индии после ареста лидеров Конгресса в августе 1942 г., несколько отодвинули вопрос о будущей индийской конституции, и вновь этот вопрос был поднят во всю ширь в 1943 г., когда исход войны был уже предрешён победами советских войск и движение за независимость Индии начало нарастать.

Ещё до освобождения Ганди из заключения в рядах Национального конгресса появилась тяга к сближению с Мусульманской лигой. Видные деятели Конгресса считали, что одной из основных предпосылок достижения независимости является ликвидация индусско-мусульманской розни. Особенную настойчивость проявил в этом отношении Раджагопалачария. Раджагопалачария заявлял, что ради сближения индусов и мусульман он готов пойти на признание права мусульман Индии на создание своего, отдельного, государства, т. е. Пакистана.

После освобождения из заключения Ганди, в значительной мере под влиянием Раджагопалачария, заявил о своём желании встретиться с Джинной для переговоров о будущем Индии.

Джинна долго уклонялся от переговоров с Ганди. Однако под давлением не только рядовых членов, но и видных деятелей Лиги он вынужден был пойти на эти переговоры. В качестве платформы для переговоров выдвигалась так называемая формула Раджагопалачария, полный текст которой приводится ниже:

«Основой для соглашения между индийским Национальным конгрессом и всеиндийской Мусульманской лигой будут следующие условия, на которые согласны Ганди и Джинна и принять которые они будут убеждать Конгресс и Лигу.

1. На условиях, изложенных ниже и касающихся конституции свободной Индии, Мусульманская лига одобряет

требование независимости Индии и будет сотрудничать с Национальным конгрессом в формировании временного правительства на переходный период.

2. По окончании войны будет создана комиссия для демаркации соприкасающихся районов Северо-Западной и Восточной Индии, в которых мусульманское население составляет абсолютное большинство. В этих районах, после их демаркации, вопрос об их отделении от Хиндустана будет окончательно решён плебисцитом всего взрослого населения или на основе какого-либо иного, практически осуществимого принципа голосования. Если большинство решит в пользу суверенного государства, отдельного от Хиндустана, то это решение должно быть осуществлено с предоставлением пограничным районам права оптации, т. е. выбора, к какому из государств им присоединиться.

3. Всем партиям будет разрешено перед проведением плебисцита защищать их точки зрения.

4. В случае отделения будут заключены обоюдные соглашения по вопросам обороны, торговли, связи и другим важным вопросам.

5. Всякое переселение жителей будет проводиться на основе абсолютной добровольности.

6. Эти условия считаются обязательными только в том случае, если Британия откажется от полной власти и ответственности за управление Индией»¹.

Формула эта обсуждалась на совете Мусульманской лиги 30 августа 1944 г. Комментируя её, Джинна говорил, что она не отвечает требованиям Мусульманской лиги, ибо не признаёт права мусульман на создание Пакистана, а только даёт им возможность голосовать за него. Он заявлял также, что проект резолюции не определяет состава и полномочий комиссии по демаркации и характера временного правительства, которое должно функционировать до осуществления раздела Индии. В то же время Джинна сказал, что он приветствует тот факт, что Ганди в принципе признал возможным раздел

---

¹ «Amerasia», 6.X.1944.

Индии на Хиндустан и Пакистан¹. Совет Лиги принял решение, обязывающее Джинну дать согласие на переговоры с Ганди.

Переговоры между Джинной и Ганди начались в городе Бомбее 4 сентября 1944 г. Они велись в форме переписки между ними, причём как Ганди, так и Джинна отказывались давать какие-либо интервью о содержании своих писем. Таким образом, переговоры происходили в строго секретном порядке. 27 сентября 1944 г. переговоры были прерваны, и никакого соглашения достигнуто не было.

Переписка между Ганди и Джинной вскоре была опубликована в индийской прессе. Она состоит из 11 писем, но наиболее важными из всех, ярче всего выявляющими как точку зрения Ганди и части руководителей Конгресса, так и точку зрения Джинны, является письмо Ганди от 14 сентября 1944 г. и ответ на него Джинны, написанный 17 сентября 1944 г. Ниже мы приводим полный текст обоих писем параллельно, чтобы легче было следить за ответами Джинны на вопросы Ганди.

ПИСЬМО ГАНДИ

14 сентября 1944 г.

Дорогой Канд-и-Аззам, в настоящий момент я отложил формулу Раджаджи и с вашей помощью с большой искренностью углубил свой ум в изучение знаменитой Лахорской резолюции Мусульманской лиги.

Вы должны согласиться, что сама резолюция не ссылается на теорию двух наций. В процессе нашей дискуссии

ОТВЕТ ДЖИННЫ

17 сентября 1944 г.

Дорогой г-н Ганди.

Моя обязанность объяснить вам сегодня Лахорскую резолюцию и убедить вас принять её. Если бы я мог убедить вас, который имеет огромное влияние на индусскую Индию, это было бы для меня немалой помощью, хотя мы и говорим на той основе, что вы не имее-

¹ «Amerasia», 6. X. 1944.

вы страстно доказывали, что в Индии имеются две нации, т. е. индусы и мусульмане, и что последние имеют свои национальные очаги в Индии, тогда как первые имеют свои. Чем более развивались аргументы, тем более удивительным кажется мне ваше представление. Я не нахожу параллели в истории, чтобы группа обращённых в какую-либо религию и их потомки претендовали бы на звание особой от своих предков нации. Если бы Индия была нацией до прихода ислама, она должна была бы остаться таковой, несмотря на перемену веры значительной части её детей.

Вы не претендуете быть отдельной нацией по праву завоевания, но по причине восприятия ислама. Превратятся ли две нации в одну, если вся Индия примет ислам? Потеряют ли бенгальцы, ория, андхра, тамилы, махараштрийцы, гуджаратцы и т. д. свои характерные особенности, если все они обратятся в ислам? Они все стали едины политически, ибо они все подчинены единому чужеземному контролю. Они стараются сбросить с себя это подчинение. На этом основании я должен высказать вам своё затруднение принять вашу резолюцию.

1. В резолюции под именем Пакистана подразумевается ли

прав представительства, и мои трудности будут оставаться до тех пор, пока вы не будете уполномочены представлять кого-либо, чтобы я мог вести переговоры и достичь соглашения с вами.

Третий параграф вашего письма не нуждается в разъяснении, но является выражением ваших взглядов на вопрос, являются ли мусульмане нацией. Мы утверждаем, что мусульмане и индусы две главные нации, обладающие всеми признаками наций. Мы 100-миллионная нация, и более того, мы нация со своей особой культурой и цивилизацией, языком и литературой, искусством и архитектурой, своим чувством меры и пропорции, своим законом и моралью, обычаями и летосчислением, историей и традициями, склонностями и стремлениями, кратко говоря, мы имеем наш особый взгляд на жизнь. По всем законам международного права мы — нация.

Теперь я отвечу на ваши вопросы по пунктам:

1. Да, слово «Пакистан» не упомянуто в резо-

первоначальное значение его, т. е. Пенджаб, Афганистан, Кашмир, Синд, Белуджистан, из названий которых было составлено это название; если нет, что оно значит?

2. Является ли целью Пакистана—панисламизм?

3. Что, кроме религии, отличает индийского мусульманина от остальных индийцев? Каково его отличие от турка или араба?

4. Каково значение слова «мусульманин» в обсуждаемой резолюции? Означает ли оно мусульман Индии как географической единицы или только будущего Пакистана?

5. Адресована ли резолюция мусульманам как документ воспитательного характера, или — населению всей Индии как призыв, или иностранным правителям как ультиматум?

6. Должны ли составные части двух зон стать независимыми государствами и каково количество их в каждой зоне?

7. Должна ли демаркация районов быть проведена ещё

люди, и оно первоначального значения не имеет. Слово «Пакистан» стало синонимом того, что изложено в Лахорской резолюции.

2. Об этом нет и речи, но я могу сказать, что этот вопрос поднимается только ради запугивания.

3. На этот пункт я ответил, сказав, что мусульмане Индии являются нацией. Что касается последней части вопроса, то вряд ли это имеет отношение к Лахорской резолюции.

4. Конечно, вы знаете, что означает слово «мусульманин».

5. Этот вопрос не связан с толкованием текста Лахорской резолюции.

6. Нет, они будут составными частями Пакистана.

7. Как только будут приняты основные прин-

во время британского господства?

8. Если ответ на последний вопрос — положительный, то предложение должно быть сначала принято Британией, а затем навязано Индии, а не вытекать из свободного волеизъявления народа Индии.

9. Изучили ли вы вопрос и пришли ли сами к убеждению, что эти независимые государства получают материальную или иную пользу, будучи разбиты на куски?

10. Убедите меня, что эти независимые, суверенные государства не превратятся в сборище бедных государств, тающих угрозу для самих себя и остальной Индии.

11. Очень прошу, покажите мне на фактах и в цифрах или иначе, как можно достичь независимости и благополучия всей Индии, приняв вашу резолюцию.

12. Что будет согласно вашему плану с мусульманами,

ципы резолюции, немедленно должна быть проведена демаркация.

8. Ответ на пункт 7 отвечает и на пункт 8.

9. Это не имеет отношения к разъяснению резолюции.

10. Ответ на пункт 9 относится и к этому пункту.

11. Не вытекает из разъяснения резолюции. Действительно, это и не спрашивается для разъяснения резолюции. Я в своих речах и Мусульманская лига в своих резолюциях неоднократно указывали, что это единственный путь разрешения индийской проблемы и путь к достижению свободы и независимости народов Индии.

12. «Мусульмане, находящиеся под властью

находящимися под властью князей?

13. Каково ваше определение понятия меньшинства?

14. Не объясните ли вы выражение резолюции: «Обязательная, эффективная и мандатная защита интересов меньшинств», упоминаемое во второй части резолюции.

15. Неужели вы не видите, что Лахорская резолюция содержит лишь голое определение целей и не даёт никакого понятия о средствах, которыми надлежит осуществить идею: конкретные трудности при этом, например:

а) Будет ли народ, населяющий районы, входящие в зоны, иметь право голоса в решении вопроса о самоопределении? Если да, то каким образом это будет обеспечено?

б) Как будет обеспечена оборона и другие общие интересы в соответствии с Лахорской резолюцией?

в) Существует много групп мусульман, которые постоянно выражали своё несогласие с политикой Лиги. Хотя я и согласен считаться с преобладающим

князей». Этот вопрос не вытекает из разъяснения резолюции.

13. Вы сами не раз говорили, что под меньшинствами следует понимать «общепринятые меньшинства».

14. Обязательная, эффективная и мандатная защита интересов меньшинств — вопрос, который будет урегулирован путём переговоров и соглашений о меньшинствах обоих государств — Пакистана и Хиндустана.

15. Резолюция даёт основные принципы, и, когда они будут приняты, договаривающиеся партии разработают детали.

а) Не имеет отношения к резолюции.

б) Не имеет отношения к резолюции.

в) Мусульманская лига — единственная правомочная организация, представляющая мусульманскую Индию.

влиянием Лиги, в результате чего я и встретился с вами, но не считаете ли вы нашим общим долгом устранить сомнения этой группы мусульман, дадим им почувствовать, что они и их сторонники не оставлены без внимания и не лишены права голоса?

г) Не ведёт ли всё это к необходимости представить Лахорскую резолюцию на утверждение населения зон, о которых идёт речь в целом?

В то время как я пишу вам это письмо и представляю себе проведение резолюции в жизнь, я не вижу ничего, кроме гибели для всей Индии. Поверьте мне, я подхожу к вам как искатель, хотя представляю только себя. Я надеюсь представлять всех жителей Индии, ибо я чувствую на самом себе их несчастья и деградацию, которая ведь будет их общей судьбой, независимо от касты, класса и веры. Я знаю, что вы добились исключительного влияния на мусульманские массы. Я хочу, чтобы вы использовали это влияние для их общего благополучия, которое включает и остальных.

Ваш искренне

М. К. Ганди.

Эта переписка интересна тем, что Джинна в ней полностью разоблачил себя как противника независимости Индии от Англии. Из переписки видно, что:

г) Нет. Как я сказал ранее, вы великий человек и пользуетесь невероятным влиянием на индусов, особенно на массы, и, заняв путь, который я вам указываю, вы не предпринимаете и не вредите интересам индусов или меньшинств. Наоборот, индусы выиграют более всего. Я убеждён, что истинное благосостояние не только мусульман, но и остальной Индии лежит в разделении Индии таким образом, как это предлагает Лахорская резолюция.

Джинна.

1. Джинна, а вместе с ним руководство Мусульманской лиги заявляли, что все мусульмане Индии составляют единую нацию и поэтому имеют право на отделение и создание своего государства.

2. Джинна выдвигал в качестве условия для соглашения с Национальным конгрессом не только признание за мусульманами права на отделение, но и немедленное образование Пакистана ещё при английском господстве.

3. Джинна категорически возражал против плебисцита в подлежащих выделению провинциях.

В переписке с Ганди Джинна уточняет границы Пакистана, заявив, что в состав Пакистана должны быть включены следующие провинции в их современных границах: а) на северо-западе — Пенджаб, Синд, Северо-Западная пограничная провинция и Белуджистан и б) на востоке — Бенгал и Ассам. Таким образом, Джинна отступил от Лахорской резолюции, которая предлагала выделить только те районы, где мусульмане составляют большинство.

Провал переговоров Ганди и Джинны не ослабил тягу к единому фронту как в рядах Лиги, так и в рядах Конгресса, и в начале 1945 г. между лидером конгрессистов в законодательном собрании Буллабхаи Десаи и генеральным секретарём Мусульманской лиги Лиакат Али Ханом было достигнуто соглашение о формировании центрального правительства Индии на следующих основах: Лига и Конгресс получают в нём по 40% мест, а остальные 20% будут предоставлены меньшинствам, т. е. сикхам, неприкасаемым и др.

В центральном законодательном собрании депутаты — конгрессисты и члены Мусульманской лиги выступали единым фронтом против правительства вице-короля по всем вопросам. Это единогласие в верхах отражало ещё более сильную тягу к единству в низах.

Такое положение обеспокоило вице-короля лорда Уэйвелла, и он потребовал, чтобы его вызвали в Лондон для разработки мер разрешения политического кризиса в Индии. Вице-король вернулся из Лондона в конце мая 1945 г., уже после того, как Германия капитулировала. По его приказу были освобождены из тюрьмы Джавахар-

лал Неру, Абуль Калам Азад, Патель и др. 25 июня 1945 г. в городе Симле была созвана конференция для обсуждения предложений вице-короля, которые сводились к следующему: исполнительный совет при вице-короле реорганизуется, и все члены совета, т. е. министры, будут назначены из индийцев — представителей важнейших политических партий; только пост министра обороны и главнокомандующего сохраняется за англичанами; рекомендуется следующий метод комплектования правительства: 5 мест предоставляется индусам, 5 — мусульманам, 1 — неприкасаемым, 1 — сикхам и 1 — индийским христианам. Конгресс должен выдвинуть кандидатов на места, отводимые индусам, кандидаты на мусульманские места предлагаются Мусульманской лигой.

Национальный конгресс, претендуя на звание всеиндийской, не общинной, организации, не мог согласиться с этим методом комплектования правительства и просил, чтобы хотя один мусульманин был выдвинут Конгрессом. Вице-король и на этот раз спрятался за спину Джинны. Джинна категорически отказался участвовать в правительстве, где будет хотя бы один мусульманин — не член Лиги. Английские газеты поощряли Джинну занять эту непримиримую позицию.

Газета «Стейтсмен», отражающая взгляды англо-индийских кругов, писала (11 июля 1945 г.): «Справедливо говоря, нужно признать, что для Лиги вступление в правительство при отсутствии гарантий относительно Пакистана будет представлять более тяжёлую жертву, чем для Конгресса. Лига была бы также вынуждена признать, что её претензии представлять индийских мусульман являются преувеличенными, и, следовательно, её план Пакистана — беспочвенным. Ожидать принесения такой тяжёлой жертвы было бы неразумно, и, следовательно, обвинять Лигу в упорстве при этой ситуации было бы ошибкой».

Провал конференции в Симле привёл к желательным для английского правительства результатам. Он вновь обострил индусско-мусульманскую рознь и сорвал намечавшееся под давлением рядовых членов сближение между Лигой и Конгрессом.

Конференция в Симле совпала с приходом в Англию к власти лейбористов. С ноября 1945 г. в Индии начались выборы в центральные и провинциальные законодательные собрания. Выборы проводились в период обострения массовой борьбы против английского господства, вылившейся в ряде городов в вооружённые столкновения с полицией и войсками. В этих выступлениях участвовали как индусы, так и мусульмане. Выборы, проводившиеся на основе законов 1919 и 1935 гг., должны были, по мнению английского правительства, разрядить политическую атмосферу и отвлечь внимание масс от прямой борьбы против английского господства.

Кроме того, они должны были ещё более обострить индусско-мусульманскую рознь, так как Мусульманская лига шла на выборы под лозунгами расчленения Индии и её руководители весь огонь своей критики направляли не против английского правительства, а против Национального конгресса.

В интервью корреспонденту агентства Рейтер (от 10 декабря 1945 г.) Джинна заявил: «Тупик в нашей стране вызван не столько разногласиями между Индией и Англией, сколько разногласиями между индусским Конгрессом и Мусульманской лигой. Английское правительство поступает нелепо, предлагая учредить орган по выработке конституции для всей Индии до урегулирования вопроса о Пакистане. Сначала мы должны прийти к соглашению о Пакистане и только тогда приступить к следующему вопросу».

Однако выборы не разрядили напряжённости политической атмосферы в Индии. Начало 1946 г. ознаменовалось ещё более бурными массовыми выступлениями, чем конец 1945 г. (восстание моряков, забастовки рабочих, студенческие волнения).

Борьба за независимость соседних народов Южной Азии (Индонезия, Вьетнам, Бирма) ещё более революционизировала индийские массы. Английскому правительству стало ясно, что если оно не пойдёт на серьёзные и далеко идущие уступки требованиям национального движения, то это движение может принять такие формы,

при которых сговор правительства с индийской буржуазией уже не остановит его.

В этих условиях оказались недостаточными и старые формы политики разжигания индуССко-мусульманской розни. Предвидение необходимости предоставить Индии права доминиона, как минимум, поставило перед английскими империалистами вопрос о её расчленении уже не как лозунг, способствующий расколу национально-освободительного движения, а как средство сохранения над ней господства, даже если Индия добьётся формальной независимости.

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА РАЗЖИГАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ОБЩИННОЙ РОЗНИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая декларация лейбористского правительства от 19 сентября 1945 г. и вся его политика во время выборов в индийские законодательные собрания была прямым продолжением политики, изложенной в декларации 1942 г. Поощряя сепаратистские устремления лидеров Мусульманской лиги, английское правительство не высказывало, однако, своего официального отношения к требованию расчленения Индии, надеясь на то, что можно будет ограничиться незначительными уступками.

Однако события зимы 1945 г. и весны 1946 г. показали, что английскому правительству придётся пойти на гораздо большие уступки, чем оно предполагало. В связи с этим английское правительство начало планомерную подготовку к осуществлению расчленения Индии на индусское и мусульманское государство.

Направленная в Индию в марте 1946 г. правительственная миссия в составе трёх министров сумела в процессе переговоров ещё более обострить отношения между Национальным конгрессом и Мусульманской лигой. В этом отношении заслуживает внимания конференция, проведённая миссией в начале мая 1946 г. в г. Симла. На этой конференции правительственной миссией был выдвинут следующий план разрешения индийской конституционной проблемы:

- 1) Индия превращается в союз провинций и княжеств. Центральное правительство союза будет весть только вопросами обороны, внешних сношений и коммуникаций.

2) Провинции Индии делятся на три группы: две мусульманские и одну индусскую, причём каждая из групп будет иметь свои законодательные и учредительные органы.

3) Провинции, их группы и княжества будут пользоваться полной автономией и ведать всеми вопросами, не входящими в сферу компетенции центрального правительства.

Эти предложения не были приняты ни Лигой, ни Конгрессом. Несмотря на это, или, вернее, благодаря этому, они полностью были включены в декларацию английского правительства, обнародованную 16 мая 1946 г.

Во введении к этой декларации говорилось, что британское правительство не сочло возможным принять требование Мусульманской лиги о разделе Индии на Пакистан и Хиндустан, так как в современных условиях это было бы опасно с точки зрения обороноспособности Индии; кроме того, раздел не разрешил бы религиозно-общинного вопроса, ибо в Пакистане, в тех его границах, которые требует Мусульманская лига, было бы до 40% меньшинств, главным образом индусов, но правительство разделяет опасения мусульман в том, что в единой Индии им угрожает поглощение индусским большинством.

Поэтому британское правительство предложило сгруппировать провинции Индии в три группы или зоны, а именно: зона *a* — Мадрас, Бомбей, Центральные провинции, Соединённые провинции, Орисса и Бихар; зона *b* — Пенджаб, Северо-Западная пограничная провинция и Синд; зона *c* — Бенгал и Ассам.

Нетрудно заметить, что зона *a* есть не что иное, как территория, предложенная Джинной для Хиндустана, а зоны *b* и *c* буквально соответствуют Пакистану.

Выборы депутатов в учредительное собрание согласно этому проекту должны были проводиться по религиозным куриям, и для разрешения вопросов, затрагивающих интересы религиозных общин, требовалось не только согласие большинства депутатов собрания, но и большинства представителей каждой общины.

16 же мая 1946 г. вице-король Индии Уэйвелл заявил о своём намерении сформировать временное правитель-

ство из лидеров индийских политических партий, причём он заявил, что если какая-либо партия не согласится участвовать в правительстве, то правительство будет сформировано без её участия. Он выдвинул следующий принцип формирования временного правительства: пять индусских мест предоставлялось Национальному конгрессу, пять мусульманских — Мусульманской лиге, остальные четыре места распределялись следующим образом: одно — неприкасаемым, одно — сикхам, одно — парсам, одно — индийским христианам. Правительство должно было действовать на основе старой конституции, т. е. как исполнительный совет при вице-короле.

Мусульманская лига согласилась участвовать во временном правительстве и приняла правительственный план как наиболее соответствующий её требованию раздела Индии на Пакистан и Хиндустан.

Национальный конгресс отказался участвовать во временном правительстве, будучи несогласен с принципом его формирования. Правда, он принял за основу новой конституции английский план, но не безоговорочно. Особенно серьёзные возражения со стороны Конгресса вызвал проект принудительного объединения провинций в группы. Вследствие отказа Конгресса войти в состав временного правительства вице-король отказался от создания временного правительства и сформировал так называемый служебный кабинет из чиновников.

После этого манёвра вице-короля совет Мусульманской лиги принял решение об отказе от участия как во временном правительстве, так и в работе учредительного собрания. Это решение было мотивировано тем, что вице-король нарушил своё обещание о формировании правительства без участия одной из партий, а также тем, что Конгресс якобы ставит своей задачей провал английских предложений в учредительном собрании, особенно в части, касающейся деления провинций на зоны. На этой же сессии совета Мусульманской лиги было принято решение о начале «прямых действий» в борьбе за Пакистан.

Английская пресса, комментируя события в Индии, подчёркивала, что решение Лиги явилось «вынужденным шагом» в результате упорства Национального конгресса.

В июле 1946 г. были проведены выборы в учредительное собрание Индии. Национальный конгресс получил в нём абсолютное большинство мест.

В начале августа вице-король Индии сделал предложение председателю Национального конгресса Джавахарлалу Неру сформировать правительство на следующей основе: 6 мест получает Национальный конгресс, 5 мест — Мусульманская лига, 3 места распределяются между меньшинствами.

После совещания с Рабочим комитетом Конгресса Неру принял это предложение и приступил к формированию правительства.

Мусульманская лига первоначально отказалась принять в нём участие. Она выступила против временного правительства и объявила день 16 августа днём борьбы за Пакистан и протеста против нового правительства.

16 августа в Калькутте Мусульманской лигой была организована демонстрация, которая привела к кровавой резне между индусами и мусульманами.

Английская печать, подводя итоги событий в Калькутте, пыталась оправдывать Мусульманскую лигу. Лозунг «прямых действий», брошенный Лигой при поощрении английских правящих кругов, и демонстрация, организованная ею в Калькутте, спровоцировали в стране волну индусско-мусульманских столкновений. Прокатившись сначала по городам, эта волна захлестнула и деревню.

После долгих переговоров Мусульманская лига дала в сентябре 1946 г. согласие на участие её представителей в правительстве. Английская печать поспешила объявить, что этот акт знаменует начало новой эры в истории индусско-мусульманских отношений. Но вступление Мусульманской лиги в правительство не прекратило междоусобной борьбы. Мусульманская лига не отказалась от метода «прямых действий» в борьбе за Пакистан и не отменила своего решения об отказе от участия в учредительном собрании. Индусско-мусульманские столкновения продолжались и перекинулись в провинцию Бихар.

Тогда, якобы для того, чтобы при «помощи» британского правительства урегулировать спорные вопросы,

в Лондон был вызван вице-король Индии Уэйвелл и приглашены 5 индийских политических деятелей: Неру и Пател от Национального конгресса, Джинна и Лиакат Али Хан от Мусульманской лиги и Балдев Синг в качестве представителя сикхов.

Так же как и при начале всех прежних переговоров, английская печать подняла большой шум по поводу совещания в Лондоне. И лейбористская и консервативная печать писала о серьёзности политического положения в Индии, о трудностях и важности задачи, стоящей перед английскими властями, проявляющими «заботу о народах Индии». Между тем во время лондонских переговоров совершенно определённо выявилось, что английское правительство решило расчленить Индию на Хиндустан и Пакистан.

Якобы для урегулирования вопроса о голосовании в учредительном собрании правительство заявило, что порядок голосования, предусмотренный в декларации от 16 мая, относится только к пленуму учредительного собрания, в секциях же, разрабатывающих конституции отдельных зон провинций, голосование всех вопросов проводится простым большинством.

Этим самым обеспечивалось включение в Пакистан Северо-Западной пограничной провинции и Ассама, представители которых были против Пакистана. При голосовании же по куриям депутаты от этих провинций при поддержке индусских депутатов от Пенджаба, Синда и Бенгалии не дали бы включить эти провинции в Пакистан, тогда как при голосовании простым большинством Мусульманская лига получала перевес.

Конгресс не принял это толкование декларации от 16 мая, а Мусульманская лига отказалась участвовать в учредительном собрании, если не будет гарантировано создание Пакистана.

Английское правительство, поощряя позицию, занятую Джинной, заявило, что решения учредительного собрания не будут обязательны для тех провинций, большинство депутатов которых не будет в нём участвовать.

В декабре 1946 г. собралось учредительное собрание. На его сессии не присутствовали представители Мусуль-

манской лиги и княжеств. Обстановка в Индии была очень напряжённой. Индусско-мусульманские погромы продолжались; вся страна была охвачена забастовочным движением. Индия находилась накануне национальной революции. Не только английское правительство, но и индийская буржуазия испугалась нарастающего массового движения и особенно усиления рабочего движения. Это способствовало сговору английского империализма с индийской буржуазией.

20 февраля 1947 г. была оглашена новая декларация английского правительства. В этой декларации Англия заявила о своей готовности «уйти» из Индии к июню 1948 г. и обязывалась «передать» власть центральному индийскому правительству или тем правительствам провинций или групп провинций, которые будут существовать к тому времени. Несмотря на то, что эта декларация явно говорила о вероятности расчленения Индии, она была встречена благожелательно не только Мусульманской лигой, но и Национальным конгрессом. Это показывает, что индийская буржуазия, для того чтобы предотвратить развитие массового движения, угрожавшего не только английскому господству, но и её классовым интересам, пошла на сговор с английским империализмом даже ценою расчленения Индии, ценою предательства интересов страны.

В июне 1947 г. был обнародован английский акт о «порядке передачи власти Индии», согласно которому создавались два доминиона — Хиндустан (Индийский союз или просто Индия) и Пакистан, состоящий из двух частей — западной и восточной.

Акт этот, ставший 18 июня 1947 г. законом, положил начало новому периоду в истории борьбы народов Индии за свою национальную и государственную независимость.

15 августа 1947 г. английский закон о расчленении Индии вступил в силу. В Индии были образованы два доминиона, в общих чертах определены их границы, разделены армия и финансы. Вместо единой колониальной Индии на Индостанском полуострове появились два новых английских доминиона — Хиндустан и Пакистан.

Расчленение Индии, проведённое английским приказом без учёта национального состава населения и экономических связей, а только на основе религиозных верований, не могло разрешить ни одной из внутренних проблем Индии, в том числе и проблемы индусско-мусульманской.

Недемократический метод разделения территории двух доминионов способствовал обострению розни, вызвал взрыв индусско-мусульманских погромов. Согласно английскому закону от 18 июня 1947 г., до определения границ двух вновь создаваемых доминионов должны были быть разрешены следующие вопросы: о разделе провинций Бенгалия и Пенджаб; о судьбе Северо-Западной пограничной провинции; о присоединении Силхетского округа провинции Ассам к Пакистану и о судьбе провинции Синд.

Английский план расчленения Индии — план Маунтбэттена, — изложенный в упомянутом законе, был принят, хотя и ничтожным большинством, Национальным конгрессом, а поэтому не было сомнения в том, что при предусмотренном в этом плане способе голосования провинции Пенджаб и Бенгалия будут разделены. Большинство депутатов от немусульманских округов Бенгалии и Пенджаба — члены Конгресса. Хотя они составляли меньшинство в законодательных собраниях, но по условиям голосования они могли оказать решающее влияние на принятие закона о разделе. Поэтому руководство Мусульманской лиги, принимая план Маунтбэттена, в то же время для сохранения своего авторитета в глазах рядовых членов высказалось против раздела указанных провинций, не опасаясь провала этого плана.

Протест Лиги против раздела Пенджаба и Бенгалии при принятии плана в целом не помешал и не мог помешать его осуществлению. Но этот протест сыграл роль провокационного призыва к мусульманам усилить борьбу против раздела и способствовал ещё большему обострению розни между мусульманским и немусульманским населением провинций, подлежащих разделу.

В связи с разделом провинции Пенджаб возникли кровавые столкновения между индусами и мусульманами,

произошли погромы, сотни тысяч человек были убиты и ранены, миллионы лишились крова и имущества и вынуждены были покинуть родные места. По сведениям индийской прессы, 4 млн. индусов и сикхов было эвакуировано из Пакистана и столько же мусульман из Индии.

Что касается Северо-Западной пограничной провинции, то там в референдуме приняло участие всего 49% имеющих право голоса. На голосование был поставлен вопрос, к какому доминиону — к Пакистану или Индии — должна присоединиться Северо-Западная пограничная провинция. Референдум проводился по той причине, что правительство этой провинции, возглавляемое конгрессистом Хан Сахобом, высказывалось против присоединения провинции к Пакистану и против расчленения Индии вообще.

Но провинция населена главным образом патанами (афганцами) — мусульманами. Поэтому когда был поставлен вопрос, должна ли она войти в Хиндустан или в Пакистан, то конгрессистские лидеры провинции не решились высказаться в пользу Хиндустана, ибо не могли рассчитывать на поддержку основной массы населения. Патаны предпочитали оставаться в единой Индии в качестве автономной провинции, чем входить в Пакистан, где ведущая роль неизбежно должна принадлежать Пенджабу, но они не хотели также вступать в Хиндустан.

В согласии с руководством Конгресса лидеры патанов потребовали, чтобы на референдум был поставлен ещё один вопрос — о выделении Северо-Западной пограничной провинции и всех населённых афганцами частей Индии в независимое государство — Патанистан. Это требование, без сомнения, нашло бы небольшую поддержку среди патанов, поэтому английские власти его и не приняли.

Абдул Гафар Хан от имени организации патанов вёл в июне 1947 г. с Джинной переговоры, обещая голосовать за вхождение в Пакистан при условии, если Мусульманская лига гарантирует, что Пакистан не останется в составе Британской империи на правах доминиона. Когда Джинна отказался дать такую гарантию, то «краснорубашечники» объявили бойкот референдума, в результате

чего в голосовании участвовало менее половины избирателей. Движение за Патанистан не прекратилось и после референдума.

Таким образом, уже самый процесс размежевания был связан с серьёзными осложнениями, а в провинции Пенджаб сопровождался кровавыми столкновениями между индусами и мусульманами.

Но вследствие того, что план Маунтбэттена был принят наиболее влиятельными организациями Индии — всеиндийским Национальным конгрессом и Мусульманской лигой, он был проведён в жизнь.

Даже религиозно-общинная проблема, в интересах которой якобы было произведено расчленение Индии, осталась неразрешённой. Если предположить, что 5 млн. мусульман в результате погромов бежали из Индии в Пакистан, то в Индии и вошедших в неё княжествах остаётся ещё свыше 25 млн. мусульман, а в Пакистане, за вычетом 5 млн. беженцев, остаётся 10 млн. индусов и сикхов.

Таким образом, расчленение Индии, не разрешив ни одной проблемы индийской общественно-политической жизни, создало целый ряд новых сложных проблем во взаимоотношениях между Индией и Пакистаном. Английским империализмом эти вопросы используются для политического давления и на Индию и на Пакистан.

Характерны процессы, которые происходят внутри Мусульманской лиги после расчленения Индии. В демократических мусульманских кругах, которых на сторону образования Пакистана привлекла антиимпериалистическая демагогия лидеров Лиги, после осуществления раздела наступило разочарование. Пока ещё правящие круги Пакистана поддерживают своё влияние на массы панисламистской и антихиндустанской демагогией. В Пакистане устраиваются пресс-конференции для представителей печати мусульманских стран, на которых выдвигается идея создания «Шестого континента», т. е. объединения всех мусульманских стран. Премьер-министр Пакистана Лиакат Али Хан в своих выступлениях постоянно нападает на правительство Индии, обвиняя его в притеснении мусульман, в захватнической политике по отноше-

нию к мусульманским княжествам Джунагад, Кашмир, Хайдарабад. Правительство Индии обратилось в Совет безопасности Объединённых наций с просьбой рассмотреть положение, создавшееся в отношениях между Индией и Пакистаном, указывая, что последний поддерживает военную авантюру в Кашмире и Джамму.

Процесс откола от Мусульманской лиги демократических групп налицо. Её ряды покинули даже некоторые видные деятели. Были случаи отказа некоторых членов Лиги от руководящих постов в государственных органах Пакистана.

Одновременно реакционное руководство Лиги стремится вовлечь в неё реакционные элементы других религиозных общин. Так, в связи с сессией Лиги, состоявшейся в декабре 1947 г. в Карачи, Джинна заявил, что задачей сессии является, с одной стороны, освободить членов Мусульманской лиги, проживающих в Индии, от обязанностей, вытекающих из их принадлежности к Лиге, и, с другой стороны, превратить Мусульманскую лигу в Пакистане в Национальную лигу Пакистана, открыв в неё доступ представителям других религиозных общин. Этот манёвр имел целью консолидацию всех сил реакции Пакистана в рядах Мусульманской лиги.

Сессия Мусульманской лиги, закончившая свою работу 17 декабря 1947 г., вынесла решение о разделе Мусульманской лиги на две независимые организации: Мусульманскую лигу Пакистана и Мусульманскую лигу Индии, однако предложение о создании Национальной лиги Пакистана не было принято.

Джинна неоднократно заявлял, что Пакистан останется и впредь доминионом Англии. Правительство Пакистана открывает двери для широкого проникновения английского и американского капитала и добивается займов в Соединённых Штатах. Правительство Пакистана пошло навстречу требованию Англии и заключило с ней соглашение о предоставлении пакистанской территории под английские военные базы. Таким образом Пакистан превращается в британский военно-стратегический плацдарм на Востоке, во вторую Трансиорданию огромных размеров.

В Индийском союзе расчленение страны на два доминиона вызвало рост религиозно-общинной розни и реакционных религиозно-общинных организаций. После расчленения страны, и особенно в связи с разделом Пенджаба, Хинду махасабха начала проявлять большую активность. Лидеры её обвиняли руководство Национального конгресса и правительство Хиндустана в предательстве национальных интересов индусов. Бежавшие из Пакистана сикхи и индусы, озлобленные против лишивших их имущества и крова мусульман, создавали благоприятную почву для антимусульманской агитации Хинду махасабхи и сикхской религиозно-общинной организации Акали. В Индии стали создаваться боевые отряды, связанные с Хинду махасабхой, военизированная индусская организация — «Раштрия севак санг» («Союз служителей государства»). Эти отряды и сикхские отряды Акали нападали на мусульман в разных городах Хиндустана. Город Дели, где скопилось особенно большое количество беженцев, превратился в арену кровавых погромов.

Правительство Индии не боролось активно против индусских и сикхских погромщиков, а некоторые его члены, особенно Патель, своими антипакистанскими и антимусульманскими выступлениями поощряли разгул сикхско-индусской реакции. Ганди, выступавший против преследования мусульман в Индии и за установление нормальных отношений с Пакистаном, подвергался нападкам индусских шовинистов. Отряды «Союза служителей государства» были удобным прикрытием для деятельности многочисленной агентуры тайной английской полиции, которая в интересах английского империализма раздувала среди населения враждебные к мусульманам и к Пакистану чувства.

Разгул индусско-сикхской реакции, подогреваемой английскими провокаторами, привёл к тому, что 30 января 1948 г. Годсе, редактор выходившей в Пуне газеты Хинду махасабхи, убил Ганди.

После убийства Ганди массы рядовых членов Конгресса стали громить помещения комитетов Хинду махасабхи и Раштрия севак санга. Только под влиянием этого

возмущения масс индийское правительство арестовало ряд лидеров Хинду махасабхи и объявило о роспуске Раштрия севак санга. Однако и после этого деятельность индусских и сикхских реакционных организаций не прекратилась, и они находят поддержку со стороны некоторых министров правительства Индии. Используя свою агентуру как среди мусульман, так и среди индусов, англичане разжигают рознь между Индией и Пакистаном, используя её в своих империалистических интересах.

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕПРИКАСАЕМЫХ КАСТ

Одним из древнейших докапиталистических пережитков в Индии является кастовая система. Кастовая система продолжает оказывать значительное влияние на очень широкие слои населения Индии. Она показывает даже некоторые признаки жизнеспособности, и до последнего времени образовывались новые касты¹.

В настоящей работе мы не ставим перед собой задачу полного описания кастовой системы Индии или же рассмотрения вопроса о её происхождении. Это вопросы, требующие специального исследования. Наша задача ограничивается в данном случае только одним вопросом, а именно рассмотрением попытки английских правящих кругов использовать некоторые особенности кастовой системы для раскола национально-освободительного движения.

Прежде всего дадим краткую справку о кастовой системе в Индии.

Большинство индийских и английских буржуазных авторов считает, что основными особенностями касты являются следующие:

- 1) Наследственность. Каждый индус рождается членом той касты, к которой принадлежат его родители, и не может *изменить* своей кастовой принадлежности.
- 2) Эндогамия. Браки заключаются только внутри касты.

---

¹ Blunt, The caste System of Northern India, Madras 1931, p. 161.

3) Ограничения в отношении общения с членами других каст (запрет приёма пищи из их рук или даже прикосновения к ним).

Кастовые образования очень разнородны. Старое деление на четыре варны (сословия): брахман (брамины — сословие жрецов), кшатрия (сословие воинов), вайшья, (сословие свободных земледельцев и купцов) и шудра (сословие ремесленников, а также низшей прослойки земледельцев) — не существует в своём первоначальном виде. Из этих четырёх варн, как они назывались в классической индийской литературе, только варна брахманов сохранила своё значение и распространена во всей Индии, и то её единство весьма условно, ибо она делится на много эндогамных групп. Кшатриями считаются некоторые воинские касты, например раджпуты, на это звание претендуют маратхи. К числу вайшья относятся ряд торговых каст. Что касается шудра, то большинство каст Индии, связанных с ремеслом, а также с земледелием, считаются происходящими от этой варны, хотя эти предположения исторически необоснованы.

Большинство индийских и английских буржуазных авторов следующим образом классифицирует касты Индии:

- 1) касты сословного происхождения,
- 2) касты профессионального происхождения,
- 3) касты племенного происхождения.

Это основные группы каст. Кроме того, перечисляются ещё второстепенные группы:

а) сектантские касты; б) касты мусульманские; в) касты, составленные из различных групп, исключённых из других каст. Общее число каст в Индии точно определить невозможно. Почти все источники дают перечень каст и племён вместе. Интересно, что на современных языках Индии термин, обозначающий касту, применяется нередко и к племени и даже к нации.

Так, в Пенджабе и Хиндустане каста обозначается обычно словом «зат». Это слово арабского происхождения и в просторечии произносится как «джат» или «джати», однако на языке хинди слово «джати» имеет также значение — нация, народ.

Арабское слово «каум», применяемое в урду, а также и в хинди для обозначения «нации», «народа», часто применяется и к племени и к касте. Эта путаница не является случайной, она отражает тот сложный переплёт этнических и социальных групп самого различного происхождения и давности, которые существуют в современной Индии.

К числу каст сословного происхождения, несомненно, относится каста брахманов.

Наибольшее число всех каст Индии принадлежит к числу профессиональных. Однако неправильно было бы думать, что все лица одной профессии принадлежат к одной и той же касте на пространстве всей Индии. Наоборот, почти каждая народность Индии имеет свои касты, и во всяком случае, кроме брахманов, нет ни одной касты, встречающейся как в Северной, так и в Южной Индии, да и брахманы севера не отдают своих дочерей за брахманов юга.

Касты Индии делятся согласно древней традиции на две большие группы — дважды рождённых (двиджат) и не дважды рождённых. К первым относятся брахманы, кшатрия и вайшья, а теперь все касты, претендующие на происхождение от них; ко второй группе — все касты, которых считают ветвями касты шудра, т. е. огромное большинство всех каст. Низшее звено последней группы составляют неприкасаемые (ачхут). Эта группа состоит из большого числа каст, профессия которых считается у индусов нечистой, оскверняющей человека. У индусов вообще всякий ремесленный труд считается ниже земледельческого. Эта особенность характерна для древних общественных формаций и в других странах.

Карл Маркс писал: «Древние единодушно почитали земледелие *единственным делом, подобающим* для свободного человека, школой солдата»¹. В Индии этот взгляд ещё не изжит. Даже теперь если члены одной из высоких земледельческих каст северо-запада, а именно касты джат, вынуждены бывают уйти из своей деревни на отход-

---

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Госполитиздат, М. 1940, стр. 12.

ный заработок, то они ищут себе работу солдата, полицейского или охранника. Если же нужда заставила их работать, скажем, ткачом или слесарем, то они постараются, чтобы факт этот остался неизвестным для собратьев по касте в родной деревне. Наоборот, если член ремесленной касты занимается земледелием, то это не считается нарушением кастовых обычаев.

Предпочтение, даваемое земледелию, объясняется тем, что в индийской сельской общине ремесленники находились в зависимости от общинников-земледельцев.

Ряд профессий, а именно подметание улиц, выделка кожи, стирка белья, парикмахерская профессия, считаются нечистыми, и занимающиеся этими делами люди не должны прикасаться к членам высших каст. Степень этой «неприкасаемости» весьма различна в разных районах Индии, но особенно строго запрет соприкосновения соблюдается в южной части страны, у дравидских народов.

Для брахмана являются неприкасаемыми члены тех каст, которые:

- а) имеют нечистую профессию;
- б) те, кто держит свиней и ест свинину или говядину;
- в) кочующие племена, если они не перешли к оседлости¹.

Но есть и такие касты, причина неприкасаемости которых не ясна.

Численность неприкасаемых велика. Число каст превышает 300, а количество членов их, по одним данным, 30 млн., по другим — не менее 60 млн. По переписи 1941 г., их численность была определена в 48 млн. Однако нужно учесть, что самое понятие «неприкасаемый» является весьма относительным, ибо только брахманы считают для себя осквернением прикосновение к представителю любой другой касты, другие же высшие касты строго соблюдают только ограничения в отношении принятия пищи. Кроме того, и для самих неприкасаемых многие касты являются неприкасаемыми. Например, для важнейшей из неприкасаемых каст Северной Индии — чамар (кожевники) — каста дхоби (прачки) является

¹ *Blunt*, *op. cit.*, p. 101—102.

в свою очередь неприкасаемой. Наоборот, некоторые из очень низкостоящих каст не считаются неприкасаемыми для многих высших каст. Поэтому в настоящее время для обозначения низших каст употребляются другие термины, обычно ещё менее удачные и даже просто неверные, а именно «угнетённые классы» (*depressed classes*), «зарегистрированные касты» (*scheduled castes*). По инициативе Ганди неприкасаемых в конгрессовской литературе стали именовать за последнее время хариджанами (*harijan*), что значит «божьи люди».

Самыми крупными из низших каст являются касты чамар, дхоби, чура — на севере Индии; махар — в Махарастре; параян (парии), черума — на юге Индии.

Нередко этих неприкасаемых именуют внекастовыми индусами в противоположность кастовым индусам, членам высших каст. Однако это деление индусов на кастовых и внекастовых не имеет основания. Правильнее говорить об индусах высших и низших каст, ибо среди неприкасаемых кастовое деление и кастовые обычаи соблюдаются столь же строго, как среди высших каст. Поэтому занесение той или иной касты в рубрику неприкасаемых является всегда до некоторой степени произвольным.

Неверно также и то положение, что касты существуют только у индусов и их нет у индийских мусульман, сикхов и индийских христиан. Огромное большинство мусульман Индии — это обращённые в ислам индусы. Приняв новую религию, они не изменили, однако, коренным образом своего быта, и ряд каст Северной Индии являются целиком или частично мусульманскими. Так, по данным переписи 1901 г., в Индии насчитывалось 133 касты, полностью или частично принявших ислам. Причём среди этих мусульманских каст есть и неприкасаемые. В Северной Индии немало мусульман среди чамар, чура, дхоби и др. Немало мусульман — раджпутов, а среди джатов мусульмане составляют едва ли не большинство. Есть и специально мусульманские касты: мираси, кассаб (мясники) и др. Многие мусульманские сословные или племенные группы в Индии также превратились в касты, например, билоч (белуджи), ираки, патаны (афганцы).

В ещё большей мере сохранились касты у сикхов и у южноиндийских (малабарских) христиан.

Некоторые касты, особенно ремесленные, имеют ещё до сих пор свои кастовые советы — панчаяты (пятерка). Панчаят охватывает не всю касту, а только группу членов касты, проживающих в определённой деревне или округе, именуемую бирадари — братство, илака — округ, гхоль — круг и т. д. Обычно в панчаяте принимают участие все взрослые члены братства, а не пять человек, иногда он состоит из более узкого круга лиц. Иногда во главе панчаята имеется своеобразный президиум, и всю работу ведёт должностное лицо, именуемое обычно сарпандж (глава пяти) или бадшах (царь), пардхан (председатель) и т. д. У него имеется постоянный заместитель. Оба эти лица или выбираются пожизненно, или же их должность передаётся по наследству.

Такие постоянные организации бывают обычно у профессиональных каст и у торговых каст. Панчаяты являются организациями, имеющими и функции взаимопомощи и судебных органов по вопросам, связанным с нарушением кастовых обычаев. Они могут исключать из касты, а также налагать различные наказания и штрафы.

Кроме этих панчаятов имеются кастовые союзы более широкого размаха, задачей которых является главным образом не разрешение внутрикастовых вопросов, а борьба за права и привилегии членов данной касты в обществе, а также культурная работа внутри касты, поднятие материального уровня её членов. Такие союзы «сабха» имеются как у высших, так и у низших каст. Например: гаур брахман махасабха (великий союз браминов, подкасты гаур); кшатрия махасабха (великий союз кшатриев); вайшья махасабха (великий союз вайшьев); очень большим влиянием пользуется среди джаттов Раджпутаны — джат сабха, а в Бенгале различные союзы каястхов (каетх сабха).

Разрушение ремесла в Индии и развитие крупной капиталистической промышленности нанесли серьёзный удар кастовому строю и прежде всего уничтожили его основу — традиционную профессию. В деревне большая

часть членов ремесленных каст вынуждена была перейти к земледелию и составляет в настоящее время низшее звено арендаторов и большую часть батраков. Так, по данным переписи 1931 г., только 4,8% членов касты чамар занимались традиционной профессией. Однако изменение профессии не изменило общественного положения этих каст. Члены их попрежнему рассматриваются как неприкасаемые и низшие.

Старые кастовые обычаи ещё держатся. Во многих сёлах и городах Южной Индии членам низших каст запрещается даже ходить по определённым дорогам и улицам, пользоваться общими колодцами и т. д. Живут они в особых кварталах или частях деревни.

В городе на крупных предприятиях кастовые обычаи соблюдаются менее строго, да, кроме того, тут собираются люди с разных мест и работают бок о бок, нередко даже не зная происхождения своего сотоварища.

Однако пережитки кастового строя ещё очень сильны в Индии, и положение неприкасаемых остаётся очень тяжёлым и унижительным. Подавляющая часть служащих в государственный аппарат вербуется из высших каст, они же занимают огромное большинство мест и в выборных органах. Это положение, естественно, вытекает из отсутствия демократии в Индии. Положение небольшой кучки интеллигентов из среды неприкасаемых мало чем отличается от положения негритянской интеллигенции в Америке. За 200 лет английского господства общественное положение неприкасаемых не изменилось к лучшему, а их экономическое положение в связи с разорением сельского ремесла и вытеснением его крупной промышленностью резко ухудшилось.

Английские правители Индии считали кастовую систему выгодной для себя. Миссионер конца XVIII века аббат Дюбуа и английский юрист XIX века Сидней Лоу — оба считали касты весьма полезным для Англии институтом. Каста предопределяет профессию каждого; при кастовой системе низшие не стремятся свергнуть высших и каждый «доволен своей судьбой». Английские правящие круги считали, что кастовая система обеспечивает застойность общества, а им это было выгодно. Поэтому они в

своём законодательстве закрепили запрещение неприкасаемым посещать индусские храмы, учитывали кастовую принадлежность при комплектовании правительственного аппарата, не допуская неприкасаемых на высшие должности, и т. д.

Только в период подготовки к проведению в жизнь реформы 1935 г. британские правящие круги вдруг обратили своё внимание на неприкасаемых.

На Конференциях круглого стола 1930—1932 гг. участвовали в качестве делегатов представители неприкасаемых во главе с доктором Амбедкаром. Опубликованный в 1932 г. «Общинный закон» предусматривал особую курию — «угнетённых классов» (неприкасаемых), и за ними резервировалось в провинциальных законодательных собраниях в общей сложности 78 мест.

Однако английским властям удалось привлечь на свою сторону только небольшую группу интеллигентов из неприкасаемых во главе с доктором Амбедкаром.

Бхимарао Рамджи Амбедкар родился в 1893 г. Он происходит из касты махар. Амбедкар получил юридическое образование в качестве стипендиата гаэквара (князя) Бароды в Америке, Германии и в Англии. Тяжёлое моральное положение, в которое попадают в Индии интеллигенты из неприкасаемых, толкнуло Амбедкара на путь организации неприкасаемых для борьбы против кастовой системы и индусов высших каст. Он стал выступать в качестве защитника неприкасаемых, апеллируя к общественному мнению не столько Индии, сколько Англии и Америки. Одновременно с этим он стал организовывать неприкасаемых в союзы и создал в Бомбейской провинции свою партию, именовавшуюся Независимой рабочей партией, а затем Всеиндийской конференцией неприкасаемых, более известную под именем партии Амбедкара. Движение, возглавляемое Амбедкаром, английские круги пытались использовать в своих целях. В 1936 г. перед выборами в провинциальные законодательные собрания Амбедкар повёл кампанию среди неприкасаемых за принятие новой религии. Однако эта кампания успеха не имела. Между тем решение правительства выделить низшие касты в особую избирательную курию вызвало боль-

шое возмущение в конгрессовских кругах. Ганди, сидевший в это время в тюрьме, объявил голодовку. Требование выделения неприкасаемых в особую курию не встретило поддержки и среди самих неприкасаемых. В результате кампании протеста, поднятой Конгрессом под руководством Ганди, в 1934 г. в г. Пуна было заключено соглашение между Ганди и лидерами неприкасаемых, согласно которому неприкасаемые не выделялись в особую курию, но за ними были резервированы в провинциальных законодательных органах 148 мест. Депутаты от неприкасаемых должны были выдвигаться следующим образом: сначала кандидаты намечаются избирателями из неприкасаемых, а потом они голосуются по общей курии, где участвуют в голосовании избиратели всех каст. Тот из выдвинутых кандидатов, который получит большинство голосов, считается избранным. Амбедкар подписал этот пакт.

Выборы 1937 г. показали, что Национальный конгресс пользуется значительно бóльшим влиянием среди неприкасаемых, чем партия Амбедкара. На 148 мест, предоставленных для неприкасаемых, было избрано всего 13 членов партии Амбедкара в Бомбейской провинции и 23 так называемых независимых в Бенгалии. В остальных провинциях почти все депутаты из низших каст оказались или членами Национального конгресса, или сочувствующими ему.

Этот провал попытки английского правительства оторвать неприкасаемых от общендийского национально-освободительного движения, однако, не обескуражил ни Амбедкара, ни английское правительство.

Попытки привлечь на свою сторону неприкасаемых продолжались. Во всех своих выступлениях и декларациях английское правительство неизменно пыталось противопоставлять неприкасаемых «кастовым индусам» и особенно Национальному конгрессу.

В 1942 г., для того чтобы привлечь на свою сторону неприкасаемых, английское правительство включило в состав исполнительного совета при вице-короле Амбедкара, предоставив ему пост советника (министра) по делам труда.

Однако все попытки правительства оказались тщетными. На выборах 1945 г. от неприкасаемых было избрано большинство конгрессистов. Амбедкар, правда, был выбран от Бомбейской провинции, но в остальных провинциях его сторонники не могли оказать серьёзного влияния на исход выборов. Английские правящие круги вынуждены были признать провал своей ставки на группу Амбедкара и в 1946 г. выдвинули в качестве представителя неприкасаемых во временное правительство Неру конгрессиста Джаг Дживан Рама.

В чём же причина провала этой попытки английских правящих кругов? Прежде всего в том, что социальное положение неприкасаемых таково, что английские правящие круги не могли привлечь их на свою сторону путём каких-либо небольших политических уступок.

Число неприкасаемых достаточно велико, чтобы проблему неприкасаемости считать одной из важнейших проблем общественной жизни Индии, без ликвидации неприкасаемости невозможна полная демократизация её политического строя. Важно то, что английские правящие круги ставили своей задачей не изжитие неприкасаемых путём поднятия экономического благосостояния неприкасаемых, предоставления им политических прав и поднятия их культурного уровня, а стремились превратить неприкасаемых в сплочённую политическую группу и противопоставить их общендийскому национально-освободительному движению.

Политическая программа партии доктора Амбедкара сформулирована в резолюциях, принятых Всеиндийской конференцией угнетённых классов, которая происходила в городе Нагпуре в июле 1942 г.

Политические требования конференции сводятся к следующим пунктам:

1. Признание, что неприкасаемые являются отдельной от индусов группой и составляют важный элемент национальной жизни Индии.

2. В новой конституции должны быть обеспечены следующие гарантии прав неприкасаемых:

- а) выделение в бюджете особого фонда для развития

начального, среднего и высшего образования неприкасаемых;

б) обеспечение представительства неприкасаемых в исполнительных органах как в центре, так и на местах пропорционально их численности;

в) обеспечение представительства неприкасаемых в соответствии с их численностью во всём государственном аппарате, особенно в полиции, судебных и налоговых органах;

г) гарантирование представительства неприкасаемых в законодательных органах пропорционально их численности;

д) создание особой избирательной курии неприкасаемых;

е) обеспечение представительства неприкасаемых во всех общественных службах, комитетах и т. д. как в центре, так и на местах¹.

Три момента характерны для этих требований партии Амбедкара:

1. Требование создания особой избирательной курии неприкасаемых.

2. Упор на резервированном представительстве неприкасаемых во всех органах власти.

3. Отсутствие требования расширения избирательных прав для неприкасаемых.

Экономические требования этой конференции сводятся, собственно говоря, к одному требованию — созданию особых поселений неприкасаемых на государственных землях и на землях, закупленных у собственников за счёт государства. В создании этих поселений Амбедкар видит панацею от всех экономических бед². В резолюции нет и упоминания о ликвидации задолженности неприкасаемых, о минимуме заработной платы и об охране интересов батраков.

Как мы упоминали выше, эта программа оказалась малопривлекательной для массы неприкасаемых. Претензии

---

¹ *Ambedkar, Untouchables and the Indian constitution, New York 1943.*

² *Ibid.*, p. 3—4.

доктора Амбедкара на представительство всех неприкасаемых Индии ещё менее обоснованы, чем претензии Джинны на представительство всех мусульман.

Огромное большинство неприкасаемых — это сельскохозяйственные рабочие, батраки, живущие случайным заработком или находящиеся на положении полукрепостных у верхушечной прослойки деревни.

Бывший министр конгрессовского правительства в Мадрасе Мунисвами Пиллей, представитель неприкасаемых, следующим образом характеризовал их положение на юге Индии: «Большинство «регистрированных каст» — безземельные сельскохозяйственные рабочие. Их положение ничем не лучше положения рабов. В этом отношении я хочу указать комитету¹ обычаи, существующие в провинции. Сельскохозяйственные рабочие отдают свою рабочую силу в залог землевладельцам по системе, известной в Тамил над под названием «Мури Читу», а в округах Андхра — «Каси Галлу». В тамильских округах эта система называется также «Панниал патхирам» или «Адмай Сасанам». Худшей стороной системы является то, что работник закабаляет не только себя, но и своих потомков. Я считаю, что этот обычай должен быть уничтожен»².

Кроме того, члены низших каст почти по всей Индии принуждаются к выполнению различных трудовых повинностей, а в княжествах — барщины. Эта принудительная работа в Соединённых провинциях, в Пенджабе и в ряде других мест носит название «бегар». Сукхлал — президент Пенджабской ассоциации угнетённых классов, Мохан-Лал — генеральный секретарь этой ассоциации — жаловались Комитету Сапру на плохое обращение с хариджанами в Карнале и других округах Пенджаба, где господствует помещичье землевладение. Девушки неприкасаемых посылаются на выполнение бегара. Неприкасаемым не разрешают пользоваться общими колодцами и запрещается покупка земли³.

¹ «Sapru Committee report», p. 277.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 232.

До последнего времени почти во всех провинциях Индии дети неприкасаемых не допускались в общие школы и для них строились отдельные школы, число которых было крайне недостаточно, кроме того, не были обеспечены экономические льготы, без которых их дети не могли учиться. Понятно, что неприкасаемых прежде всего интересует не вопрос о том, кто их будет представлять в законодательных органах, а вопрос о земле, о защите их экономических прав как сельскохозяйственных рабочих, о запрете всех видов принудительных работ и ликвидации всех форм прикритого рабства, о поднятии их культурного уровня. Неприкасаемые заинтересованы не в том, чтобы их обособленное положение как неприкасаемых было закреплено, а в том, чтобы это положение было полностью ликвидировано, тогда как английское правительство, наоборот, стремилось увеличить их обособленность, и те экономические и культурные мероприятия, которые оно предполагало провести, преследовали эту цель.

Английский империализм не мог привлечь на свою сторону неприкасаемых, потому что для этого надо было пойти на отказ от политики поддержки помещичьего землевладения, поддержки индийских князей, а на это английский империализм не пошёл, ибо это ослабило бы его позицию. Неприкасаемость есть один из наиболее отвратительных пережитков средневековья в Индии, но ликвидировать его невозможно без ликвидации других пережитков феодализма.

Английские правящие круги, пытавшиеся изобразить себя защитниками «угнетённых классов», и не подумали предоставить большинству неприкасаемых избирательные права. Наоборот, только очень небольшой части их, пропорционально меньшей, чем у индусов высших каст, не говоря уже о мусульманах, было предоставлено право голоса. В Мадрасской провинции пропорция хариджанов к индусам высших каст равна 1 : 4, а среди избирателей по разным округам — в среднем 1 : 15.

Проблема неприкасаемых — главным образом классовая проблема, проблема сельскохозяйственного пролетариата и полупролетариата. Это не «общинная проблема»,

и метод, который дал английским правящим кругам большой выигрыш в индусско-мусульманском вопросе, не принёс и не мог принести желаемых результатов в отношении использования неприкасаемых.

Национальный конгресс не имел определённой программы по вопросу о неприкасаемых. В резолюции, принятой в Карачи в 1931 г., говорится:

«IV) Все граждане равны перед законом, независимо от религии, касты, убеждений или пола.

V) Никаких ограничений не налагается на гражданина по причине его или её религии, касты, убеждений или пола в отношении общественной службы, государственной или почётной должности и выполнения любой профессии или призвания.

VI) Все граждане имеют одинаковые права и обязанности в отношении колодцев, прудов, дорог, школ и мест публичного отдыха, содержимых государством или за счёт местных фондов, или посвящённых частными лицами для общественного пользования».

В избирательном манифесте Конгресса (1936 г.) говорится: «Упор, который Конгресс делает на ликвидацию неприкасаемости и на поднятие общественного и экономического уровня хариджанов и отсталых классов, хорошо известен. Конгресс считает, что они должны быть равными гражданами, с равными правами во всех гражданских делах».

Представляя партию индийской буржуазии, Национальный конгресс не боролся, по существу, за улучшение положения неприкасаемых, ибо их угнетённое положение выгодно индийским капиталистам: неприкасаемые доставляют им самую дешёвую рабочую силу.

После расчленения *Индии* как учредительное собрание Индийского союза, так и учредительное собрание Пакистана включили в конституции статьи, запрещающие ограничение прав неприкасаемых и уравнивающие их в правах с остальными гражданами. Однако это уравнивание неприкасаемых в правах перед законом не означает ликвидацию неприкасаемости на деле, и только народная демократия избавит неприкасаемых от угнетённого положения.

* *
*

1. Англия широко применяла политику «разделяй и властвуй» в период завоевания Индии, противопоставляя друг другу индийские государства, заключая союзы с одними из них в целях покорения других. Таким образом, постепенно, в продолжение 200-летнего периода, Англия захватила всю Индию.

2. В процессе завоевания Индии Англия оставляла «в неприкосновенности» отдельные государства, превращая их в своих вассалов. В некоторых случаях английская Остиндская компания находила выгодным для себя превращать в правителей наместников и вассальных князей, зависимых от более крупных индийских государей, привлекая этим вассальных князей на свою сторону. В период завоевания Индии политика Англии по отношению к княжествам определялась временными политическими ситуациями.

Некоторые генерал-губернаторы были сторонниками сохранения вассальных княжеств, другие считали более выгодной аннексию их территорий. Однако во всех договорах с князьями и во всех навязанных им обязательствах князья лишались права сношений с иностранными державами и друг с другом без разрешения Остиндской компании.

3. Объединение всей Индии под властью Англии имело своим следствием объединение движения сопротивления английским захватчикам. Наиболее ярким проявлением этого движения было всенародное восстание 1857 г., которое охватило почти всю Индию. В этом восстании, особенно на первых его этапах, участвовали и многие индийские князья.

4. После восстания 1857 г. английским правящим кругам стало ясно, что, не опираясь на определённую часть индийского общества и не противопоставляя её другой части, Англия не сможет надолго удержать Индию под своей властью. Некоторые князья оказали Англии активную помощь в подавлении восстания. После 1857 г. английское правительство, отстранившее Остиндскую компанию от управления Индией, заявило князьям о том, что

их территории сохраняются и правительство Англии берёт на себя защиту тронов князей от их подданных. С этого времени начинается новая фаза английской политики «разделяй и властвуй», характеризующаяся опорой на наиболее реакционные феодальные элементы индийского общества и противопоставлением их прогрессивным. Опора на индийских князей и противопоставление индийских княжеств населению провинций Британской Индии является одной из форм политики «разделяй и властвуй».

5. Чем более развивалось национально-освободительное движение, тем более усиливалась опора англичан на князей. В начале XX столетия начинают регулярно собираться совещания князей; в 1921 г. создаётся палата князей, а конституция 1935 г. предполагала создание индийской федерации, в которой князья играли бы руководящую роль. От политики изоляции княжеств от Британской Индии и друг от друга английское правительство перешло к политике максимального сплочения князей вокруг вице-короля Индии и вовлечения их в общеиндийскую политическую жизнь. Сближение английского империализма с индийскими феодальными князьями явилось следствием развития антиимпериалистического и антифеодального движения в стране, поставившего под угрозу как власть английских империалистов, так и власть феодальных князей.

6. Возникновение организованного национально-освободительного движения прежде всего в более развитых экономически и более втянутых в русло капиталистического развития провинциях Британской Индии сделало недостаточной политику опоры на князей. Организация Национального конгресса, во главе которого стояли представители промышленной буржуазии Индии, вызвала к жизни другую форму английской политики «разделяй и властвуй», а именно — политику опоры на мусульманскую феодальную знать, противопоставления её национально-освободительному движению, во главе которого стояла индийская, главным образом индусская, буржуазия. С начала XX века политика разжигания индусско-мусульманской розни сделалась *генеральной* линией английской политики «разделяй и властвуй» в Индии.

7. Путём ряда уступок, сделанных мусульманским верхушечным слоям, английскому империализму удалось превратить их в своего союзника в борьбе против индийского национально-освободительного движения. Основным политическим мероприятием, способствовавшим разжиганию индуско-мусульманской розни, являлось общинное представительство, куриальная система выборов и методы комплектования государственного аппарата, применяемые английским правительством в Индии с начала XX века.

8. Политика разжигания индуско-мусульманской розни и привлечения на свою сторону мусульманской верхушки начала проводиться английским правительством *особенно последовательно* после подъёма индийского национального движения в 1905—1909 гг. Первым законодательным актом, в котором была воплощена эта политика, является реформа Морли — Минто (1909 г.). Все позднейшие конституционные реформы являлись дальнейшим развитием и расширением этой политики.

9. В связи с подготовкой конституции 1935 г. английские правящие круги стремились расколоть национально-освободительное движение по линии: кастовые индусы и неприкасаемые. Для этого общинный закон предусматривал создание специальной курии неприкасаемых.

Однако политика откола неприкасаемых от национально-освободительного движения не удалась, ибо по своему социальному положению неприкасаемые более других заинтересованы в ликвидации феодальных отношений и особенно помещичьего землевладения.

10. В результате проведения в течение почти полувека английской религиозно-общинной политики отчуждение между индусами и мусульманами углубилось, индуско-мусульманская рознь, которая в XIX веке не являлась важной проблемой индийской политической жизни, была искусственно выдвинута на первый план. Раздел Индии на Пакистан и Индийский союз является прямым результатом этой политики и в то же время представляет собой новую её форму, соответствующую новому этапу национально-освободительного движения в Индии.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИНДИИ.
ИНДИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА
И КОМПАРТИЯ АНГЛИИ**

Коммунистические группы в Индии появились в 20-х годах XX века, в период подъёма национально-освободительного антиимпериалистического движения. Во многих случаях они были образованы молодёжью, принимавшей участие в Бенгальской революционной партии, демократических группах последователей Тилака в Махараштре, пенджабской партии Гадар и т. д. Наиболее сильным влиянием коммунисты пользовались среди рабочих Бомбея и Калькутты.

Ещё до слияния коммунистических групп в коммунистическую партию Индии коммунисты играли видную роль в создании профессиональных союзов, в руководстве работой и в организации рабоче-крестьянских партий, которые вели работу среди рабочих, крестьян и студенчества.

В 1928 г. ряд наиболее видных деятелей профсоюзного движения был арестован, и среди них наиболее активные коммунисты. Против них было выдвинуто обвинение в антиправительственном заговоре. Суд над ними, известный под именем Мирутского процесса, показал беспочвенность обвинения, но всё же большая часть мирутских узников была осуждена. Мирутский процесс сыграл большую роль в деле популяризации идей коммунизма в Индии. Подсудимые в своих речах смело излагали идеи коммунизма и клеймили политику английского империализма. В Индии и за её пределами арест профсоюзных деятелей и комедия суда над ними, разыгранная англо-индийскими властями, вызвали возмущение не только среди рабочих, но и среди прогрессивных групп интеллигенции.

В 1933 г. все мирутские узники под давлением движения протеста были освобождены.

В 1933 г. разрозненные коммунистические группы объединились в коммунистическую партию Индии. В 1934 г. коммунистическая партия была объявлена вне закона и ей пришлось уйти в подполье.

В годы подъёма национально-освободительного движения, начавшегося перед второй мировой войной, коммунистическая партия Индии достигла значительных успехов в укреплении профессиональных союзов, в организации крестьян и демократического студенчества. Проводя свою работу под лозунгом создания единого национального, антиимпериалистического фронта, коммунисты завоевали влияние в ряде местных организаций Национального конгресса.

В период второй мировой войны коммунистическая партия Индии получила возможность работать легально. Индийские коммунисты, продолжая вести активную борьбу против английского господства, за полную независимость Индии, в то же время стремились, чтобы Индия принимала активное участие в войне против блока фашистских агрессоров.

В июне 1943 г. был проведён первый съезд коммунистической партии Индии. На съезде присутствовало 139 делегатов, представлявших 16 тыс. членов партии. В это время коммунистическая партия Индии пользовалась уже большим влиянием не только среди рабочих, но и среди крестьян — особенно в стране Андхра, в Керале, в Пенджабе и в Бенгалии.

После первого съезда, несмотря на то, что руководство Национального конгресса и Конгресс социалистической партии усилили травлю коммунистов, влияние партии продолжало расти. Всеиндийский конгресс профсоюзов, в котором коммунисты играли ведущую роль, стал самым сильным объединением профсоюзов. В его рядах насчитывалось в 1947 г. более 800 тыс. членов. Коммунисты расширили своё влияние в крестьянских союзах и в студенческих организациях.

В марте 1948 г. состоялся 2-й съезд коммунистической партии Индии. На съезде присутствовало 632 делегата,

представлявших 89 тыс. членов партии. 75 делегатов из Теленганы не могли прибыть в силу блокады войсками княжества Хайдарабад двух тысяч деревень, в которых восставшие крестьяне вели борьбу против правительства и помещиков.

Съезд отметил рост влияния коммунистической партии не только в рабочем классе, но и среди крестьянства и интеллигенции.

• На съезде был выбран новый состав ЦК, генеральным секретарём избран Ранадив — один из основателей коммунистической партии Индии¹.

В манифесте, опубликованном в 1945 г., коммунистическая партия противопоставляет требованию раздела Индии на два государства на религиозно-общинной основе требование предоставления полного права на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, всем нациям Индии.

Последовательно-демократическая программа разрешения национального вопроса Индии была сформулирована индийской компартией в апреле 1946 г. Ниже мы приводим эту программу: «Острые разногласия между Конгрессом и Лигой по вопросу об учредительном собрании могут быть разрешены только путём правильного применения принципа самоопределения.

Мы предлагаем, чтобы временному правительству было вменено в обязанность создать комиссию по разграничению, чтобы провести границы на базе естественных и древних национальных территорий каждого народа так, чтобы вновь выделенные провинции стали, поскольку это возможно, однородными в отношении языка и культуры национальными единицами: например, Синд, Западный Пенджаб. Народы каждой такой единицы должны иметь неограниченное право самоопределения, т. е. право решить свободно, хотят ли они присоединиться к Индийскому союзу или создать отдельное суверенное государство или другой Индийский союз»².

---

¹ «Peoples Age», 14. IV. 1948.

² «Declaration of independence», Bombay 1946, p. 13.

В примечании к этому пункту говорится: «Национальные единицы, которые должны быть созданы после разграничения, которое предложено выше, и после роспуска индийских княжеств, как это предусмотрено в 6-м разделе, таковы: Тамиль над, Андхрадеша, Керала, Карнат, Махараштра, Гуджарат, Раджастхан, Синд, Белуджистан, Страна патанов, Кашмир, Западный Пенджаб, Центральный Пенджаб, Хиндустан, Бихар, Ассам, Бенгалия, Орисса»¹.

Далее меморандум гласит: «Коммунистическая партия стоит за создание свободного, добровольного, демократического Индийского союза свободных единиц. Она твёрдо убеждена, что интересам масс более всего соответствует сохранение единого союза, чтобы в братском союзе защищать свободу и разрешить проблему бедности, которая требует сотрудничества всех. Только на базе применения принципа самоопределения, как указано выше, может быть сохранено единство Индии»².

В проекте резолюции учредительного собрания, предложенном коммунистической партией в декабре 1946 г., выдвигается эта же программа разрешения национального вопроса в Индии и опять указывается, что только таким путём может демократически разрешиться вопрос о Пакистане и возможно сохранение единства Индии.

В этих документах коммунистическая партия Индии кладёт в основу своей национальной программы следующие положения:

1. Предоставление всем национальностям Индии полного права на самоопределение, вплоть до отделения.
2. Предоставление этого права не существующим бюрократически установленным делениям Индии, т. е. провинциям и княжествам, а национальным областям.
3. Коммунистическая партия Индии стоит за создание Индийского союза, представляющего добровольный союз национальных государственных объединений.

В документах, опубликованных компартией в 1945—1946 гг., также указывается, что предоставление права

---

¹ «Declaration of Independence», Bombay 1946, p. 13.

² Ibid., p. 14.

самоопределения, вплоть до отделения, всем национальным областям разрешит и индусско-мусульманскую проблему, так как такие области, как Синд, Пенджаб, за исключением его восточной части (округ Амбалла), Северо-Западная пограничная провинция, Белуджистан и Бенгалия, являются национальными областями. В меморандуме на имя миссии Британского кабинета (апрель 1946 г.) Центральный комитет коммунистической партии Индии выдвинул также и программу разрешения проблемы княжеств: «Индийский народ полон решимости покончить с самодержавием князей, господствующих над третью Индии. Свобода и демократия в Индии не будут иметь смысла, и на деле они будут в постоянной опасности, если треть Индии останется под ярмом этих средневековых самодержцев. Князья — творения британского правительства; они поддерживались в прошлом и поддерживаются сегодня британскими штыками как опора британского господства. Индия рассматривает так называемые договоры и обязательства британского правительства лишь как заговор против индийской демократии. Поэтому не должно быть вопроса о привлечении князей к участию во временном правительстве или о разрешении им участвовать в определении решений учредительного собрания. Поэтому народы индийских княжеств должны иметь те же избирательные права, что и остальная часть индийского народа. Народ каждого княжества должен иметь полное право решить посредством свободно избранного учредительного собрания, присоединится ли он к Индийскому союзу как отдельная провинция или войдёт в какую-либо из реорганизованных провинций, населённую народом той же национальности»¹.

В проекте резолюции учредительного собрания, внесённом представителем коммунистической партии, говорится: «Учредительное собрание объявляет, что сохранение 584 феодальных самодержцев, правящих третью страны, совершенно несовместимо с принципами демократии, и требует, чтобы немедленно в каждом из княжеств были созданы временные народные правительства; каждое

¹ «Declaration of independence», Bombay 1946, p. 14.

из этих правительств должно созвать учредительное собрание на основе участия в выборах всех взрослых и пропорционального представительства, чтобы установить демократическую конституцию и решить о будущем положении правителя. Это же учредительное собрание должно избрать делегатов во Всеиндийское учредительное собрание. Народ каждого княжества должен решить при помощи плебисцита, всё ли княжество или какая-либо его часть сольётся с прилегающей провинцией, населённой народом той же национальности»¹.

Второй съезд коммунистической партии Индии в общеполитической резолюции следующим образом определяет цели и задачи партии в области разрешения национального вопроса, религиозно-общинной проблемы и проблемы княжеств:

«Коммунистическая партия Индии требует:

...4. Права самоопределения для всех национальностей Индии, вплоть до отделения; превращения Индийского союза в добровольный союз автономных языковых провинций.

5. В конституцию должен быть включён пункт, обеспечивающий справедливые демократические права меньшинств, равенство и защиту языка и культуры меньшинств. Все преимущества и привилегии, а также дискриминация и ограничения по отношению к различным кастам, расам и религиям должны быть запрещены законом, и проявление их должно караться по закону.

6. Уничтожение княжеской, феодальной власти в княжествах и установление там полной демократии. В отношении вступления княжеств в доминионы разоблачение политики правительств Индии и Пакистана, представляющих вхождение их в один из доминионов как большой триумф, и разъяснение массам, что неотложной и первоочередной задачей внутри княжеств является ликвидация власти феодальных князей и установление народной демократии. Вопрос о вхождении в Индийский союз или в Пакистан должен быть решён населением княжества»².

¹ «Declaration of independence», Bombay 1946, p. 8—9.

² «Peoples Age», 14. IV. 1948.

Второй съезд коммунистической партии Индии в качестве основной задачи выдвинул создание демократического фронта, основными пунктами программы которого являются: полное отделение от Британской империи и создание демократического правительства в Индии; ликвидация помещичьего землевладения без компенсации; национализация крупной промышленности и предприятий, принадлежащих иностранному капиталу; национализация банков; установление рабочего контроля на предприятиях; обеспечение минимума заработной платы и установление восьмичасового рабочего дня.

Несмотря на относительно небольшую численность, коммунистическая партия Индии стала действительным авангардом всего демократического движения в Индии и ведёт борьбу за полное высвобождение трудящихся масс из-под влияния Национального конгресса и Мусульманской лиги, ставших на путь сговора с английским империализмом за счёт коренных интересов индийского народа.

Только осуществление программы демократического фронта будет способствовать правильному разрешению национального вопроса в Индии.

Политика английских партий, начиная от консерваторов и кончая лейбористами, в индийском вопросе одинакова. Представители английской буржуазии и аристократии проводили в Индии такую же империалистическую политику, как и представители рабочей аристократии. Английская политика «разделяй и властвуй» проводилась в Индии как консервативными, так и либеральными и лейбористскими правительствами Англии. Реформа Морли — Минто была проведена консервативным вице-королём при правлении либерального министерства Асквита в Англии. Реформа Монтегю — Челмсфорда была проведена коалиционным правительством, во главе которого стоял либерал Ллойд Джордж. Реформа 1935 г. подготовлялась при лейбористском, а затем коалиционном правительстве Макдональда. Расчленение Индии на Хиндустан и Пакистан и политика провоцирования столкновений между этими доминионами осуществляются лейбористским правительством Эттли — Бевина

Из всех партий Англии только коммунистическая партия проводит последовательную демократическую политику по отношению к народам колоний.

С момента своего возникновения коммунистическая партия Англии поддерживала борьбу колониальных народов, и в первую очередь индийского народа, за их освобождение. Английские коммунисты активно помогали индийским рабочим организовать профсоюзы.

Английская коммунистическая партия охарактеризовала декларацию английского правительства от 16 мая 1946 г. как новый империалистический манёвр, имеющий целью при помощи новых форм упрочение английского господства в Индии. Такая же оценка была дана коммунистами и декларации правительства от 20 февраля 1947 г.

Комментируя заявление английского правительства от 20 февраля 1947 г., газета «Дейли Уоркер» писала: «Расчленение Индии на части ясно показывает, что всем известное стремление сохранить власть князей и связь их с Англией усиливается. Это заявление является прямым вызовом Конгрессу и укрепляет надежды «мусульманских сепаратистов»¹.

Открывая 27 февраля 1947 г. конференцию коммунистических партий Британской империи, Палм Датт следующим образом охарактеризовал политику лейбористского правительства внутри империи:

«Нужно признать истину, что под покровом различных актов и реформ лейбористское правительство на деле проводит как во внешней политике, так и в отношении империи империалистическую политику тори».

Относительно заявления английского правительства от 20 февраля 1947 г. Палм Датт сказал: «Это план использования противоречий и тупиков, вытекающих из предложений миссии кабинета (которые мы, коммунисты, предсказали тогда же), с тем чтобы заставить Индию принять навязанное Англией решение, на базе расчленения Индии на различные государства, с сохранением княжеств под властью их князей и с британским господством над всеми ими»².

¹ «Daily Worker», 21. II. 1947.

² «Daily Worker», 27. II. 1947.

План Маунтбэттена, который явился результатом сговора английского правительства с индийской буржуазией, был совместным творением лейбористов и консерваторов. Черчилль приветствовал этот план. Вся английская печать — лейбористская, либеральная и консервативная — превозносила его, утверждая, что после его осуществления Индия станет свободной страной.

Английская коммунистическая партия выразила своё отношение к этому плану в передовице газеты «Дэйли Уоркер» от 4 июня 1947 г., озаглавленной «Это не свобода!»

«Индия должна быть разделена, — говорилось в этой передовице, — на три главные части и на целую сеть мелких, неустойчивых государств. Это противоестественное деление основано, главным образом, на расселении двух больших религиозных общин и игнорирует экономические и политические связи. Оно оставляет незатронутой самодержавную власть феодальных князей, сильнейшие из которых войдут в непосредственные сношения с Британией.

Правда, Хиндустан и Пакистан получают права доминиона, но достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть лоскутность предполагаемых государств, ключевые позиции, занимаемые княжествами, и тогда делается ясным, что вся схема построена так, чтобы сделать генерал-губернатора верховным правителем, управляющим по своей воле борьбой миллионов. Это английский план, план лейбористов и тори, а не индийский, и характерная его черта — расчленение Индии.

Будучи не в состоянии править по-старому, империализм изобретает новые пути, основанные на уверенности, что путём расчленения Индии и натравливания индусов на мусульман он на деле сохранит власть в руках белых раджей, хотя внешне она будет отдана индийцам».

Английская компартия и после расчленения Индии разоблачает как манёвры английского империализма, так и реакционную политику правительств Индийского союза и Пакистана, помогая рабочему классу Индии в его борьбе с английской и индийской буржуазией за руководство массами, за действительную независимость Индии и победу в ней народной демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Английские правящие круги, восхваляя те «блага», которые принесло Индии английское господство, своей важнейшей заслугой выставляют политическое объединение Индии, вследствие чего Индия была якобы избавлена от внутренних войн. В действительности объединение Индии было проведено английскими правящими кругами с целью полного закабаления её народов и более верной эксплуатации её богатств. Политическое объединение было закреплено строительством сети железных дорог, которые были необходимы английским правителям Индии для сбыта английских товаров, вывоза сырья и для переброски английских войск.

Однако постройка железных дорог и связанных с ней предприятий, имевшая целью лишь большее закабаление Индии, способствовала против воли английской буржуазии развитию в Индии местного пролетариата, интеллигенции, развитию национальной промышленной буржуазии.

Восстание 1857 г. показало английской буржуазии, что политическое объединение Индии неизбежно влечёт за собой и объединение сопротивления индийцев английскому господству; аннексия феодальных княжеств была приостановлена. Индия была разделена на Британскую Индию и индийские княжества.

Таким образом, Англия, подчинив себе всю Индию, не ликвидировала её феодальной раздроблённости. Более того, с 1857 г. она твёрдо встала на путь консервации вассальных феодальных княжеств, поддержки самодержавной власти князей над их подданными. Сохранение индийских феодальных и полуфеодальных княжеств тормозит

хозяйственное, политическое и культурное развитие народов Индии.

Чем больше развивалось национально-освободительное движение в Индии, тем большее значение для Англии в качестве опоры её господства приобретали индийские князья, и одной из характерных черт всех английских реформ в Индии после 1857 г. являлось стремление укрепить политические позиции индийских князей и усилить их влияние в общеиндийской политической жизни. *Опора на князей, противопоставление их национально-освободительному движению являлись одной из основ политики «разделяй и властвуй», которая заменила старую политику сталкивания между собой различных индийских правителей. Эта линия проходила красной нитью через все важнейшие политические мероприятия Англии в Индии, начиная с реформы Морли — Минто и до расчленения Индии на два доминиона.*

Но и после предоставления Индии прав доминиона княжества не перестают играть роли надёжной опоры всякой реакции в Индии. Английский империализм и сейчас использует князей как свою агентуру, как орудие давления на правительства обоих индийских доминионов. Те куцые реформы, которые под давлением массового движения проведены в индийских княжествах, недостаточны для того, чтобы парализовать реакционную роль князей в политической жизни Индии.

Однако английские правящие круги не удовлетворились только опорой на князей. Центром национально-освободительного движения всегда были экономически более развитые провинции Британской Индии. Если опора на князей сыграла огромную роль в подавлении восстания 1857 г., то она оказалась недостаточной в борьбе против начавшего расти с 80-х годов прошлого столетия национально-освободительного движения. И английская буржуазия находит себе опору в помещичье-служилой мусульманской знати, которой было не по пути с буржуазно-демократическим, по своей сущности, национально-освободительным движением. Таким образом, *разжигание религиозной розни, укрепление политических позиций феодальной мусульманской иерархии, противопоставление*

мусульман индусам — такова новая теория и практика английской политики «разделяй и властвуй».

Разобщение индусов и мусульман, разжигание розни между ними с начала XX века стало генеральной линией английской политики «разделяй и властвуй» в Индии.

Отчуждение между мусульманами и индусами усилилось по сравнению с прошлым, и индусско-мусульманская рознь превратилась в одну из важнейших проблем индийской политической жизни, в сильнейший тормоз на пути политического освобождения Индии.

Расчленение Индии на два доминиона — Индийский союз и Пакистан — является прямым результатом и новой формой политики противопоставления мусульман индусам. Искусно провоцируя вооружённые столкновения между Пакистаном и Индией, английский империализм в союзе с американским обеспечивает себе роль арбитра между двумя индийскими государствами. Расчленение Индии, ослабившее её экономически, создаёт более благоприятные условия для проникновения в Индию и в Пакистан английского и американского капитала.

С 30-х годов нынешнего столетия английские правящие круги сделали попытку противопоставления *низших каст, так называемых неприкасаемых*, остальной части индусов, т. е. попытку использования в своих интересах ещё одного пережитка докапиталистических отношений в Индии — кастовой системы. Однако эта попытка не дала ожидаемых результатов.

Восстание 1857 г. было переломным этапом в английской политике в Индии. Если до этого восстания английская буржуазия стремилась довести до конца ликвидацию феодальной раздроблённости Индии и устранить препятствия, стоящие на пути развития капитализма, то после восстания курс английской политики меняется. Рост национальной промышленности в Индии создал опасного конкурента для промышленности метрополии на индийском рынке. Стремление затормозить рост индийской промышленности делается преобладающей тенденцией английской экономической политики в Индии.

Рост национального движения усиливает тенденцию опоры английских правящих классов на реакционные фео-

дальные элементы, стремление законсервировать и укрепить феодальные пережитки в Индии: помещичье земле-владение, индийские княжества, религиозные общины и кастовую систему. В 80-х годах эта политика опоры на феодальные элементы, политика консервации феодальных пережитков, раскола национально-освободительного движения по линии религиозно-общинной, полностью сложилась.

Чем больше росло национально-освободительное движение, чем больше втягивались в него широкие массы трудящихся, чем более демократический характер оно принимало, тем ярче выступает реакционный характер английской политики в Индии.

Когда же национально-освободительное движение достигло такого широкого размаха, что Англия не могла уже ограничиваться мелкими уступками, она расчленила Индию на два государства и провоцирует вооружённые столкновения между ними, препятствуя подлинному освобождению народов Индии и эффективному развитию производительных сил страны в интересах трудящихся.

Расчленение Индии и предоставление прав доминиона Хиндустану и Пакистану правильно было оценено коммунистическими партиями Индии и Англии как новый манёвр английского империализма, имеющий своей целью подавление национально-освободительной борьбы, как современная форма империалистической политики «разделяй и властвуй».

Хотя этот акт и не сделал Индию независимой, он изменил расстановку классовых сил в стране. Индийское национально-освободительное движение является по своим целям движением антиимпериалистическим и антифеодальным. Расчленение Индии не ликвидировало английского господства в ней и затрудняет ликвидацию феодальных пережитков. В Пакистане к власти пришли мусульманские помещики, готовые ради сохранения своей власти превратить Пакистан в плацдарм англо-американского империализма. Они широко открывают двери своей страны для проникновения в неё английского и американского капитала. Помещичье правительство Пакистана ведёт наступление на прогрессивное движение.

В Индии у власти находится крупная индийская буржуазия, точнее, гуджаратско-марварская её группировка. Крупная индийская буржуазия, встав у власти и не чувствуя себя достаточно прочно, чтобы подавить массовое демократическое движение собственными силами, довольствуется ролью младшего партнёра английской буржуазии и готова остаться в составе Британской империи на правах доминиона. Индийская буржуазия пошла на раздел рынка с английским капиталом, образуя смешанные индо-английские общества и компании.

Буржуазное правительство Хиндустана взяло курс на союз со всеми реакционными силами страны и подавление всякого демократического массового движения. Оно преследует коммунистов, стремится расколоть профсоюзы, подавляет забастовочное движение рабочих и выступления крестьян против помещиков. Английские чиновники продолжают хозяйничать в государственном аппарате Хиндустана, а английские офицеры командуют его армией.

Характеризуя политическое положение в Индии в 1925 г., товарищ И. В. Сталин говорил: «...Основное и новое в условиях существования таких колоний, как Индия, состоит не только в том, что национальная буржуазия раскололась на революционную и соглашательскую партии, но, прежде всего, в том, что соглашательская часть этой буржуазии успела уже сговориться в основном с империализмом. Боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины, эта часть буржуазии, наиболее богатая и влиятельная, обеими ногами становится в лагерь непримиримых врагов революции, заключает блок с империализмом против рабочих и крестьян своей собственной страны. Нельзя добиться победы революции, не разбив этого блока. Но, чтобы разбить этот блок, надо сосредоточить огонь против соглашательской национальной буржуазии, разоблачая её предательство, высвобождая трудящиеся массы из-под её влияния и систематически подготавливая условия, необходимые для гегемонии пролетариата. Иначе говоря, дело идёт о том, чтобы в таких колониях, как Индия, подготовить пролетариат к роли вождя освободительного движе-

ния, шаг за шагом оттирая с этого почётного поста буржуазию и её глашатаев. Создать революционный антиимпериалистический блок и обеспечить в этом блоке гегемонию пролетариата — такова задача»¹.

Эти слова товарища Сталина, сказанные им в 1925 г., сохранили своё значение и для настоящего момента.

Ведущая группировка индийской буржуазии полностью перешла в лагерь врагов индийского народа и пошла на соглашение с английским и американским империализмом.

Для того чтобы удержать власть в своих руках, гуджаратско-марварская группировка индийской буржуазии готова превратить Индию в колонию не только английского, но и американского империализма. Правительство Индии выразило «благодарность» за готовность американского монополистического капитала оказать «помощь» Индии. Американские дельцы разрабатывают для Индии план, который должен превратить эту страну в аграрно-сырьевой придаток США, в рынок сбыта американских товаров, в важнейший военно-стратегический плацдарм. Недаром американский посол в Хиндустане Грэйди заявил, что одним из условий оказания этой «помощи» является ограничение развития промышленности Индии в такой мере, чтобы это развитие «не шло в ущерб развитию сельского хозяйства».

Буржуазное правительство Индии не думает ликвидировать феодальное землевладение и откладывает даже проведение той, весьма умеренной, аграрной реформы, которая была обещана Конгрессом, когда он ещё не стоял у власти.

Находящаяся у власти индийская буржуазия в союзе с феодальными князьями и помещиками подавляет не только революционное движение рабочих, крестьян и мелкобуржуазных прослоек города, но ущемляет интересы более слабой буржуазии ряда национальностей Индии: маратхов, бенгальцев, телугу и т. д.

Буржуазное правительство Индии и помещичье правительство Пакистана не хотят и не могут коренным

---

¹ *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 147—148.

образом разрешить национальный вопрос. Только революционная борьба индийского народа под руководством рабочего класса против местной буржуазии и английского империализма, заслужившего, по выражению И. В. Сталина, «общую ненависть угнетённых и эксплуатируемых масс Индии», может коренным образом решить национальный вопрос и в этой стране.

«Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешён лишь в связи и на почве пролетарской революции...»¹

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 141.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. V, стр. 378—392.
- К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 321—371.
- К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. I.
- К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 1—540.
- К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, Госполитиздат, М. 1947.
- К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, М. 1947, 286 стр.
- К. Маркс*, Капитал, т. I, II, III.
- К. Маркс*, Хронологические выписки по истории Индии, Госполитиздат, М. 1947, 160 стр.
- К. Маркс*, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, М. 1940.
- Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, Госполитиздат, М. 1948, 358 стр.
- Ф. Энгельс*, Крестьянская война в Германии, М. 1939.
- Ф. Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М. 1947.
- В. И. Ленин*, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 111—313.
- В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, т. 3, изд. 4, стр. 1—535.
- В. И. Ленин*, Что делать?, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 319—494.
- В. И. Ленин*, Национальный вопрос в нашей программе, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 412—420.
- В. И. Ленин*, Шаг вперед, два шага назад, Соч., т. 7, изд. 4, стр. 185—392.
- В. И. Ленин*, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., т. 9, изд. 4, стр. 1—119.
- В. И. Ленин*, Горючий материал в мировой политике, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 159—165.
- В. И. Ленин*, Лев Толстой как зеркало русской революции, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 179—186.
- В. И. Ленин*, Л. Н. Толстой и его эпоха, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 29—33.
- В. И. Ленин*, Культурные европейцы и дикие азиаты, Соч., т. XVI, изд. 3, стр. 362—363.

- В. И. Ленин*, Кадеты об украинском вопросе, Соч., т. XVI, изд. 3, стр. 520—521.
- В. И. Ленин*, Либералы и демократы в вопросе о языках, Соч., т. XVI, изд. 3, стр. 595—597.
- В. И. Ленин*, Резолюция по национальному вопросу, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 11—13.
- В. И. Ленин*, Проект платформы к IV съезду Социал-Демократии Латышского Края, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 61—67.
- В. И. Ленин*, Письмо С. Г. Шаумяну, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 89—91.
- В. И. Ленин*, О национальной программе РСДРП, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 116—121.
- В. И. Ленин*, Критические заметки по национальному вопросу, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 129—159.
- В. И. Ленин*, Национальное равноправие, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 321—322.
- В. И. Ленин*, О праве наций на самоопределение, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 425—474.
- В. И. Ленин*, О национальной гордости великороссов, Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 80—83.
- В. И. Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 67—175.
- В. И. Ленин*, Революционный пролетариат и право наций на самоопределение, Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 323—328.
- В. И. Ленин*, Социалистическая революция и право наций на самоопределение, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 37—48.
- В. И. Ленин*, Итоги дискуссии о самоопределении, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 239—272.
- В. И. Ленин*, Речь по национальному вопросу, Апрельская конференция РСДРП(б), Соч., т. XX, изд. 3, стр. 275—278.
- В. И. Ленин*, Задачи пролетариата в нашей революции, Соч., т. XX, изд. 3, стр. 111—135.
- В. И. Ленин*, Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 235—290.
- В. И. Ленин*, Доклад о тактике РКП (III конгресс Коминтерна), Соч., т. XXVI, изд. 3, стр. 450—465.
- И. В. Сталин*, Как понимает социал-демократия национальный вопрос?, Соч., т. 1, стр. 32—55.
- И. В. Сталин*, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 290—367.
- И. В. Сталин*, Об отмене национальных ограничений, Соч., т. 3, стр. 16—19.
- И. В. Сталин*, VII (Апрельская) конференция РСДРП (большеви-ков). Доклад по национальному вопросу, Соч., т. 3, стр. 49—54.
- И. В. Сталин*, Выступления на III Всероссийском съезде Советов Р. С. и К. Д., Соч., т. 4, стр. 30—37.
- И. В. Сталин*, Организация Российской Федеративной Республики, Соч., т. 4, стр. 66—73.
- И. В. Сталин*, Октябрьский переворот и национальный вопрос, Соч., т. 4, стр. 155—167.

- И. В. Сталин*, Не забывайте Востока, Соч., т. 4, стр. 171—173.
- И. В. Сталин*, Наши задачи на Востоке, Соч., т. 4, стр. 236—239.
- И. В. Сталин*, Политика правительства по национальному вопросу, Соч., т. 4, стр. 225—229.
- И. В. Сталин*, Политика Советской власти по национальному вопросу в России, Соч., т. 4, стр. 351—363.
- И. В. Сталин*, От автора. Предисловие к сборнику статей по национальному вопросу, изданному в 1920 году, Соч., т. 4, стр. 370—373.
- И. В. Сталин*, Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии, Соч., т. 5, стр. 15—29.
- И. В. Сталин*, К постановке национального вопроса, Соч., т. 5, стр. 52—59.
- И. В. Сталин*, X съезд РКП(б). Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 33—45.
- И. В. Сталин*, Вопрос об объединении независимых национальных республик, Соч., т. 5, стр. 138—144.
- И. В. Сталин*, Об объединении Советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов, Соч., т. 5, стр. 145—155.
- И. В. Сталин*, Об образовании Союза Советских Социалистических Республик, Соч., т. 5, стр. 156—159.
- И. В. Сталин*, Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), Соч., т. 5, стр. 181—194.
- И. В. Сталин*, XII съезд РКП(б). Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве, Соч., т. 5, стр. 236—263.
- И. В. Сталин*, Четвёртое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, Соч., т. 5, стр. 291—341.
- И. В. Сталин*, Об основах ленинизма, Соч., т. 6, стр. 69—188.
- И. В. Сталин*, К национальному вопросу в Югославии, Соч., т. 7, стр. 69—76.
- И. В. Сталин*, К итогам работ XIV конференции РКП(б), Соч., т. 7, стр. 90—132.
- И. В. Сталин*, О политических задачах Университета народов Востока, Соч., т. 7, стр. 133—152.
- И. В. Сталин*, Ещё раз к национальному вопросу, Соч., т. 7, стр. 216—226.
- И. В. Сталин*, О революционном движении на Востоке, Соч., т. 7, стр. 227—231.
- И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1947.
- И. В. Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос (сборник), М. 1939.
- И. В. Сталин*, Об оппозиции, М. 1927.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, Госполитиздат, М. 1946.

II. РАБОТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- В. М. Молотов*, Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, М. 1947.
- Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., Госполитиздат, М. 1948.
- Стенографический отчёт VI Конгресса Коминтерна, вып. IV. Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах, М. — Л. 1929.

* *
*

- В. Балабушевич*, Индия после раздела, «Мировое хозяйство и мировая политика» № 12, 1947.
- А. П. Баранников*, Легенды о Кришне, т. I, Академия наук СССР, М. — Л. 1937, стр. 471.
- А. П. Баранников*, Образцы современной прозы хиндустани, ч. 1—2, Восточный институт, Л. 1927—1930.
- А. П. Баранников*, Короткий начерк новоиндийских литератур. Переклад. Харків — Київ, «Літерат. и містечтво», 1933.
- В. М. Бескровный*, К вопросу о государственном языке Индии, «Советское востоковедение» № 1, Л. 1941.
- В. Бушевич*, Борьба Индии за независимость, «Мировое хозяйство и мировая политика» № 9, 1946.
- Бушевич и Дьяков*, Индия, Военгиз, М. 1940, 101 стр.
- Датт Пальм*, Индия сегодня, М. 1948.
- А. Дьяков*, К вопросу о национальном составе населения Индии, «Учёные записки Тихоокеанского ин-та», т. I, Академия наук, М. 1947, стр. 223—330.
- Е. Жуков*, К положению в Индии, «Мировое хозяйство и мировая политика» № 7, 1947.
- А. Камов*, Мусульмане в Индии, «Безбожник», М. 1930.
- Конституции буржуазных стран, т. IV, Госиздат, М. — Л. 1936, стр. 236—330.
- С. Мельман*, Индия, Госполитиздат, М. 1945.
- И. П. Минаев*, Очерки Цейлона и Индии, Спб. 1878.
- Новая история колониальных и зависимых стран, Соцэкгиз, М. 1940.
- А. А. Пронин*, Индия, Госполитиздат, М. 1940.
- И. М. Рейснер*, Очерки классовой борьбы в Индии, ч. 1. От распада Монгольской империи до империалистической войны, Международная аграрная ин-т, М. 1932, стр. 235.
- О. Четчикина*, Индия без чудес, Молодая гвардия, М. 1948.

III. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Официальные источники

- Census of India 1941. Delhi 1941—1944.
Census of India 1931. Delhi 1932—1933.
Census of India 1931. Vol. I and II. Delhi 1933.
Census of India 1911. Vol. I and II. Calcutta 1913.
Parliamentary Debates 1930—1931; 1931—1932; 1932—1933; 1933—1934; 1934—1935; 1935—1936; 1936—1937; 1937—1938; 1938—1939.
Montague E. S. and Chelmsford, viscount. Report on Indian Constitutional reforms. Presented to both Houses of Parliament. London, Stat. off. 1918. (Reprinted 1925).
Report of the Indian Statutory Commission. Vol. I—II. London. Stat. off. 1930.
Indian Round Table Conference, November 12, 1930—January, 1931. Proceedings... London. Stat. off. 1938.
Indian Round Table Conference. Second session, September 7—to December 1, 1931. Proceedings... London. Stat. off. 1932.
Indian Round Table Conference. Third session, November 17—to Dec. 24, 1932. Proceedings... London. Stat. off. 1933.
Minutes of evidence given before the Joint committee on Indian constitutional reform. London. Stat. off. 1934.
Joint committee on Indian constitutional reform. Report... London. Stat. off. 1934.
Proposals for Indian constitutional reform. «White paper». London. Stat. off. 1933. 127 p.
Government of India act, 1935. London. Stat. off. 1935. XVII, 328 p.
Index to the government of India act, 1935. London. Stat. off. 1940, XLIX, IX p.
India and the War. Statement issued by the Governor-General of India on October 17, 1939. London. Stat. off. 1939.
India and the War. Statement made by the Governor-General to the Indian legislature on November 20, 1940. London. Stat. off. 1940.
India. (Lord Privy Seal's Mission.) Statement and draft declaration by His Majesty's government with correspondence and resolutions connected therewith. London. Stat. off. 1942.
India. Statement of the Policy of His Majesty's government, made by the Secretary of State for India on June 14th, 1945. London. Stat. off. 1945, 4 p.
India. «White paper». 16.V. 1946; «Times». 17.V. 1946.
Report of the Indian States' Enquiry Committee. London. Stat. off. 1932.
East India (Constitutional reforms): Indian franchise committee. Vol. 1—4. London. Stat. off. 1932.
All Parties Conference, Report of the Committee appointed by the Conference to determine the principles of the constitution for India. Allahabad 1928.
Memorandum of the Indian States People. Poona 1928.
Report of the census of the Punjab. Lahore 1881.

- Linguistic survey of India. Comp. and ed. by G. A. Grierson. Vol. I¹ pt. 1 and 2. Calcutta 1902.
 Constitution of the Indian National Congress. Belgaum 1924.
 Indian National Congress. 1885—1916. Madras 1922.
 Indian National Congress. 1920—1923. Allahabad 1924.
 Constitutional Proposals of the Sapru committee. Bombay 1945.
 India: the Constitutional issue: Summary report on a survey of Indian opinion on political issues with the recommendations of the Sapru committee for the composition of the Constitution making body and for interim arrangements. «International conciliation». 1946, № 421, p. 241—269.

IV. СПРАВОЧНИКИ И СВОДНЫЕ РАБОТЫ

- Statistical abstract for British India. 1934—1942.
 Indian Yearbook. Bombay 1932—1945.
 Statesmen Yearbook. London 1940—1944.
 Annual Register. London 1933—1944.
 Indian Annual Register. Calcutta 1919—1947.
 Encyclopaedia Britannica. 12th Edition.
 Britannica 1933—1946.
 Imperial gazetteer of India. Vol. 1—3. Oxford 1909.
 India unreconciled. A documented history of Indian political events from the crisis of August 1942 to October 1943. «The Hindustan Times». New Delhi 1944.
 A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries. Comp. by Ch. Aitchison. Vol. 1—13. 4th ed. Calcutta 1909; 5th ed., vol. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 12, 14. 1929—1931.
 Cambridge History of India, vol. I, III, IV, V, VI. Cambridge 1922—1937.

V. МЕМУАРЫ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, СТАТЬИ

- Сайад Ахмад Хан*, Асбаб-и-Багават-и-Хинд. Агра.
Сайад Ахмад Хан, Хутут-и-Сар Сайад. Лудиана 1922.
Хали. Хаят-и-Джавид. Алигарх.
Abbas, M. H., All about the K̄hilafat. Calcutta. Choudhury. 1922, 368 p.
Frederick Edwin. Earl of Birkenhead. The last phase. London. Butterworth. 1935.
Nehru Jawaharlal, An Autobiography. London. Lane the Bodley Head. 1936, XIV, 618 p.
Nehru J., Eighteen months in India. Allahabad 1938, VIII, 300 p.
Nehru J., The unity of India. Collected writings, 1937—1940. 2d ed. London. Drummond. 1942, 432 p.
Das Chitta Ranjan, India for Indians. Madras. Ganesh. 1921, 192 p.
Chamberlain Austin, Politics from inside. An epistolary chronicle. 1906—1914. London. Cassell. 1936, 676 p.

- Irwin*, lord, Indian problems. Speeches. London. Allen and Unwin. 1932, 376 p.
- Irwin*, lord, Some aspects of the Indian problem. London. Oxford univ. press. 1932, 31 p.
- Halifax*, viscount, The Indian problem. London. Oxford univ. press. 1942, 31 p.
- Gandhi M. K.*, Speeches and writings. Madras 1922, 848 p.
- Raja Rao and Iqbal Singh*, Changing India London. Allen and Unwin. 1939, 271 p.
- Pradhan R. G.*, India's struggle for swaraj. Madras. Natesan. 1930, XXIII, 311, XI p.
- Prasad Radjendra*, India divided. Delhi 1947, 396 p.
- Naoroji Dadabhai*, Poverty and Un-British rule in India. London. Sonnenschein. 1901, 675 p.
- Morley J.*, Recollections. Vol. 1—2. London. Macmillan. 1924.
- Ambedkar B. R.*, Untouchables and the Indian constitution. New-York 1943.
- Ambedkar B. R.*, Thoughts on Pakistan. Bombay. Thacker Co. 1941, 380 p.
- Appasami A. I., Abdal-Qadir, Rustom Misani* and oth., The cultural problem. London. Oxford univ. press. 1943, 64 p.
- Amery L. S.*, India and freedom. London. Oxford univ. press. 1942, 122 p.
- Minto M.*, India, Minto and Morley. 1905—1910. Comp. from the correspondence between the viceroy and the Secretary of State. London. Macmillan. 1935, VIII, 447 p.

VI. МОНОГРАФИИ

- Abhyankar*, The problem of Indian States. Poona 1928.
- Andrews C. F.*, India and the Simon report. London. Allen and Unwin. 1930, 191 p.
- Ambedkar B. R.*, Federation versus Freedom. Bombay 1939, II, 156 p.
- Abbas*, Let India fight for freedom. Bombay 1943.
- Baines A.*, Ethnography (Castes and tribes). Strassburg 1912, 211 p.
- Bhagat M. G.*, The untouchable classes of Maharashtra. Bombay 1935, 45 p.
- Blunt E. A. H.*, The caste system of Northern India. Madras 1931, VII, 374 p.
- Barnett L. D.*, The heart of India: Sketches in the history of Hindu religion... London 1924.
- Chatterji S. K.*, The origin and development of the Bengali language. Vol. 1—2. Calcutta 1926.
- Chib S. N.*, Language, universities and nationalism in India. New-York. Oxford univ. press. 1936, 59 p.
- Crooke W.*, The North-Western Provinces of India. Ca'cutta 1891.
- Crooke W.*, Religion and folklore of Northern India. Calcutta 1926.

- Coupland R.*, Report on the constitutional problem in India. Pt. I—III. London 1942—1945.
- Coupland*, Cripps mission. London — Oxford 1942, 91 p.
- Chudgar P. L.*, Indian princes under british protection. London 1929, XVI, 240 p.
- Dutt R.*, Economic history of India. London 1903.
- Dutt R. P.*, The problem of India. New-York. Intern. publ. 1943, 224 p.
- Desai M. H.*, Maulana Abul Kalam Azad the president of the Indian national congress. London. Allen and Unwin. 1941, 191 p.
- Emerson G.*, Voicelles India. Rev. ed. with introd. by P. S. Buck, R. Tagore. New-York 1944, 458 p.
- Frazer R. W.*, The literary history of India. London. Library of lterary history. 1893.
- Gurdon P. R. T.*, The Khasis. Introd. by Ch. Lyall. 2d ed. 1914, XXIV, 232 p.
- Garcin de Tassy J. H.*, Histoire de la littérature. Hindouie et Hindoustanie. 2-me éd. T. 1—2. Paris. Labitte. 1870—1871.
- Gilchrist R. N.*, Indian nationality. With an introd. by R. Muir. London. Longmans Green. 1920, 246 p.
- Gadgl D. R.*, The industrial evolution of India in recent times. London. Milford. 1938, II, 327 p.
- Grierson G. A.*, The vernacular literature of India. In «The imperial Gazetteer of India». Vol. 3. Oxford 1909.
- Garrat G. T.*, Legacy of India. Oxford. Clarendon press. 1937, 428 p.
- Glasenapp H.*, Die indische Literaturen. Potsdam 1929, 96 p.
- Gwynn G.*, Indian politics. London. Nisbet and Co. 1924, XII, 344 p. Gazetteer of the Punjab. 1883—1839. Lahore 1890.
- Haksar K. N. and Pannikar K. M.*, Federal India. London. Hopkinson. 1930, XII, 211 p.
- Hunter W. W.*, Our Indian Musulmans. London 1872.
- Horne E. A.*, The political system of British India. Oxford. Clarendon press. 1922, 184 p.
- Jathar G. B. and Beri S. G.*, Indian economics. Vol. 1—2. 3d ed. London. Oxford univ. press. 1931—1932.
- Joshi P. G.*, They must meet again. Bombay 1944.
- Joshi G. N.*, The new Constitution of India. 2d ed. London. Macmillan. 1940, XIII, 498 p.
- Krishna B.*, The problem of minorities communal representation in India. London. Allen and Unwin. 1939, 359 p.
- Keay F. E.*, A history of Hindi literature. Calcutta 1920.
- Keliche*, Speeches and documents on Indian Policy, part I.
- Ketkar S. V.*, The history of caste in India. Ithaca Teylor and Carpenter. 1909.
- Lahiri P. C.*, Orissa States and British Policy. Calcutta 1930, 52 p.
- Low Sidney*, The Indian States and ruling princes. L. 1919.
- Lyall C. J.*, A sketch of the Hindustani language. Edinburgh 1880.
- Mitchell K.*, India without fable. New-York. Knopf. 1943, VII, 296. XII p.

- Masani R.*, Dadabhai Naoroji — the grand old man of India. With a foreword by M. Gandhi. London. Allen and Unwin. 1939, 557 p.
- Mehra Sri Kishen.* Government of India act 1935. Allahabad. Ram Narain Lal. 1936, XX, 583, 117 p.
- Mookerji R. K.*, The fundamental unity of India (from Hindu sources). New-York. Longmans. 1914, XX, 140 p.
- Macauliff M. A.*, The sikh religion. Vol. 1—6. Oxford. Clarendon press. 1909.
- Moreland W. H.*, From Akbar to Aurangzeb. London 1923, XIII, 364 p.
- Moreland W. H.* and *Chatterjee A. Ch.*, A short history of India. London 1945, IX, 496 p.
- Manshardt C.*, The hindu-muslim problem in India. London. Allen and Unwin. 1936, 128 p.
- Macdonald J. R.*, The awakening of India. London. Hodder and Stoughton. 1910, VIII, 311 p.
- Mallik B. K.*, The individual and the group: an Indian study in conflict. London 1939.
- Nicholson D. P.*, Scraps of Paper. London 1930, 328 p.
- Nehru S. S.*, Caste and credit in rural area. Calcutta 1932, XVI, 174.
- O'Malley L. S. S.*, Indian caste customs. Cambridge 1932, IX, 190 p.
- O'Malley L. S. S.*, India's social heritage. Oxford 1934, 194 p.
- Risley H.*, The people of India. 2d ed. Calcutta 1915.
- Rao P. R.*, Decay of Indian industries. Bombay 1935, 167 p.
- Rajagopalachari C.*, The way out. London. Oxford univ. press. 1944, 32 p.
- Rahmat Ali*, Contribution à l'étude du conflit Hindou-Musulman. Paris. Geuthner. 1933, 144 p.
- Rawlinson H. G.*, India: a short cultural history. Ed. C. G. Seligman. New-York — London. Appleton — Century Co. 1938, XIV, 452 p.
- Smith V. A.*, The early history of India.
- Vahid Syed Abdul*, Iqbal, His art and thought. — Kashmiri Bazar, Lahore. Ashraf. 1944, XV, 265 p.
- Shelvankar K. S.*, The problem of India. New-York. Penguin books. 1940, 254 p.
- Sastry R. R.*, Indian States and responsible government. Allahabad. The autor. 1939, 142 p.
- Slater G.*, Southern India. Its political and economic problems. London. Allen and Unwin. 1936, 383 p.
- Sarkar J.*, Shivalji and his times. Calcutta 1920, 508 p.
- Thompson E.*, The reconstruction of India. London. Faber and Faber. 1930, 320 p.
- Thurston X.*, Castes and tribes of Southern India. Vol. I—IV. 1909.
- Thorburn S. S.*, Musulmans and money lenders in the Punjab. London 1886.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абдулла — 195.
Абдул Гафар Хан — 105, 275.
Абдул Латиф — 253—254.
Абуль Калам Азад — 229, 265.
Абуль Фазл — 59.
Ага Хан — 215, 223, 227.
Акбар — 59—60, 63.
Александр — 23.
Аманулла — 226.
Амбедкар — 49, 182, 198, 287—
291.
Арчболд — 214—215.
Аурангзеб — 72.
Ахмад Туфайль — 214.
Ахмад Хасан Хан — 124.

Б

- Балдев Синг — 272.
Басу Амия — 141.
Батлер — 177, 183—184, 187.
Безант Энни — 42.
Бек — 214.
Биркенхед — 38—39.
Бирла — 156.
Бихари Лал — 63, 114.
Блант — 280.
Буллабхан Десаи — 264.
Бхавабхути — 63.

В

- Веллингтон — 172.
Вемана — 63.
иктория — 172—173.

Г

- Гадгил — 79.
Ганди — 14, 17—18, 22, 27, 32—
33, 48, 75, 86, 105, 140, 154—
155, 163, 189, 221, 225—226,
228, 243, 256, 258, 263—264,
278, 284, 288.
Гарун Абдулла — 248.
Глаценап — 69.
Годсе — 278.
Гокхале — 10, 143.
Гуляб Сингх Джамму — 106.
Грирсон — 62, 115, 121.
Грэйди — 311.
Гхош — 69.

Д

- Даду — 63.
Дальхузи — 172.
Даниельсон — 28.
Датт, Палм — 304.
Дафферин — 212.
Дехлави — 253.
Джахангир — 63.
Джинна — 48—49, 86, 107, 117,
155, 224—225, 227—228, 230,
238, 244—246, 251, 256—258,
263—266, 269, 272, 275, 277.
Джоши — 79.
Дюбуа — 286.

Ж

- Жданов, А. А. — 3.

И

Икбаль — 250—251.
Ирвин (Галифакс) — 17.

К

Кабир — 61—63, 114.
Кадыри — 247.
Калидаса — 63.
Кей — 63—64.
Келькар — 79.
Керзон — 4, 12, 72—73, 174.
Кешав Дас — 63.
Ковасджи — 101.
Кренков — 251.
Криппс — 21—23, 44, 185, 254, 256.
Кришна — 84—85.
Куплэнд — 44, 156—158, 187, 220, 233—234, 254—255.
Кхаре — 79.

Л

Лайел — 116.
Ладжпат Раи Лала — 237.
Ленин, В. И. — 11, 29—30, 137—139, 160, 163—164, 218.
Лиакат Али Хан — 264, 272, 276.
Линлитгоу — 244.
Ллойд Джордж — 303.
Лоу, Сидней — 173—174, 286.
Люксембург, Роза — 138.

М

Мазумдар — 144.
Макдональд — 303.
Малавия — 239.
Маркс, Карл — 28, 57, 66—68, 171—172, 282.
Маунтбэттен — 26—27, 164, 274, 276, 305.
Мехта, Ферузешах — 8.
Мехето, Нарсинх — 100—101.

Минто — 12, 174, 215—216, 218, 220, 223—224, 296, 303, 307.
Монро — 172.
Монтегю — 14, 175, 219, 224, 226, 303.
Морли — 12, 28, 215—218, 220, 224, 296, 303, 307.
Моррисон — 214.
Мохсин-уль-Мульк — 215.
Мохан-Лал — 291.
Мукхерджи Радха Кумуд — 39.
Мунши — 250.
Мухамад Али — 225.
Мэколиф — 62, 124.

Н

Намдев — 63, 99.
Наороджи Далабхай — 9, 214, 227.
Неру, Джавахарлал — 15, 18, 24—27, 31—33, 45—46, 54—55, 77, 83—85, 115, 120, 143, 145—146, 149—151, 154, 190, 226—227, 240, 242—243, 264—265, 271—272, 289.
Неру, Мотилал — 15—16.
Низамуддин — 96.

П

Панникар — 85—86.
Патель, Валлабхай — 192—193, 265, 272, 278.
Петик, Лоренс — 23, 158.
Пиллей Мунисвами — 291.
Плиний — 58.
Прадхан — 11.
Прасад, Бени — 156.
Прасад, Раджендра — 121.

Р

Раджагопалачария — 155, 243, 256.
Рамананд — 61—62.
Рамануджа — 61.

Рам Дас — 99.
 Рамеш Чандра Датт — 72.
 Рам Джаг Дживан — 289.
 Ранадив — 299.
 Ранаде, Махадев Говинд — 8.
 Ранджит Сингх — 123.
 Рао, Рамачандра — 68.
 Рахмат Али Чаудхари — 251—
 252, 255.
 Рисли — 39, 85.
 Рой Рам Мохан — 70, 93.
 Рэпсон — 38.

С

Саваркар — 238.
 Саид Зафарулла Хасан — 247.
 Саид Ахмад Хан — 210—215.
 Саид Абул Вахид — 251.
 Саймон — 16, 77, 134, 140, 176,
 179, 226—227, 233—234.
 Сапру — 50, 200, 213—214, 225,
 291.
 Саркар — 99.
 Сикандер Хаят Хан — 191, 230—
 231, 246.
 Синдхия Гвалиора — 173.
 Сталин, И. В. — 15, 31, 36, 49,
 52, 57, 84, 167, 170, 218, 310—
 311, 314.
 Сур Дас — 64, 114—115.
 Сурендра Натх Баннерджи — 8,
 144, 225.

Т

Тагор, Дебендра Натх — 70.
 Тагор, Рабиндра Натх — 70.
 Тата — 102, 156.
 Типу Султан — 110.
 Тилак — 10—13, 29, 71—72, 143—
 144, 224, 297.
 Тируваллувар — 63, 109.
 Тулси Дас — 63, 114—115.
 Тука Рам — 63—64, 99.
 Тэрстон — 51.

У

Уэйвелл — 26, 264, 269, 272.

Ф

Фредерик, Эдвин — 38.
 Фазлул Хакк — 96, 145, 230—
 232, 247.

Х

Хайдар Али — 110.
 Хан Сахеб — 105.
 Хардиал Лала — 237—238.
 Хейстингс — 175.
 Хусрав, Амир — 59.

Ч

Чайтанья — 61.
 Чаттерджи Банким Чандра —
 93, 144.
 Чаттерджи С. К. — 93, 95, 204.
 Челмсфорд — 14, 174—175, 219,
 224, 226, 303.
 Читта Раньджан Дас — 15, 95.
 Черчилль — 305.

Э

Эльфинстон — 172.
 Эмери — 212, 217.
 Энгельс, Фридрих — 8, 28, 57,
 66—68, 171—172.
 Эттли — 23, 25, 303.

Ш

Шанкар — 63.
 Шейх Абдулла — 107.
 Шиваджи — 64, 71—72, 99.
 Шраддхананд Свами — 237.
 Шавкат Али — 225.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС 35

<i>Глава</i> 1. Взгляды основных политических группировок Индии по национальному вопросу	38
<i>Глава</i> 2. Развитие национальностей Индии до завоевания её Англией	57
<i>Глава</i> 3. Развитие капитализма и формирование национальностей в Индии	65
<i>Глава</i> 4. Национальный состав населения	81
<i>Глава</i> 5. Сформировавшиеся национальности	91
<i>Глава</i> 6. Формирующиеся национальности и отсталые племена и народности	113
<i>Глава</i> 7. Факторы, препятствующие консолидации национальностей Индии, и особенности развития отдельных её национальностей	132
<i>Глава</i> 8. Национальная политика политических партий Индии и английского империализма	149

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА
«РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ» 168

<i>Глава 9.</i> Индийские княжества	171
<i>Глава 10.</i> Религиозные общины и социальные различия между индусами и мусульманами	197
<i>Глава 11.</i> Английская политика противопоставления мусульман индусам	209
<i>Глава 12.</i> Мусульманская лига	223
<i>Глава 13.</i> Хинду махасабха и Национальный конгресс	236
<i>Глава 14.</i> Индусско-мусульманская проблема в период второй мировой войны	244
<i>Глава 15.</i> Английская политика разжигания религиозно-общинной розни после второй мировой войны	268
<i>Глава 16.</i> Английская политика в отношении неприкасаемых каст	280
<i>Глава 17.</i> Национальная программа коммунистической партии Индии. Индийская проблема и компартия Англии	297
<i>Заключение</i>	306
<i>Библиография</i>	315
<i>Указатель имён</i>	324

Редактор *Я. Лившиц*Технический редактор *Н. Трояновская*Отв. корректоры *Л. Фокина* и *А. Левина*

Подписано к печати 20 октября 1948 г.

Объем 20^{1/2} п. л. Тираж 20 000 экз. Уч.-изд. 16,35 л.

Заказ № 8155. А08073. Цена 5 р.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И
АНГЛИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ИНДИИ

А. М. ДЬЯКОВ